

Герберт Уэллс

Первые Люди на Луне

<http://book.zehinli.info>

Три тысячи стадий от Земли до Луны...

Не удивляйся, приятель, если я буду говорить тебе о надземных и воздушных материях. Просто я хочу рассказать по порядку мое недавнее путешествие.

"Икарменипп" Лукиана.

Глава 1

МИСТЕР БЕДФОРД ВСТРЕЧАЕТСЯ С МИСТЕРОМ КЕЙВОРОМ В ЛИМПНЕ

Когда я сажусь писать здесь, в тени виноградных лоз, под синим небом южной Италии, я с удивлением вижу, что мое участие в необыкновенных приключениях мистера Кейвора было чисто случайным. На моем месте мог оказаться любой другой. Я впутался в эту историю в то время, когда меньше всего думал о каких-либо приключениях. Я приехал в Лимпн, считая это место самым тихим и спокойным в мире. "Здесь, во всяком случае, - говорил я себе, - я найду покой и возможность работать".

И в результате - эта книга. Так разбивает судьба все наши планы.

Здесь, быть может, уместно упомянуть, что еще недавно мои дела были очень плохи. Теперь, живя в богатой обстановке, даже приятно вспомнить о нужде. Допускаю даже, что до некоторой степени я сам был виновником моих бедствий. Вообще я не лишен способностей, но деловые операции не для меня.

Но в то время я был молод и самонадеян и среди прочих грехов молодости мог похвастать и уверенностью в своих коммерческих талантах; я молод еще и теперь, но после всех пережитых приключений стал гораздо серьезней, хотя вряд ли это научило меня благоразумию.

Едва ли нужно вдаваться в подробности спекуляций, в результате которых я попал в Лимпн, в Кенте. Коммерческие дела связаны с риском, и я рискнул.

В этих делах все сводится к тому, чтобы давать и брать, мне же пришлось в конце концов лишь отдавать. Когда я уже почти все ликвидировал, явился неумолимый кредитор. Вы, вероятно, встречали таких воинствующих праведников, а может быть, и сами попадали в их лапы. Он жестоко разделался со мной. Тогда, чтобы не стать на всю жизнь клерком, я решил написать пьесу. У меня есть воображение и вкус, и я решил бороться с судьбой. И дорого продать свою жизнь. Я верил не только в свои коммерческие способности, но и считал себя талантливым драматургом. Это, кажется, довольно распространенное заблуждение. Писание пьес казалось мне

делом не менее выгодным, чем деловые операции, и это еще более окрыляло меня. Мало-помалу я привык смотреть на эту ненаписанную драму как на запас про черный день. И когда этот черный день настал, я засел за работу.

Однако вскоре я убедился, что сочинение драмы потребует больше времени, чем я предполагал; сначала я клал на это дело дней десять и прежде всего хотел иметь "pied-a-terre" <временное помещение (фр.)>, поэтому я и приехал тогда в Лимпн. Мне удалось найти небольшой одноэтажный домик, который я и нанял на три года. Я расставил там кое-какую мебель и решил сам готовить себе еду. Моястряпня привела бы в ужас миссис Бонд, но, уверяю вас, готовил я недурно и с вдохновением. У меня были две кастрюли для варки яиц и картофеля, сковородка для сосисок и ветчины и кофейник вот и вся нехитрая кухонная утварь. Не всем доступна роскошь, но устроиться скромно можно всегда. Кроме того, я запасся восемнадцатигаллонным ящиком пива - в кредит, конечно, - и отпускающий на веру булочник являлся ко мне ежедневно. Разумеется, устроился я не как сибарит, но у меня бывали и худшие времена. Я немного беспокоился о булочнике - он был славный малый, - однако надеялся, что сумею с ним расплатиться.

Без сомнения, для любителей уединения Лимпн - самое подходящее место.

Он расположен в глинистой части графства Кент, и мой домик стоял на краю старого приморского утеса, откуда за отмелью Ромни-Марш виднелось море. В ненастную погоду место это почти неприступно, и я слышал, что иногда почтальону приходится перебираться через болота на ходулях. Хотя я не видел сам, но верю этому. Перед дверями лачуг и домишек деревни повсюду торчат воткнутые в землю березовые веники для очистки обуви от налипшей глины, и по одному этому можно судить, какая тут грязь.

Я думаю, что это место осталось бы необитаемым, если бы не наследие давно минувших времен. Когда-то, в эпоху Римской империи, здесь была большая гавань, Портус Леманус; с тех пор море отступило на целые четыре мили. На всем склоне крутого холма еще сохранились камни и кирпичи римских построек, и старинная Уотлинг-стрит, до сих пор еще местами замощенная, прямая как стрела, тянется на север.

Я часто стоял на холме и думал о кипевшей здесь некогда жизни, о галерах и легионах, о пленниках и начальниках, о женщинах и торговцах, о дельцах вроде меня, о сутолоке и шуме гавани.

А теперь здесь лишь кучи мусора на заросшем травой скате холма, две-три овцы да я!

Там, где была гавань, вплоть до отдаленного Дандженеса, расстилается лишь болотистая равнина с редкими метелками деревьев да церковными башнями старых средневековых городов, которые теперь так же приходят в упадок, как некогда приморский Леманус.

Вид на болото - один из самых красивых, какие мне случалось встречать.

Дандженес находится отсюда милях в пятнадцати; он кажется плотом в море, а далее к западу виднеются холмы Хастингса, особенно заметные на закате.

Иногда они вырисовываются отчетливо, иногда бывают подернуты дымкой, а в туманную погоду их часто совсем не видно. Вся болотистая равнина исполосована плотинами и канавами.

Окно, у которого я работал, выходило в сторону холмов, и из этого окна я впервые увидел Кейвора. Я корпел над сценарием, стараясь сосредоточиться на трудной работе, и, естественно, Кейвор привлек к себе мое внимание.

Солнце уже закатилось, небо окрасилось в желтый и зеленый цвета, и на фоне заката вдруг появилась темная странная фигурка.

Это был низенький, кругленький, тонконогий человек с неровными, порывистыми движениями; на нем было пальто и короткие брюки с чулками, как у велосипедиста, а гениальную голову покрывала шапочка, как у игроков в крикет. Зачем он так нарядился, не знаю: он никогда не ездил на велосипеде и не играл в крикет. Вероятно, все это были случайные вещи. Он размахивал руками, подергивал головой и жужжал - жужжал, как мотор. Вы, наверно, никогда не слышали такого жужжания. Время от времени он прочищал себе горло, невероятно громко откашливаясь.

Недавно прошел дождь, и порывистость его походки усиливалась от скользкой тропинки. Встав прямо против солнца, он остановился, вынул часы и с минуту постоял словно в нерешительности. Потом судорожно повернулся и поспешно пошел назад, не размахивая больше руками, но широко шагая неожиданно большими ногами, которые, помнится, казались еще уродливей от налипшей на подошвы глины; видимо, он очень торопился.

Это случилось как раз в день моего приезда, когда я всецело был поглощен своей пьесой и досадовал, что потерял из-за этого чудака пять драгоценных минут. Я снова принялся за работу. Но когда на следующий день явление повторилось с поразительной точностью и стало повторяться регулярно каждый вечер, если не было дождя, я уже не мог сосредоточиться над сценарием. "Это не человек, а какая-то марионетка; можно подумать, что он нарочно так двигается", - сказал я с досадой, проклиная его от всего сердца.

Но скоро досада сменилась удивлением и любопытством. Зачем он это проделывает? На четырнадцатый вечер я не выдержал и, как только незнакомец появился, открыл широкое окно, прошел через веранду и направился к тому месту, где он всегда останавливался.

Когда я подошел, он держал в руке часы. У него было круглое румяное лицо с красноватыми карими глазами; раньше я видел его лишь против света.

- Одну минуту, сэ, - сказал я, когда он повернулся.

Он посмотрел на меня с удивлением.

- Одну минуту, - промолвил он, - извольте. Если же вы желаете говорить со мной дольше и не будете задавать слишком много вопросов - ваша минута уже прошла, - то не угодно ли вам проводить меня?

- Охотно, - ответил я, поравнявшись с ним.

- У меня свои привычки. И время для бесед ограничено.

- В это время вы обычно прогуливаетесь?

- Да, я прихожу сюда любоваться закатом солнца.

- Не думаю.

- Сэр!

- Вы никогда не смотрите на закат.

- Никогда не смотрю?

- Никогда. Я наблюдаю за вами тринадцать вечеров подряд, и вы ни разу не смотрели на закат, ни разу.

Он сдвинул брови, как бы решая какой-то вопрос.

- Все равно я наслаждаюсь солнечным светом, атмосферой, я гуляю по этой тропинке, через те ворота, - он кивнул головой в сторону, - и кругом...

- Нет, вы никогда так не ходите. Это неправда. Сегодня вечером, например...

- Сегодня вечером! Дайте вспомнить... А! Я только что взглянул на часы и, увидев, что прошло уже три минуты сверх положенного получаса, решил, что гулять уже поздно, и пошел назад.

- Но вы постоянно так делаете.

Он посмотрел на меня и задумался.

- Может быть. Пожалуй, вы правы... Но о чем вы желали поговорить со мной?

- Вот именно об этом.

- Об этом?

- Да, зачем вы это делаете? Каждый вечер вы приходите сюда жужжать.

- Жужжать?

- Да. Вот так.

И я изобразил его жужжание.

Он посмотрел на меня: очевидно, звук ему не понравился.

- Разве я так делаю?

- Каждый вечер.

- А я и не замечал. - Он остановился и посмотрел на меня серьезно. Неужели, - сказал он, - у меня уже образовалась привычка?

- Похоже на то. Не правда ли?

Он оттянул нижнюю губу двумя пальцами и уставился в лужу у своих ног.

- Мой мозг все время занят, - сказал он. - Значит, вы хотите знать, почему я это делаю? Уверю вас, сэр, что я сам не знаю, почему, я даже не замечаю этого. А ведь, пожалуй, вы правы: я никогда не заходил дальше этого поля... И это мешает вам?

Я несколько смягчился.

- Не мешает, - сказал я. - Но вообразите, что вы пишете пьесу.

- Не могу этого вообразить.

- Тогда представьте, что занимаетесь чем-нибудь, что требует сосредоточенности.

- Да, конечно, - сказал он и задумался.

Он казался таким огорченным, и я смягчился еще больше. К тому же с моей стороны было довольно невежливо требовать от незнакомого человека объяснений, зачем он жужжит в общественном месте.

- Вы видите, - сказал он робко, - это уже привычка.

- Вполне согласен с вами.

- Это надо прекратить.

- Зачем же, если вам нравится? Притом я не так уж занят, у меня нечто вроде отпуска.

- Вовсе нет, - возразил он, - вовсе нет. Я очень обязан вам. Мне следует воздержаться от этого. Я постараюсь. Могу я попросить вас воспроизвести еще раз это жужжание?

- Вот так, - сказал я, - "ж-ж-ж-ж"... Но знаете...

- Я очень вам обязан. Действительно, я рассеян до нелепости. Вы правы, сэр, совершенно правы. Да, я вам очень обязан. Это прекратится. А теперь, сэр, я уже увел вас дальше, чем следует.

- Надеюсь, вы не обиделись...

- Нисколько, сэ, нисколько.

Мы посмотрели друг на друга. Я приподнял шляпу и пожелал ему доброго вечера. Он порывисто раскланялся, и мы разошлись.

У изгороди я оглянулся на удалявшегося незнакомца. Его манеры резко изменились; он шел, прихрамывая, весь съежившись. Этот контраст с его оживленной жестикуляцией, с жужжанием почему-то странно растрогал меня. Я наблюдал за ним, пока он не скрылся из виду, и от всей души жалея, что полез в чужие дела, поспешно вернулся в домик, к своей пьесе.

Следующие два вечера он не появлялся. Но я все время думал о нем и решил, что как комический тип сентиментального чудака он мог бы, пожалуй, войти в мою пьесу. На третий день он зашел ко мне.

Сначала я недоумевал, почему он пришел: он вел безразличный разговор самым официальным образом, а затем вдруг перешел к делу. Он желал купить у меня домик.

- Видите ли, - сказал он, - я нисколько не сержусь на вас, но вы нарушили мои старые привычки, мой дневной распорядок. Я гуляю здесь уже много лет - целые годы! Конечно, я жужжал... Вы сделали это невозможным!

Я заметил, что он мог найти другое место для прогулок.

- Нет. Здесь нет другого такого места. Это единственное. Я уже справлялся. И теперь после обеда, в четыре часа, я не знаю, куда мне деваться.

- Ну, дорогой сэ, если это так важно для вас...

- Чрезвычайно важно. Видите ли, я... я исследователь. Я занят научными изысканиями. Я живу... - Он запнулся и, видно, задумался. - Вон там, закончил он, внезапно махнув рукой и чуть не попав мне в глаз, - в том доме с белыми трубами, за деревьями. И положение мое ужасно, просто ужасно. Я накануне одного из важнейших открытий, уверяю вас, одного из важнейших открытий, какие были когда-либо сделаны. Для этого нужна сосредоточенность, полный покой, энергия. И послеобеденное время было для меня наиболее плодотворным, у меня возникали новые идеи, новые точки зрения.

- Но почему бы вам не приходить сюда по-прежнему?

- Теперь это совсем не то. Я уже не могу забыть. Вместо того чтобы сосредоточиться на своей работе, я буду думать, что вы отрываетесь от вашей пьесы и с раздражением следите за мной... Нет! Мне необходим этот домик.

Я задумался. Конечно, прежде чем ответить что-либо решительное, нужно было взвесить предложение. Я тогда был вообще склонен к аферам, и продажа показалась мне заманчивой. Но, во-первых, домик был не мой, я не смог бы его передать за самую хорошую цену, так как домохозяин пронюхал бы об этой сделке; во-вторых, я был обременен долгами. Это было слишком щепетильное дело. Кроме того, возможно, что Кейвор сделает какое-нибудь важное открытие, - это также интересовало меня. Мне хотелось расспросить подробнее о его изысканиях - не из корыстных целей, а просто потому, что я рад был отдохнуть от своей пьесы.

Я начал осторожно расспрашивать.

Он оказался словоохотлив, и скоро наша беседа превратилась в монолог.

Он говорил, как человек, который долго сдерживался, но самому себе повторял одно и то же много раз, говорил без умолку почти целый час, и должен сознаться: слушать его было нелегко. Но все нее в душе я был очень доволен, что нашел

предлог не работать. В это первое свидание я мало что понял в его работе. Половина его слов состояла из технических терминов, совершенно мне незнакомых, некоторые же пункты он пояснял при помощи элементарной (как он говорил) математики, записывая вычисления чернильным карандашом на конверте, и эта часть мне вовсе была не понятна. "Да, говорил я, - да, да... Продолжайте". Тем не менее я убедился, что это не просто маньяк, помещавшийся на своем открытии. Несмотря на чудаковатый вид, в нем чувствовалась сила. Во всяком случае, из его планов вполне могло что-нибудь выйти. Он рассказывал, что у него есть мастерская и три помощника, простых плотника, которых он приспособил к делу. А ведь от мастерской до бюро патентов - один шаг. Он пригласил меня побывать у него в мастерской, на что я охотно согласился и всячески постарался подчеркнуть свой интерес. К продаже моего домика мы, к счастью, больше не возвращались.

Наконец он собрался уходить, извиняясь за продолжительный визит. Беседа о своей работе, по его словам, для него редкое удовольствие. Не часто приходится встретить такого образованного слушателя, как я. С профессиональными же учеными он не общается.

- Они так мелочны, - жаловался он, - такие интриганы! В особенности когда возникает новая интересная идея - плодотворная идея... Я не хочу быть несправедливым, но...

Я человек импульсивный и сделал, может быть, необдуманное предложение.

Но вспомните, что я уже две недели сидел в одиночестве в Лимпне над пьесой и чувствовал себя виноватым в том, что нарушил его прогулки.

- А почему бы, - предложил я, - вместо старой привычки, которую я нарушил, вам не завести новую и не бывать у меня? По крайней мере до тех пор, пока мы не решим вопрос о продаже дома. Вам нужно обдумывать вашу работу. Вы делали это всегда во время послеобеденной прогулки. К сожалению, прогулки эти расстроились безвозвратно. Так почему бы вам не приходиться ко мне поговорить о вашей работе, пользуясь мною как стеной, в которую вы можете, словно мячик, бросать свои мысли и ловить их? Я, безусловно, не настолько сведущ, чтобы похитить вашу идею, и у меня нет знакомых ученых.

Я умолк, и он задумался. Очевидно, мое предложение понравилось ему.

- Но я боюсь наскучить вам, - сказал он.

- Вы думаете, что я настолько туп?

- О нет, но технические подробности...

- Вы очень заинтересовали меня сегодня.

- Конечно, это было бы полезно для меня. Ничто так не выясняет идей, как изложение их другим. До сих пор...

- Ни слова больше, сэр...

- Но можете ли вы уделять мне время?

- Лучший отдых - это перемена занятий, - убежденно проговорил я.

Он согласился. На ступеньках веранды он обернулся и сказал:

- Я вам очень благодарен.

- За что?

- Вы излечили меня от смешной привычки жужжать.

Кажется, я ответил, что рад оказать ему хоть такую услугу, и он ушел.

Но, вероятно, поток мыслей, вызванный нашей беседой, вновь увлек его.

Он начал размахивать руками, как прежде. Слабый отзвук его жужжания донесся до меня по ветру...

Но какое мне до этого дело?

Он явился на другой день и на третий и, к нашему обоюдному удовольствию, прочел мне две лекции по физике. С видом настоящего ученого он говорил об "эфире", и о "силовых цилиндрах", о "потенциале тяготения" и тому подобных вещах, а я сидел в другом кресле и поощрял его замечаниями "да, да", "продолжайте", "понимаю".

Все это было ужасно трудно, но он, кажется, и не подозревал, что я его совсем не понимаю. Иногда я готов был раскаяться в своей оплошности, но, во всяком случае, я радовался, что оторвался от этой проклятой пьесы.

Подчас я начинал что-то смутно понимать, но потом снова терял нить. Порой внимание ослабевало настолько, что я тупо смотрел на него и думал, не стоит ли просто вывести его в виде центральной комической фигуры в своей пьесе и плюнуть на всю эту науку. Но тут я вдруг снова что-то улавливал.

При первом удобном случае я пошел посмотреть его дом, довольно большой, небрежно меблированный, без всякой прислуги, кроме трех помощников. Стол его, так же как и частная жизнь, отличался философской простотой. Он пил воду, ел растительную пищу, вел размеренную жизнь. Но обстановка его дома рассеяла мои сомнения; от подвала до чердака все было подчинено его изобретению - странно было видеть все это в захолустном поселке. Комнаты нижнего этажа заполняли станки и аппараты, в пекарне и в котле прачечной горели настоящие кузнечные горны, в подвале помещались динамо-машины, а в саду висел газометр.

Он показывал мне все это с доверчивостью и рвением человека, долго жившего в одиночестве. Его обычная замкнутость сменилась приступом откровенности, и мне посчастливилось стать зрителем и слушателем.

Три его помощника были, что называется, "мастера на все руки".

Добросовестные, хотя и малосведущие, выносливые, обходительные, трудолюбивые. Один, Спаргус, исполнявший обязанности повара и слесаря, был прежде матросом. Второй, Гиббс, был столяр; третий же, бывший садовник, занимал место главного помощника. Все трое были простые рабочие. Всю квалифицированную работу выполнял сам Кейвор. Они были еще более невежественны, чем я.

А теперь несколько слов о самом изобретении. Тут, к несчастью, возникает серьезное затруднение. Я совсем не ученый эксперт и, если бы попробовал излагать цель опытов научным языком самого мистера Кейвора, то, наверно, не только спутал бы читателя, но и сам запутался бы и наделал таких ошибок, что меня поднял бы на смех любой студент - математик или физик. Поэтому лучше передать свои впечатления попросту, без всякой попытки облечься в тогу знания, носить которую я не имею никакого права.

Целью изысканий мистера Кейвора было вещество, которое должно было быть непроницаемо (он-то употреблял другое слово, но я его позабыл, а этот термин верно выражает его мысль) для "всех форм лучистой энергии".

- Лучистая энергия, - объяснял он мне, - подобна свету, или теплоте, или рентгеновским лучам, о которых так много говорили с год тому назад, или электрическим волнам Маркони, или тяготению. Она так же, - говорил он, - излучается из центра и действует на другие тела на расстоянии, отсюда и

происходит термин "лучистая энергия". Почти все вещества непроницаемы для той или иной формы лучистой энергии. Стекло, например, проницаемо для света, но менее проницаемо для теплоты, так что его можно употреблять как ширму против огня; квасцы тоже проницаемы для света, но совершенно не пропускают теплоты. Раствор йода в двусернистом углероде не пропускает света, но проницаем для теплоты. Он скрывает для нас огонь, но сообщает всю его теплоту. Металлы непроницаемы не только для света, но и для электромагнитных волн, которые легко проходят через раствор йода и стекло.

И так далее.

Все известные нам вещества "проницаемы" для тяготения. Можно употреблять различные экраны для защиты от света или теплоты, от электрической энергии Солнца или от теплоты Земли, можно защитить предметы металлическими листами от электрических волн Маркони, но ничто не может защитить от тяготения Солнца или от притяжения Земли. Почему - это трудно сказать. Кейвор не видел причины, почему не могло быть такого преграждающего влияния притяжения вещества, и я, конечно, ничего не мог ему возразить. Я никогда ранее не думал об этом. Он доказал мне вычислениями на бумаге (которые, без сомнения, уразумели бы лорд Келвин, или профессор Лодж, или профессор Карл Пирсон, или какой-нибудь другой ученый, но в которых я был безнадежным тупицей), что подобное вещество не только возможно, но и должно удовлетворять известным условиям. Это была удивительная цепь логических рассуждений; они поразили меня и многое прояснили, хотя я и не могу их повторить. "Да, - говорил я, - да, продолжайте". Достаточно сказать, что Кейвор полагал возможным сделать вещество, непроницаемое для притяжения, из сложного сплава металлов и какого-то нового элемента, кажется, гелия, присланного ему из Лондона в запечатанных глиняных сосудах. Эта подробность позже вызвала сомнение, но я почти уверен, что в запечатанных сосудах был именно гелий. Это было наверняка нечто газообразное и разреженное - жаль, что я тогда не делал заметок...

Но мог ли я предвидеть, что они понадобятся?

Всякий человек, обладающий хоть малой долей воображения, поймет, как необычайно подобное вещество, и разделит до некоторой степени мое волнение, когда я начал понемногу понимать туманные выражения Кейвора. Вот вам и комический персонаж! Конечно, я не сразу понял и не сразу поверил, что начинаю понимать, так как боялся задавать ему вопросы, чтобы не показать всю глубину своего невежества. Но, вероятно, никто из читателей не разделит моего волнения, потому что из моего бестолкового рассказа невозможно понять, насколько глубоко я был убежден, что это удивительное вещество будет найдено.

Я не помню, чтобы после моего визита к Кейвору я уделял хотя бы час в день своей пьесе. Мое воображение было теперь занято другим. Казалось, что нет предела удивительным свойствам этого вещества. Какие чудеса, какой переворот во всем! Например, для поднятия тяжести, даже самой громадной, достаточно было бы подложить под нее лист нового вещества, и ее можно было бы поднять соломинкой.

Я, естественно, прежде всего представил себе применение этого вещества в пушках и броненосцах, в военной технике, а затем в судоходстве, на транспорте, в строительном искусстве - словом, в самых различных отраслях промышленности. Случай привел меня к колыбели новой эпохи - а это была, несомненно, эпоха: такой случай выпадает однажды в тысячу лет. Последствия этого открытия были бы

бесконечны. Благодаря ему я снова смогу стать дельцом. Мне уже мерещились акционерные компании с филиалами, синдикаты и тресты, патенты и концессии, - они растут, расширяются и, наконец, соединяясь в одну огромную компанию, захватывают в свои руки весь мир.

И я участвую во всем этом!

Я решил действовать напрямик, хотя знал, что это рискованно.

Остановиться я уже не мог.

- Мы накануне величайшего изобретения, какое когда-либо было сделано, сказал я и сделал ударение на слове "мы". - Теперь меня можно отогнать только выстрелами. Я завтра же начинаю работать в качестве вашего четвертого помощника.

Мой энтузиазм удивил его, но не возбудил никаких подозрений или враждебного чувства. Очевидно, он недооценивал себя.

Он посмотрел на меня с сомнением.

- Вы это серьезно? - спросил он. - А ваша пьеса! Что будет с пьесой?

- К черту пьесу! - воскликнул я. - Дорогой сэръ, разве вы не видите, чего вы достигли? Разве вы не видите, куда ведет ваше изобретение?

Это был лишь риторический оборот речи, но чудак действительно ничего не видел. Сначала я просто не верил своим глазам. Ему ничего и в голову не приходило. Этот удивительный человечек думал лишь о чистой теории! Если он и говорил о своем исследовании как о "важнейшем" из всех, какие только были в мире, то он просто подразумевал под этим, что его изобретение подведет итог множеству теорий и разрешит бесчисленные сомнения. Он думал о практическом применении нового вещества не более, чем машина, отливающая пушки. Такое вещество возможно, и он пытался добыть его!

Только и всего, *v'la toute*, как говорят французы.

Вне своей работы он был сущий ребенок! Если он добьется своего, то вещество перейдет в потомство под названием кейворита или кейворина, он делается академиком, и портрет его будет помещен в журнале "Nature" <"Природа" (англ.)>. Вот и все, о чем он мечтал! Если бы не я, он бросил бы в мир бомбу своего открытия, как будто это был новый вид комара. И бомба лежала бы и шипела, такая же ненужная, как и прочие мелкие открытия ученых.

Когда я сообразил все это, настала моя очередь говорить. Кейвору пришлось только слушать и поддакивать. Я вскочил и расхаживал по комнате, жестикулируя, как двадцатилетний юноша. Я пытался объяснить ему его долг и ответственность в этом деле - наш долг и общую ответственность. Я уверял его, что мы приобретаем столько богатств, что сможем произвести целый социальный переворот, сможем владеть и управлять всем миром. Я говорил ему о компаниях и о патентах, и о сейфе для секретных бумаг; но все это интересовало его столько же, сколько меня его математика. На румяном личике появилось выражение смущения. Он пробормотал что-то о своем равнодушии к богатству, но я горячо стал ему возражать. Он на пути к богатству - и тут не время смущаться. Я дал ему понять, что я за человек, сказал, что обладаю опытом в коммерческих делах. Конечно, я умолчал о том, что обанкротился - ведь это была временная неудача, - и постарался объяснить, почему я при моих средствах веду такой скромный образ жизни.

Скоро мы незаметно пришли к заключению о необходимости учредить компанию по монопольной продаже кейворита. Кейвор будет добывать его, а я буду рекламировать.

Я все время говорил "мы", - слова "я" и "вы" как бы не существовали.

Кейвор хотел, чтобы вся прибыль шла на дальнейшие изыскания, но об этом мы могли сговориться потом.

- Хорошо, хорошо, - поддакивал я. - Главное - добыть кейворит.

- Ведь это такое вещество, - восклицал я восторженно, - без которого не сможет обойтись ни один дом, ни одна фабрика, ни одна крепость, ни одно судно, - вещество более универсальное, чем патентованные медикаменты! И каждое из десяти тысяч его возможных применений должно нас обогатить, Кейвор, сказочно обогатить!

- Теперь, - подтвердил Кейвор, - я начинаю понимать. Удивительно, как расширяешь горизонт в беседе с другим человеком!

- В особенности когда поговоришь с подходящим человеком!

- Я думаю, - сказал Кейвор, - что никто не питает отвращения к богатству.

Однако... - Он запнулся. Я молча ждал. - Возможно, что нам не удастся добыть это вещество. А что, если это возможно только в теории, а на практике окажется абсурдом? Вдруг мы натолкнемся на препятствия...

- Мы преодолеем все препятствия! - решительно сказал я.

Глава 2

ПЕРВОЕ ИЗГОТОВЛЕНИЕ КЕЙВОРИТА

Опасения Кейвора не оправдались. 14 октября 1899 года это сказочное вещество было изготовлено!

Забавно, что открытие произошло случайно, совершенно неожиданно для Кейвора. Он сплавил несколько металлов и еще что-то (жаль, что не знаю состава) и намеревался оставить смесь на неделю, чтобы потом дать ей медленно остынуть. Если он не ошибся в своих вычислениях, то последняя стадия процесса должна была наступить, когда температура приготовленного вещества понизится до шестидесяти градусов по Фаренгейту. Но случайно, без ведома Кейвора, между его помощниками разгорелся спор о том, кому смотреть за печью. Гиббс вздумал свалить эту обязанность на своего сослуживца, бывшего садовника, ссылаясь на то, что каменный уголь - та же земля и, следовательно, не может входить в круг ведения столяра. Бывший садовник возражал, что каменный уголь - металл или руда, не говоря уже о том, что сам он повар. Спаргус тоже настаивал на том, что это дело Гиббса, так как всем известно, что уголь - ископаемое дерево. Гиббс бросил засыпать уголь в печь, и никто другой этого не делал, а Кейвор был слишком погружен в разрешение некоторых интересных проблем о летательной машине из кейворита (пренебрегая сопротивлением воздуха и некоторыми другими условиями) и поэтому не заметил, что в лаборатории не все благополучно. И преждевременные роды его изобретения произошли в тот момент, когда он шел через поле к моему домику, чтобы побеседовать со мной за чаем. Я очень хорошо помню, как это случилось. Вода для чая уже кипела, и все было приготовлено. Услышав характерный звук жужжания Кейвора, я вышел на веранду. Его подвижная

маленькая фигурка темным пятном вырисовывалась на фоне заходящего осеннего солнца, а справа, из-за деревьев, окрашенных светом заката, выглядывали белые трубы его дома. Вдали, на горизонте, синели в дымке холмы Уилдена; влево дымилась туманом болотистая равнина. И вдруг...

Печные трубы взлетели на воздух, рассыпавшись щебнем; за ними последовали крыша и разная мебель. Затем вспыхнуло белое пламя. Деревья раскачивались и вырывались из земли; их разносило в щепы, летевшие в огонь. Громовой удар оглушил меня с такой силой, что я на всю жизнь оглох на одно ухо. Все стекла в окнах разлетелись вдребезги.

Я сделал несколько шагов от веранды по направлению к дому Кейвора, и в эту минуту налетел ураган.

Фалды пиджака взлетели мне на голову, и я против воли огромными прыжками помчался вперед. В тот же самый миг ветер подхватил и изобретателя, закружил его и поднял на воздух. Я видел, как колпак от одной из печных труб слетел на землю в шести ярдах от меня, подпрыгнул и стремительно понесся к центру взрыва. Кейвор, болтая ногами и размахивая руками, упал и кубарем покатился по земле, потом снова взлетел на воздух, со страшной быстротой понесся вперед и исчез среди корчившихся от жара деревьев около своего дома.

Клубы дыма и пепла и полоса какого-то синеватого блестящего вещества взлетели к зениту. Большой обломок забора промелькнул мимо меня, воткнулся в землю и упал плашмя, - самое худшее миновало. Воздушная буря стихла и превратилась в сильный ветер, и я убедился, что у меня целы ноги и я могу дышать. Я повернулся против ветра, с трудом остановился и попытался прийти в себя и собраться с мыслями.

Вся природа вокруг точно преобразилась. Спокойный отблеск заката потух, небо задернулось черными тучами, подул порывистый, резкий ветер. Я оглянулся, чтобы посмотреть, уцелел ли мой домик, затем неверными шагами направился к деревьям, среди которых исчез Кейвор; сквозь длинные оголившиеся ветви блестело пламя горевшего дома.

Я вошел в заросли, перебегая от ствола к стволу, и долго искал Кейвора; наконец у стены сада, среди кучи бурелома и досок от забора, я заметил что-то копошившееся на земле. Прежде чем я успел подойти ближе, какая-то темная фигура встала, и я увидел грязные ноги и бессильно повисшие окровавленные руки. Ветер шевелил вокруг его пояса лохмотья, бывшие когда-то одеждой.

В первую минуту я не узнал этой земляной глыбы, потом разглядел, что это Кейвор, весь облепленный грязью, в которой он вывалился. Он наклонился вперед против ветра, протирая глаза и отплевываясь. Потом протянул грязную руку и, пошатываясь, сделал шаг ко мне навстречу. Его возбужденное лицо было перепачкано грязью. Он выглядел таким несчастным и жалким, что я очень удивился его замечанию.

- Поздравьте меня, - пробормотал он, - поздравьте меня.

- Поздравить вас? С чем?

- Я сделал это.

- Конечно! А отчего произошел взрыв?

Порыв ветра отнес его слова. Кажется, он сказал, что никакого взрыва не было. Ветер толкал нас, и мы невольно цеплялись друг за друга.

- Попробуем вернуться ко мне! - крикнул я ему в ухо. Но он, очевидно, не расслышал и пробормотал что-то о трех "мучениках науки" и о том, что "это ужасно".

Он думал, что три его помощника погибли при взрыве. К счастью, он ошибся. Как только он пошел ко мне, они отправились в соседний трактир обсудить за бутылкой спорный вопрос о печи.

Я вторично предложил Кейвору вернуться в мой домик, на этот раз он расслышал. Мы взялись под руку и пошли искать приюта под остатками моей крыши. С трудом добравшись до места, мы опустились в кресла, чтобы отдышаться. Все рамы в окнах вылетели, более легкие предметы из мебели попадали на пол, но большого вреда взрыв все же здесь не причинил. К счастью, кухонная дверь устояла против напора и посуда и утварь уцелели, даже керосинка не потухла, и я снова поставил на нее чайник. Сделав это, я вернулся к Кейвору, чтобы выслушать его объяснения.

- Совершенно верно, - повторял он, - совершенно верно, я сделал это.

Все идет отлично.

- Как бы не так, - возразил я, - все идет отлично! Наверное, на двадцать миль кругом не уцелело ни одного стога сена, ни одного забора, ни одной соломенной крыши.

- Все идет отлично. Конечно, я не предвидел этого небольшого бесчинства. Я был поглощен другой проблемой и не обратил внимания на побочные практические результаты. Но все идет отлично.

- Как, дорогой сэр, - воскликнул я, - разве вы не видите, что причинили убытков на тысячу фунтов стерлингов?

- Тут придется понадеяться на вашу скромность. Конечно, я не практик, но не думаете ли вы, что все примут это за циклон?

- Однако взрыв...

- Это был не взрыв. Все объясняется очень просто. Я не смог предусмотреть всех мелочей. Это вроде моего жужжания, только в более широком масштабе. По недосмотру я готовил это новое вещество, этот кейворит, в виде тонкого большого листа... - Он запнулся. - Вы же знаете, что вещество это не подчиняется силе тяготения и преграждает взаимное притяжение между телами?

- Да, да, - подтвердил я.

- Как только кейворит достигает температуры шестидесяти градусов по Фаренгейту и процесс его образования заканчивается, сейчас же воздух, часть кровли, потолок, пол перестают иметь вес. Вам известно, это каждый знает, что воздух также имеет вес, что он оказывает давление на любой предмет, на поверхность земли, во всех направлениях с силой, равной четырнадцати с половиной английским фунтам на квадратный дюйм.

- Знаю, продолжайте.

- Я это тоже знаю, - заметил он, - однако это доказывает, как бесполезно знание, если не применять его на практике. Итак, над нашим кейворитом (теперь это уже произошло) давление воздуха сверху прекратилось, воздух же по сторонам кейворита продолжал давить с силою четырнадцати с половиной фунтов на каждый квадратный дюйм того воздуха, который вдруг сделался невесомым. Теперь вы понимаете? Воздух, окружающий кейворит, с непреодолимой силой давил на воздух над ним. Воздух над кейворитом, насильно вытесняемый, шел вверх; притекший же

ему на смену воздух с боков тоже потерял вес, перестал производить давление, последовал также кверху, пробил потолок и снес крышу... Таким образом, образовался как бы атмосферный фонтан, печная труба в атмосфере. И если бы сам кейворит не был подвижным и не оказался втянутым в эту трубу, то что произошло бы? Как вы думаете?

Я подумал.

- Полагаю, что воздух устремился бы все выше и выше над этим адским листом, уничтожающим силу тяготения.

- Совершенно верно, - подтвердил он, - исполинский фонтан...

- Бьющий в небесное пространство! Бог ты мой! Через него улетучилась бы вся земная атмосфера! Он лишил бы земной шар воздуха. Все люди погибли бы.

И все это наделал бы один кусок этого вещества.

- Не совсем так: атмосфера не рассеялась бы в небесном пространстве, сказал Кейвор, - но последствия были бы плохие. Воздушная оболочка слетела бы с земли, как кожура с банана. Воздух поднялся бы на тысячи миль. Потом он опустился бы обратно, но все живое задохнулось бы. С нашей точки зрения, это было бы немногим лучше, чем если бы он совсем не вернулся.

Я смотрел на него ошеломленный и разочарованный в своих надеждах.

- Что вы теперь намерены делать? - спросил я.

- Прежде всего надо достать садовый скребок. Я хочу счистить с себя грязь, а потом, если позволите, принять у вас ванну. После этого мы побеседуем на досуге. Мне кажется, - сказал он, положив мне на плечо грязную руку, - не следует ничего говорить об этом посторонним. Я знаю, что причинил много вреда, - вероятно, пострадали все дома в окрестности.

Но, с другой стороны, я не в состоянии заплатить за причиненный мной вред, и если причина катастрофы будет оглашена, то это поведет только ко всеобщему озлоблению и помешает моей работе. Нельзя предвидеть всего, а я не могу позволить себе роскошь считаться с практическими результатами моих теоретических работ. Впоследствии при вашем, практическом уме, когда кейворит пойдет в ход и осуществляются все наши предположения, мы сможем уладить дело с этими людьми. Но только не теперь, только не теперь! Если не будет никакого другого объяснения, то публика при современном неудовлетворительном состоянии метеорологии припишет все циклону. Быть может, устроят даже подписку, и так как мой дом сгорел, то и я получу приличную сумму, которая очень пригодится для продолжения наших опытов. Но если узнают, что я виновник всего, никакой подписки не будет, нас выгонят вон, и я уже не смогу работать спокойно. Мои три помощника могли погибнуть или остаться в живых. Это не так важно. Если погибли, то потеря не велика.

Они были усердные, но малоспособные работники, и авария произошла в значительной мере из-за их небрежности при уходе за печью. Если же они и уцелели, то едва ли смогут объяснить, в чем дело. Они поверят рассказам о циклоне. Хорошо бы на время поселиться в одной из комнат вашего домика, пока мой не пригоден для жилья.

Он приостановился и вопросительно посмотрел на меня.

"Человек с такими способностями, - подумал я, - не совсем приятный жилец".

- Может быть, лучше всего сначала найти скребок, - сказал я уклончиво.

И повел его к остаткам оранжереи.

Пока он принимал ванну, я раздумывал о происшедшем. Ясно, что дружба с мистером Кейвором имеет свои неудобства, которых я раньше не предвидел.

Его рассеянность, которая чуть было не погубила население земного шара, может во всякую минуту привести к какой-нибудь новой беде. С другой стороны, я нуждался в деньгах, был молод и склонен к смелым авантюрам, когда можно надеяться на счастливый конец. Я уже решил, что мне должна достаться, по крайней мере, половина прибыли от изобретения кейворита. К счастью, я снял домик на три года без ремонта, а вся мебель была куплена в долг и застрахована. В конце концов я решил не покидать Кейвора и посмотреть, чем это все кончится.

Конечно, теперь положение сильно изменилось. Я не сомневался более в чудесных свойствах нового вещества, но у меня начало закрадываться сомнение насчет пригодности его для артиллерии и для патентованных сапог.

Мы дружно принялись за восстановление лаборатории, чтобы скорей приступить к продолжению опытов. Кейвор теперь больше применялся к уровню моих знаний при разговорах о том, как должно изготавливаться новое вещество.

- Разумеется, мы должны изготовить его снова, - заявил он весело. Пусть мы потерпели неудачу, но мои теоретические соображения оказались правильными, и они уже позади. Мы по возможности примем меры, чтобы избежать гибели нашей планеты. Но риск неизбежен! Неизбежен. В исследовательской работе без этого не обойтись, и, как практик, вы должны помочь мне. Мне кажется, что вещество лучше всего создать в виде узкой тонкой полоски. Впрочем, я еще не знаю. У меня появилась мысль о другом методе, который я еще затрудняюсь формулировать. Но любопытно, что эта мысль пришла мне в голову в тот самый момент, когда я катился по грязи по воле ветра и не знал, чем кончится вся эта история.

Нам пришлось довольно много повозиться, пока мы восстановили лабораторию. Дел хватало, хотя мы не сразу решили вопрос о том, как надо ставить вторичный опыт. Трое помощников были очень недовольны тем, что я стал старшим над ними, и даже пытались бастовать. Но это удалось уладить, правда, после двухдневного перерыва в работе.

Глава 3

СООРУЖЕНИЕ ШАРА

Я хорошо помню, как Кейвор развивал мне свою идею о шаре. Мысль об этом мелькала у него и раньше, но вполне ясно осознал он ее как-то внезапно. Мы шли ко мне пить чай, и дорогой Кейвор что-то бормотал про себя. Вдруг он вскрикнул:

- Конечно, так! Это победа! Вроде свертывающейся шторы!

- Какая победа? - спросил я.

- Над любым пространством! Над Луной!

- Что вы этим хотите сказать?

- Что? Это должен быть шар. Вот что я хочу сказать!

Я понял, что толку от него не добиться, и не стал расспрашивать. Я не имел тогда ни малейшего представления о его плане. После чая он сам начал объяснять мне свой проект.

- В прошлый раз, - сказал он, - я вылил вещество, не подверженное силе тяготения, в плоский чан с крышкой, которая придерживала его. Как только

вещество охладило и процесс выплавки закончился, произошла катастрофа, ничто над ним не имело веса: воздух устремился кверху, дом тоже взлетел, и если бы самое вещество не взлетело также, то неизвестно, чем бы все это кончилось. Но предположите, что вещество это ничем не прикреплено и может совершенно свободно подниматься.

- Оно тотчас улетело бы.

- Верно. И это произвело бы не больше смятения, чем какой-нибудь выстрел из пушки.

- Но какая была бы от этого польза?

- Я полетел бы вместе с ним.

Я отодвинул стакан с чаем и с изумлением посмотрел на моего собеседника.

- Представьте себе шар, - объяснял он мне, - достаточно большой, чтобы вместить двух пассажиров с багажом. Он будет сделан из стали и выложен толстым стеклом; в нем будут содержаться достаточные запасы сжатого воздуха и концентрированной пищи, аппараты для дистиллирования воды и так далее.

Снаружи стальная оболочка будет покрыта слоем...

- Кейворита?

- Да.

- Но как же вы попадете внутрь?

- Так же, как в пудинг.

- А именно?

- Очень просто. Нужен только герметически закрывающийся люк. Это будет, конечно, довольно сложно; придется устроить клапан, чтобы можно было в случае надобности выбрасывать вещи без большой потери воздуха.

- Как у Жюль Верна в "Путешествии на Луну"?

Но Кейвор не читал фантастических романов.

- Начинаю понимать, - сказал я. - И вы могли бы влезть туда и закрыть люк, пока еще кейворит теплый; а как только он остынет, он преодолеет силу тяготения, и вы полетите?

- По касательной.

- Вы полетите по прямой линии. - Я вдруг остановился. - Однако что может помешать вам навсегда улететь по прямой линии, в космическое пространство? - спросил я. - Вы не можете быть уверены, что попадете куда-нибудь, а если и попадете, то как вернуться назад?

- Я только что думал об этом, - сказал Кейвор, - это-то я и подразумевал, когда воскликнул: "Победа!" Внутреннюю стеклянную оболочку шара можно устроить непроницаемой для воздуха и, за исключением люка, сплошной; стальную же оболочку сделать составной из отдельных сегментов, так что каждый сегмент может передвигаться, как у свертывающейся шторы.

Ими нетрудно будет управлять при помощи пружин и подтягивать их или распускать посредством электричества, пропускаемого через платиновую проволоку в стекло. Все это уже детали. Вы видите, что за исключением пружин и роликов внешняя кейворитная оболочка тара будет состоять из окон или штор, - называйте их как хотите. Вот когда все эти окна или шторы будут закрыты, то никакой свет, никакая теплота, никакое притяжение или лучистая энергия не в состоянии будут проникнуть внутрь шара, и он полетит через пространство по прямой линии, как вы

говорите. Но откройте окно, вообразите, что одно из окон открыто! Тогда всякое тяготеющее тело, которое случайно встретится на пути, притянет нас.

Я сидел, стараясь разобраться.

- Вы понимаете? - спросил он.

- Да, понимаю.

- Фактически мы сможем лавировать в пространстве как угодно, поддаваясь притяжению то одного, то другого тела.

- Да. Это совершенно ясно. Только...

- Что?

- Только я не совсем понимаю, зачем нам все это. Это ведь только прыжок с Земли и обратно.

- Конечно. Можно, например, слетать на Луну.

- Но если мы попадем туда, что мы там увидим?

- Посмотрим... По новейшим данным науки...

- Есть ли там воздух?

- Может быть, и есть.

- Отличная идея, - сказал я, - но не чересчур ли смелый замысел? Луна!

Я предпочел бы сначала слетать куда-нибудь поближе.

- Но это невозможно: нам помешает воздух.

- Почему бы не применить вашу идею о пружинных заслонках, заслонках из кейворита в крепких стальных ящиках, для поднимания тяжестей?

- Ничего не выйдет, - упорствовал Кейвор. - В конце концов путешествие в космическое пространство не более опасно, чем какая-нибудь полярная экспедиция. Отправляются же люди к полюсу!

- Только не дельцы. Кроме того, им хорошо платят за полярные экспедиции. И если там случится несчастье, им посылают помощь. А тут!..

Лететь неизвестно куда и неизвестно ради чего...

- Хотя бы ради разведки космоса.

- Да, пожалуй... и потом можно будет написать книгу...

- Я не сомневаюсь, что там есть минералы, - заметил Кейвор.

- Какие же?

- Сера, различные руды, может быть, золото, возможно, даже новые элементы.

- Да, но стоимость перевозки... - возразил я. - Нет, вы непрактичный человек.

Ведь до Луны четверть миллиона миль!

- Мне кажется, перевозка любой тяжести обойдется недорого, если запаковать ее в ящик из кейворита.

- Об этом я не подумал.

- Перевозка за счет продавца, не так ли?

- Мы не ограничимся одной Луной.

- Что вы хотите сказать?

- Есть еще Марс: прозрачная атмосфера, новая обстановка, восхитительное чувство легкости. Неплохо бы слетать и туда.

- А воздух на Марсе есть?

- Конечно.

- Вы, кажется, намерены устроить там санаторий. Кстати, какое расстояние до Марса?

- Пока, кажется, двести миллионов миль, - беспечно ответил Кейвор, - и лететь нужно близко к Солнцу.

У меня опять разыгралась фантазия.

- Во всяком случае, - сказал я, - это звучит заманчиво. Все-таки путешествие...

Передо мной открывались невероятные возможности. Я вдруг ясно увидел, как по всей солнечной системе курсируют суда из кейворита и тары "люкс".

Патент на изобретение, закрепленный на всех планетах. Я вспомнил старинную испанскую монополию на американское золото. И ведь речь идет не об одной планете, а обо всех сразу! Я пристально посмотрел на румяное лицо Кейвора, и воображение мое точно запрыгало и заплясало. Я встал, зашагал по комнате и дал волю своему языку:

- Я, кажется, начинаю понимать. - Переход от сомнения к энтузиазму совершился в одно мгновение. - Это восхитительно! Грандиозно! Мне и во сне такое не снилось!

Лед моего благоразумия был сломлен, и теперь фантазия Кейвора не знала удержу. Он тоже вскочил и забегал по комнате, он тоже махал руками и кричал. Мы были точно одержимые. Да мы и были одержимые.

- Мы все устроим, - сказал он в ответ на какое-то мое возражение, - все устроим. Сегодня же вечером начнем вычерчивать литейные формы.

- Мы начнем сейчас нее, - возразил я, и мы поспешили в лабораторию, чтобы приняться за работу.

Всю эту ночь я, как ребенок, витал в сказочном мире. Утренняя заря застала нас обоих за работой при электрическом свете: мы забыли его погасить. Эти чертежи стоят у меня перед глазами до сих пор. Я сводил и раскрашивал их, а Кейвор чертил; чертежи были грязные, сделанные наспех, но удивительно точные. Мы сделали в ту ночь чертежи стальных заслонок и рам, план стеклянного шара был изготовлен в неделю. Мы прекратили наши послеобеденные беседы и вообще изменили весь распорядок жизни. Мы работали непрерывно, а спали и ели только тогда, когда уже валились с ног от голода или усталости. Наш энтузиазм заразил и наших троих помощников, хоть они и не знали, для какой цели предназначался шар. В те дни один из них, Гиббс, словно разучился нормально ходить и бегал повсюду, даже по комнате, какой-то мелкой рысцой.

Шар понемногу рос. Прошел декабрь, январь - один раз снег был такой глубокий, что мне пришлось целый день разметать дорожку от дома до лаборатории; наступил февраль, потом март. В конце марта завершение работы было уже близко. В январе нам доставили на шестерке лошадей огромный ящик - в нем был шар из массивного стекла, уже готовый, который мы положили около подъемного крана, чтобы потом вставить его в стальную оболочку. Все части этой оболочки - она была не сферическая, а многогранная, со свертывающимися сегментами - прибыли в феврале, и нижняя половина ее была уже склепана. Кейворит был в марте наполовину готов, металлическая паста прошла уже через две стадии процесса, и мы наложили большую часть ее на стальные прутья и заслонки. Мы почти ни в чем не отступали от первоначального плана Кейвора, и это было поистине удивительно. Когда шар был склепан, Кейвор предложил снять крышу с временной лаборатории, где производились работы, и построить там печь. Таким образом, последняя стадия изготовления кейворита, во время которой паста нагревается докрасна в струе гелия, должна была закончиться тогда, когда мы будем уже внутри шара.

Теперь нам оставалось обсудить и решить, что нужно взять с собой: пищевые концентраты, консервированные эссенции, стальные цилиндры с запасным кислородом, аппараты для удаления углекислоты из воздуха и для восстановления кислорода посредством перекиси натрия, конденсаторы для воды и так далее. Помню, какую внушительную грудку образовали в углу все эти жестянки, свертки, ящики - убедительные доказательства нашего будущего путешествия.

В это горячее время некогда было предаваться раздумью. Но однажды, когда сборы уже подходили к концу, странное настроение овладело мною. Все утро я складывал печь и, выбившись из сил, присел отдохнуть. Все показалось мне вдруг сумасбродным и невероятным.

- Послушайте, Кейвор, - сказал я. - Собственно говоря, к чему все это?

Он улыбнулся.

- Теперь уже поздно.

- Луна, - размышлял я вслух, - что вы рассчитываете там увидеть? Я всегда думал, что Луна - мертвый мир.

Он пожал плечами.

- Что вы рассчитываете там увидеть?

- А вот посмотрим.

- Посмотрим ли? - усомнился я и задумался.

- Вы утомлены, - заметил Кейвор, - вам надо прогуляться сегодня после обеда.

- Нет, - сказал я упрямо. - Я закончу кладку печи.

Действительно, я ее кончил и ночью потом мучился от бессонницы.

Никогда еще у меня не было такой бессонницы. Было, правда, несколько скверных ночей перед моим банкротством, но даже самая худшая из них показалась бы сладкой дремой по сравнению с этой бесконечной головной болью. Я вдруг испугался нашей затеи.

До этой ночи я, кажется, ни разу и не подумал об опасностях нашего путешествия. Теперь они явились, словно полчища привидений, осаждавших некогда Прагу, и окружили меня тесным кольцом. Необычайность того, что мы собирались предпринять, потрясла меня. Я походил на человека, пробудившегося от сладких грез в самой ужасающей действительности. Я лежал с широко раскрытыми глазами, и наш шар казался мне все более хрупким и жалким, Кейвор - все более сумасбродным фантазером, а все предприятие более и более безумным.

Я встал с кровати и начал ходить по комнате, затем сел у окна и стал тоскливо смотреть в бесконечное космическое пространство. Между звездами такая бездонная пустота, такой мрак! Я старался припомнить отрывочные сведения по астрономии из случайно прочитанных книг, но они были слишком смутны и не давали никакого представления о том, что может нас ожидать.

Наконец я лег в постель и ненадолго уснул или, вернее, промучился в кошмарах. Мне снилось, будто я стремглав падаю в бездонную пропасть неба.

За завтраком я очень удивил Кейвора, когда объявил ему решительно:

- Я не намерен лететь с вами.

На все его попытки убедить меня я упорно отвечал:

- Затея ваша безрассудна, и я не желаю в ней участвовать. Затея ваша безумна.

Я не пошел с ним в лабораторию и, походив немного вокруг моего домика, взял шляпу и трость и отправился куда глаза глядят. Утро было великолепное: теплый ветер и синее небо, первая зелень весны, пение птиц.

Я позавтракал бифштексом и пивом в трактире около Элхэма и удивил хозяина своим замечанием по поводу погоды:

- Человек, покидающий землю в такую прекрасную погоду, - безумец!

- То же самое сказал и я, как только услышал об этом, - подтвердил хозяин, и тут же выяснилось, что какой-то бедняга покончил самоубийством.

Я ушел, но мысли мои приняли несколько иное направление.

После обеда я подремал на солнце и, освеженный, отправился дальше.

Недалеко от Кентербери я зашел в уютный ресторан. Домик был весь увит плющом, и хозяйка, опрятная старушка, мне понравилась. У меня хватило денег, чтобы заплатить за номер, и я решил там переночевать. Хозяйка была особа разговорчивая и, между прочим, сообщила мне, что она никогда не бывала в Лондоне.

- Дальше Кентербери я никуда не ездила, - сказала она. - Я не бродяга какая-нибудь.

- А не хотели бы вы полететь на Луну? - спросил я.

- Мне, знаете, никогда не нравились эти воздушные шары, - ответила она, полагая, очевидно, что это довольно обыкновенная прогулка. - Ни за что не полетела бы на воздушном шаре, нет уж, увольте.

Это прозвучало комично. После ужина я сел на скамейку у двери трактира и поболтал с двумя рабочими о выделке кирпича, об автомобилях, о крикете прошлого года. А на небе новый месяц, голубой и далекий, как альпийская вершина, плыл к западу вслед за солнцем.

На следующий день я вернулся к Кейвору.

- Я лечу, - сказал я. - Я просто был немного не в духе.

Это был единственный раз, когда я всерьез усомнился в нашем предприятии. Нервы! После этого я стал работать не так усердно и ежедневно гулял не менее часа. Наконец все было готово, оставалось только нагреть сплав в печи.

Глава 4

ВНУТРИ ШАРА

- Спускайтесь! - сказал Кейвор, когда я вскарабкался на край люка и заглянул в темную внутренность шара. Мы были одни. Смеркалось. Солнце только что село, и надо всем царил тишина сумерек.

Я спустил вторую ногу и соскользнул по гладкому стеклу внутрь шара; потом повернулся, чтобы принять от Кейвора жестянки с пищей и другие припасы. Внутри было тепло: термометр показывал восемьдесят градусов по Фаренгейту; при полете надо беречь тепло, и мы надели костюмы из тонкой фланели. Кроме того, мы захватили узел толстой шерстяной одежды и несколько теплых одеял - на случай холода. По указанию Кейвора я расставлял багаж, цилиндры с кислородом и прочее около своих ног, и вскоре мы уложили все необходимое. Кейвор обошел еще раз нашу лабораторию без крыши, чтобы посмотреть, не забыли ли мы чего-нибудь, потом влез в шар следом за мной.

Я заметил что-то у него в руке.

- Что это у вас? - спросил я.

- Взяли ли вы с собой что-нибудь почитать?

- Бог ты мой! Конечно, нет.
- Я забыл сказать вам. Наше путешествие может продлиться... не одну неделю.
- Но...
- Мы будем лететь в этом шаре, и нам совершенно нечего будет делать.
- Жаль, что я не знал об этом раньше.

Кейвор высунулся из люка.

- Посмотрите, тут что-то есть, - сказал он.
- А времени хватит?
- В нашем распоряжении еще час.

Я выглянул. Это был старый номер газеты "Tit Bits", вероятно, принесенный кем-нибудь из наших помощников. Затем в углу я увидел разорванный журнал "Lloyd's News". Я забрал все это и полез обратно в шар.

- А что у вас? - спросил я его.

Я взял книгу из его рук и прочел: "Собрание сочинений Вильяма Шекспира".

Кейвор слегка покраснел.

- Мое воспитание было чисто научным, - сказал он, как бы извиняясь.
- И вы не читали Шекспира?
- Нет, никогда.
- Он тоже кое-что знал, хотя познания его были несистематичны.
- Да, мне об этом говорили, - сказал Кейвор.

Я помог ему завинтить стеклянную крышку люка, затем он нажал кнопку, чтобы закрыть соответствующий заслон в наружной оболочке. Полоса света, проникавшая в отверстие, исчезла, и мы очутились в темноте.

Некоторое время мы оба молчали. Хотя наш шар и пропускал звуки, кругом было тихо. Я заметил, что при старте ухватиться будет не за что и что нам придется испытывать неудобства из-за отсутствия сидений.

- Отчего вы не взяли стульев? - спросил я.
- Ничего, я все устроил, - сказал Кейвор. - Стулья нам не понадобятся.
- Как так?
- А вот увидите, - сказал он тоном человека, не желающего продолжать разговор.

Я замолчал. Мне вдруг ясно представилась вся глупость моего поступка.

Не лучше ли вылезти, пока еще не поздно? Я знал, что мир за пределами шара будет для меня холоден и негостеприимен, - уже несколько недель я жил на средства Кейвора, - но все же мир этот будет не так холоден, как бесконечность, и не так негостеприимен, как пустота. Если бы не боязнь показаться трусом, то думаю, что даже и в эту минуту я еще мог бы заставить Кейвора выпустить меня наружу. Но я колебался, злился на себя и раздражался, а время шло.

Последовал легкий толчок, послышалось щелканье, как будто в соседней комнате откупорили бутылку шампанского, и слабый свист. На мгновение я почувствовал огромное напряжение, мне показалось, что ноги у меня словно налиты свинцом, но все это длилось лишь одно короткое мгновение.

Однако оно придало мне решимости.

- Кейвор, - сказал я в темноту, - мои нервы больше не выдерживают. Я не думаю, чтобы...

Я умолк. Он ничего не ответил.

- Будь проклята вся эта затея! - вскричал я. - Я безумец! Зачем я здесь? Я не полечу, Кейвор! Дело это слишком рискованное, я вылезаю.

- Вы не можете этого сделать, - спокойно ответил он.

- Не могу? А вот увидим.

Несколько секунд он молчал.

- Теперь уже поздно ссориться, Бедфорд. Легкий толчок - это был старт.

Мы уже летим, летим так же быстро, как снаряд, пущенный в бесконечное космическое пространство.

- Я... - начал было я и замолчал. В конце концов теперь все это уже не имело значения. Я был ошеломлен и некоторое время ничего не мог сказать; я будто никогда и не слышал об этой идее - покинуть нашу Землю; затем я почувствовал удивительную перемену в своих физических ощущениях: необычайную легкость, невесомость, странное головокружение, как при апоплексии, и звон в ушах. Время шло, но ни одно из этих ощущений не ослабевало, и скоро я так привык к ним, что не испытывал ни малейшего неудобства.

Что-то щелкнуло: вспыхнула электрическая лампочка.

Я взглянул на лицо Кейвора, такое же бледное, наверно, как и мое. Мы молча смотрели друг на друга. На фоне прозрачной темной поверхности стекла Кейвор казался как бы летящим в пустоте.

- Итак, мы обречены, отступления нет, - сказал я наконец.

- Да, - подтвердил он, - отступления нет. Не шевелитесь! - воскликнул он, заметив, что я поднял руки. - Пусть ваши мускулы бездействуют, как будто вы лежите в постели. Мы находимся в своем собственном особом мире.

Поглядите на эти вещи.

Он указал на ящики и узлы, которые прежде лежали на дне шара. Я с изумлением заметил, что они плавали теперь в воздухе в футе от сферической стены. Затем я увидел по тени Кейвора, что он не опирается более на поверхность стекла; протянув руку назад, я почувствовал, что и мое тело тоже повисло в воздухе.

Я не вскрикнул, не замахал руками, но почувствовал ужас. Какая-то неведомая сила точно держала нас и увлекала вверх. Легкое прикосновение руки к стеклу приводило меня в быстрое движение. Я понял, что происходит, но это меня не успокоило. Мы были отрезаны от всякого внешнего тяготения, действовало только притяжение предметов, находившихся внутри нашего шара.

Вследствие этого всякая вещь, не прикрепленная к стеклу, медленно скользила - медленно потому, что наша масса была невелика, - к центру нашего мира. Этот центр находился где-то в середине шара, близко ко мне, чем к Кейвору, так как я был тяжелее его.

- Мы должны повернуться, - сказал Кейвор, - и плавать в воздухе спиной друг к другу, чтобы все вещи оказались между нами.

Странное это ощущение - витать в пространстве: сначала жутко, но потом, когда страх проходит, оно не лишено приятности и очень покойно, похоже на лежание на мягком пуховике. Полная отчужденность от мира и независимость!

Я не ожидал ничего подобного. Я ожидал сильного толчка вначале и головокружительной быстроты полета. Вместо всего этого я почувствовал себя как бы бесплотным. Это походило не на путешествие, а на сновидение.

Глава 5

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ

Вскоре Кейвор погасил свет, сказав, что у нас не очень большой запас электрической энергии и что нам надо беречь ее для чтения. И некоторое время - я не знаю, как долго это длилось, - мы находились в темноте.

Из пустоты выплыл вопрос.

- Куда мы летим? В каком направлении? - спросил я.

- Мы летим от Земли по касательной, и так как Луна теперь видна уже почти на три четверти, то мы направляемся к ней. Я открою заслонку...

Щелкнула пружина, и одно из окон в наружной оболочке шара раскрылось.

Небо за ним было так же черно, как и тьма внутри шара, но в рамке окна блестело множество звезд.

Кто видел звездное небо только с Земли, тот не может представить себе, какой вид оно имеет, когда с него сорвана полупрозрачная вуаль земной атмосферы. Звезды, которые мы видим на Земле, - только рассыпанные по небу призраки, проникающие сквозь нашу туманную атмосферу. Теперь же я видел настоящие звезды!

Много чудесного пришлось нам увидеть позднее, но вид безвоздушного, усеянного звездами неба забываем.

Маленькое оконце с треском захлопнулось, а другое, соседнее, открылось и через мгновение также захлопнулось, потом третье, и наконец я зажмурил глаза от ослепительного блеска убывающей Луны.

Некоторое время я пристально смотрел на Кейвора и на окружающие предметы, чтобы приучить глаза к свету, прежде чем я смог взглянуть на сверкающее светило.

Четыре окна были открыты для того, чтобы притяжение Луны начало действовать на все предметы в нашем шаре. Теперь я уже не витал в пространстве, мои ноги покоились на стеклянной оболочке, обращенной в сторону Луны. Одежда и ящики с провизией также медленно скользили по стеклянной стенке и располагались, заслонив часть вида. Мне казалось, что я смотрю "вниз", на Луну. На Земле "вниз" значит к земной поверхности, по направлению падения тела, а "вверх" - в обратном направлении. Теперь же сила тяготения влекла нас к Луне, а Земля висела у нас над головой. Когда же все заслонки из кейворита были закрыты, то "вниз" означало направление к центру нашего шара, а "вверх" - к его наружной стенке.

Любопытно, что, в противоположность нашему земному опыту, свет шел к нам снизу. На Земле свет падает сверху или сбоку; здесь же он исходил из-под наших ног, и, чтобы увидеть свои тени, мы должны были глядеть вверх.

Сначала я испытывал легкое головокружение, стоя на толстом стекле, глядя вниз, на Луну, сквозь сотни тысяч миль пустого пространства; но это болезненное ощущение скоро рассеялось. Зато какое великолепие!

Читатель может представить себе это, если теплой летней ночью ляжет на землю и, подняв ноги кверху, будет смотреть между ними на Луну. Однако по какой-то причине, вероятно, из-за отсутствия воздуха, Луна уже казалась нам значительно ярче и больше, чем на Земле. Малейшие детали ее поверхности были теперь отчетливо видны. И когда мы смотрели на нее не сквозь воздух, контуры ее стали резкими и четкими, без расплывчатого сияния или ореола вокруг; только звездная пыль, покрывавшая небо, обрамляла края планеты и обозначала очертания ее неосвещенной части. Когда я стоял и смотрел на Луну внизу, под ногами, то

ощущение невероятности, то и дело появлявшееся у меня со времени нашего старта, опять вернулось с удесятенной силой.

- Кейвор, - сказал я, - все это очень странно. Эти компании, которые мы собирались организовать, и залежи минералов...

- Ну?

- Я их здесь не вижу.

- Конечно, - ответил Кейвор, - но все это пройдет.

- Я привык смотреть на все практически. Однако... на минуту я почти усомнился, есть ли вообще на свете Земля.

- Этот номер газеты может вам помочь.

Я с недоумением посмотрел на газету, потом поднял ее над головой и обнаружил, что в таком положении удобно читать. Мне бросился в глаза столбец мелких объявлений. "Джентльмен, располагающий некоторыми средствами, дает деньги взаймы", - прочел я. Я знал этого джентльмена.

Какой-то чудака продавал велосипед "новый, стоимостью в пятнадцать фунтов" за пять фунтов стерлингов. Затем какая-то дама, очутившись в бедственном положении, хотела по дешевке продать ножи и вилки для рыбы - свой "свадебный подарок". Без сомнения, какая-нибудь простодушная женщина уже глубокомысленно рассматривает эти ножи и вилки, кто-нибудь с торжеством катит на велосипеде, а третий доверчиво советуется с благодетелем, ссужающим деньги, - и все это в ту самую минуту, когда я пробежал глазами эти объявления. Я рассмеялся и выпустил газету из рук.

- А нас видно с Земли? - спросил я.

- А что?

- Один мой знакомый очень интересуется астрономией, и мне пришло в голову, что... может быть, он как раз теперь смотрит... на нас в телескоп.

- Даже в самый сильный телескоп невозможно заметить нас, хотя бы как точку. Несколько минут я молча смотрел на Луну.

- Целый мир, - сказал я. - Здесь это чувствуешь гораздо сильнее, чем на Земле... Обитаемый, пожалуй...

- Обитаемый! - воскликнул Кейвор. - Нет, и не думайте об этом.

Вообразите себя сверхполярным исследователем космического пространства. Взгляните сюда!

Он показал рукой на бледное сияние внизу.

- Это мертвый мир! Мертвый! Огромные потухшие вулканы, необозримые пространства застывшей лавы, равнины, покрытые снегом, замерзающей углекислотой или воздухом; и повсюду трещины, ущелья, пропасти. Никакой жизни, никакого движения. Люди систематически наблюдали эту планету в телескопы более двухсот лет, и много ли перемен они заметили? Как вы думаете?

- Никаких.

- Они отметили два бесспорных обвала, одну сомнительную трещину и незначительное периодическое изменение окраски - вот и все.

- Я не знал, что они заметили хотя бы это.

- Да, но никаких следов жизни!

- Кстати, - спросил я, - какой наименьший предмет на Луне могут обнаружить самые сильные телескопы?

- Можно было бы увидеть большую церковь. Разумеется, увидели бы города и строения или что-нибудь подобное. Пожалуй, там есть какие-нибудь насекомые, вроде муравьев, например, которые могут скрываться в глубокие норы от лунной ночи, или какие-нибудь неведомые существа, не имеющие себе подобных на Земле. Это самое вероятное, если там вообще есть жизнь.

Подумайте, какая разница в условиях! Жизнь там должна приспособляться к дню, в четырнадцать раз более продолжительному, чем у нас на Земле: непрерывный двухнедельный солнечный свет при безоблачном небе, и затем ночь, такая же длинная, все более и более холодная под студеными яркими звездами. В такую длинную ночь там должен быть страшный холод, доходящий до абсолютного нуля, до -273° Цельсия ниже земной точки замерзания. Всякой жизни там пришлось бы погружаться в зимнюю спячку на всю эту долгую морозную ночь и снова пробуждаться при наступлении долгого дня.

Кейвор задумался.

- Можно, пожалуй, вообразить себе червеподобные существа, питающиеся твердым воздухом, точно так же, как дождевой червяк питается землей, или каких-нибудь толстокожих чудовищ...

- Кстати, - спросил я, - почему же мы не захватили с собой оружия?

Кейвор ничего не ответил на этот вопрос.

- Нет, - сказал он наконец, - нам надо продолжать наше путешествие.

Увидим, когда доберемся туда.

Тут я вспомнил.

- Конечно, - сказал я, - минералы там должны быть при всех условиях.

Вскоре Кейвор сказал мне, что желает переменить курс, отдавшись на минуту действию земного притяжения. Для этого он хочет открыть на тридцать секунд одно из окон, обращенных к Земле. Он предупредил, что у меня может закружиться голова, и советовал прижать руки к окну, чтобы не упасть. Я последовал его совету и уперся ногами в ящики с провизией и цилиндры с воздухом, чтобы не дать им упасть на меня. Окно щелкнуло и раскрылось. Я неуклюже упал на руки и на лицо и сквозь стекло на мгновение увидел между своими растопыренными пальцами нашу Землю - планету внизу небесного свода.

Мы все еще находились сравнительно близко от Земли - по словам Кейвора, всего на расстоянии каких-нибудь восьмисот миль, - и ее громадный диск закрывал почти все небо. Но было уже ясно видно, что наша планета имеет шарообразную форму. Материки вырисовывались смутно, но к западу широкая серая полоса Атлантического океана блестела, как расплавленное серебро в свете закатного солнца. Я, кажется, разглядел тусклые, подернутые дымкой береговые очертания Испании, Франции и Южной Англии, но тут - снова щелчок, окно закрылось, и я в полном смятении медленно заскользил по гладкой поверхности стекла.

Когда наконец голова у меня перестала кружиться, то Луна снова оказалась "внизу", у меня под ногами, а Земля - где-то далеко, на краю горизонта, та самая Земля, которая всегда была внизу и для меня и для всех людей с самого начала начал.

Так мало нам требовалось усилий, так легко все давалось благодаря невесомости, что мы не чувствовали ни малейшей потребности в подкреплении наших сил по крайней мере в течение шести часов (по хронометру Кейвора).

Это меня очень удивило, но даже тогда я съел какую-то сушую малость.

Кейвор осмотрел аппарат для поглощения углекислоты и воды и нашел его в удовлетворительном состоянии, благодаря, конечно, тому, что мы потребляли ничтожное количество кислорода. Все темы для разговоров исчерпались.

Делать нам было больше нечего, и мы почувствовали, что хотим спать. Тогда мы разостлали наши одеяла на дне шара таким образом, чтобы укрыться как можно надежнее от лунного света, пожелали друг другу спокойной ночи и почти мгновенно заснули.

Так мы проводили время - то в дремоте, то разговаривая, читая и по временам закусывая, хотя и без большого аппетита. Любопытно, что за все время нашего пребывания в шаре мы не чувствовали ни малейшей потребности в пище; сначала мы принуждали себя есть, потом перестали и постились, так что не извели и сотой доли взятой с собой провизии; количество выдыхаемой нами углекислоты также было на редкость ничтожно; почему - не сумею объяснить. Находясь большей частью в состоянии покоя, которое не было ни сном, ни бодрствованием, мы падали сквозь пространство времени, не имевшее ни дня, ни ночи, падали бесшумно, плавно и быстро по направлению к Луне.

Глава 6

ВЫСАДКА НА ЛУНУ

Помню, как Кейвор вдруг открыл разом шесть окошек и так ослепил меня светом, что я вскрикнул от боли в глазах и закричал на него. Все видимое пространство занимала Луна - исполинский ятаган белой зари с блестящим, иззубренным темнотой лезвием, постепенно вырисовывающийся из отступающего мрака берег, сверкающие в солнечных лучах остроконечные пики и вершины.

Думаю, что читатель видел изображение или фотографии Луны, так что мне нет надобности описывать очертания лунного ландшафта, грандиозные кольцеобразные горные цепи, более обширные, чем наши земные горы, и их вершины, ярко освещенные солнцем и отбрасывающие резко очерченные тени; серые беспорядочные равнины, кряжи, холмы, кратеры - все детали лунной поверхности, то залитые ослепительным светом, то погруженные в таинственный полумрак. Мы витали близ этого мира на расстоянии менее сотни миль над его хребтами и остроконечными пиками. Теперь мы могли наблюдать то, чего ни один глаз на Земле никогда не увидит: в ярких лучах Солнца резкие очертания лунных скал и оврагов, лощин и дна кратеров заволакивались туманом; белизна их освещенной поверхности раскалывалась на полосы и лоскутья, сжималась и исчезала; только кое-где появлялись и ширились пятна бурого и оливкового цвета.

Недолго, однако, пришлось нам любоваться этим видом. Наступал самый опасный момент путешествия. Нам нужно было спуститься ближе к Луне, над которой мы кружились, замедлять движение и выждать удобную минуту, если попадется место для посадки.

Кейвор напряженно работал. Я же бездельничал, волновался и все время ему мешал. Он прыгал по шару с проворством, невозможным на Земле. Он то и дело отпирал и запирали кейворитные окна, делая при этом вычисления и посматривая на свой хронометр при свете электрической лампочки. Долгое время окна оставались

закрытыми, и мы словно безмолвно висели во мраке, мчась в пространстве с невероятной скоростью.

Наконец Кейвор нащупал кнопки и открыл сразу четыре окна. Я зашатался и прикрыл глаза, ослепленный и сраженный непривычным сиянием Солнца, блиставшего у меня под ногами. Потом ставни снова захлопнулись, и у меня закружилась голова от внезапной темноты. Я вновь поплыл в необъятной черной тиши.

Затем Кейвор зажег электричество и сказал, что надо связать наш багаж и завернуть в одеяло, чтобы избежать сотрясения при спуске шара. Мы делали это при закрытых окнах, чтобы наши вещи сами естественно расположились в центре шара. Это было забавное зрелище: вообразите, если можете, двух человек, которые плавают в сферическом пространстве, упаковывая и увязывая свои пожитки! Малейшее усилие обращалось в самое неожиданное движение.

Меня то прижимало к стеклянной стенке - это Кейвор невольно толкнул меня, - то я беспомощно барахтался в пустоте. Звезда электрического света сияла у нас то над головой, то под ногами. Ноги Кейвора чуть ли не задевали меня по лицу, а в следующую секунду мы оказывались перпендикулярно друг к другу. Наконец вещи были связаны в большой мягкий тюк - все, за исключением двух одеял с отверстиями для головы: в них мы собирались закутаться сами.

Теперь Кейвор открыл одно окно со стороны Луны, и мы увидели, что спускаемся к огромному центральному кратеру, окруженному крестообразно несколькими меньшими. Потом Кейвор снова открыл наш шар со стороны слепящего Солнца - вероятно, он хотел воспользоваться притяжением Солнца как тормозом.

- Закройтесь одеялом! - вскричал он, отлетая в сторону.

Я не сразу понял, потом выхватил одеяло из-под ног и закутался в него с головой. Кейвор закрыл заслонку, открыл какое-то другое окно и быстро его захлопнул, потом начал открывать поочередно все окна. Шар наш заколебался, и мы внутри завертелись, ударяясь о стеклянную стенку и о толстый тюк багажа и цепляясь друг за друга, а снаружи какое-то белое вещество обдавало брызгами наш шар, как будто мы катились вниз по снежному склону горы...

Через голову, кувырком, удар, опять кувырком...

Сильный толчок - и я наполовину погребен под тюком багажа... Мгновенье полной тишины. Затем я услышал пыхтение Кейвора и хлопанье стальной заслонки. Я с усилием оттолкнул завернутый в одеяло багаж и выбрался из-под него. За открытыми окнами сияли в темноте звезды.

Мы остались живы и лежали во мраке, в тени, отбрасываемой глубоким кратером, на дно которого скатился наш шар.

Мы сидели, переводя дыхание и ощупывая синяки на теле от ушибов. Ни один из нас, видно, не предвидел такого нелюбезного приема в лунном мире.

Я с трудом поднялся на ноги.

- А теперь посмотрим на лунный пейзаж, - сказал я. - Какая темнота, Кейвор!

Стеклянная поверхность шара запотела, и, говоря это, я протираю ее одеялом.

- Остается с полчаса до наступления дня, - сказал Кейвор. - Надо подождать.

В окружающей темноте ничего не было видно, словно шар был не стеклянный, а стальной. Протирание одеялом не помогло, а только загрязнило окно: стекло снова потело от сгустившегося пара и облипало волосками шерсти. Конечно, одеяло для

этого не годилось. Протирая стекло, я нечаянно поскользнулся на влажной поверхности и ударился ногой об один из цилиндров с кислородом.

Нелепое положение! Все это очень раздражало меня. После такого невероятного странствия мы наконец очутились на Луне, среди неведомых чудес, и ничего не могли увидеть, кроме тусклой стенки нашего стеклянного пузыря.

- Проклятие! - разразился я. - Ради этого не стоило улетать с Земли.

И я присел на тюк, дрожа от холода и закутываясь плотнее в одеяло.

Мокрая поверхность стекла вскоре замерзла и покрылась морозными узорами.

- Вы можете дотянуться до электрического обогревателя? - сказал Кейвор.

- Да вон та черная кнопка. Иначе мы рискуем замерзнуть.

Я не заставил его повторить просьбу дважды.

- А теперь, - спросил я, - что мы будем делать?

- Ждать, - отвечал он.

- Ждать?

- Конечно. Надо подождать, пока воздух снова согреется, тогда и стекло оттаяет. До тех пор нам делать нечего. Здесь еще ночь, надо обождать наступления дня. А пока не хотите ли закусить?

Я ответил не сразу и сидел злой и раздраженный. Потом нехотя отвернулся от мутной стеклянной стенки и посмотрел прямо в глаза Кейвору.

- Да, - сказал я наконец, - я проголодался. Я сильно разочарован. Я ожидал... Не знаю, чего ожидал, только уж, конечно, не этого.

Я призвал на помощь всю свою философию: натянув получше одеяло, снова уселся на тюк и приступил к своему первому завтраку на Луне. Не помню, кончил ли я его, как вдруг стеклянная поверхность стала проясняться сначала местами, а потом быстро расширявшимися и сливавшимися полосками, и, наконец, тусклая вуаль, скрывавшая лунный мир от наших взоров, совершенно исчезла.

Мы жадно выглянули наружу.

Глава 7

ВОСХОД СОЛНЦА НА ЛУНЕ

Нам представилась дикая и мрачная картина. Мы находились среди громадного амфитеатра, в обширной круглой равнине, на дне гигантского кратера. Его обрывистые стены замыкали нас со всех сторон. С западной стороны на них падал свет еще невидимого Солнца, достигая подошвы обрыва и ярко освещая хаотические нагромождения темных и серых скал, перерезанных сугробами и снежными ущельями. Края кратера находились от нас милях в двенадцати, но в разреженной атмосфере блестящие очертания их были видны очень отчетливо. Они вырисовывались ослепительно ярко на фоне звездной темноты, которая нашим земным глазам казалась скорее великолепным, усеянным блестками бархатным занавесом, чем небом.

Восточный край обрыва вначале был просто темной кромкой звездного купола. Ни розового отблеска, ни брезжущего рассвета - никакого признака наступления утра. Только солнечная корона - зодиакальный свет, большое конусообразное светящееся пятно, направленное вершиной к сияющей утренней звезде, - предупреждала нас о близости Солнца.

Слабый свет вокруг нас отражался от западного края кратера и открывал обширную волнообразную равнину, холодную и серую, постепенно темнеющую к востоку и переходящую в глухую черную пропасть обрыва. Бесчисленные круглые серые вершины, призрачные холмы, сугробы из снегоподобного вещества, простирающиеся вдоль множества хребтов в таинственные дали, подчеркивали нам размеры кратера. Холмы напоминали ледяные торосы, покрытые снегом. Но то, что я принял сначала за снег, оказалось замерзшим воздухом.

Так было сначала, а потом вдруг сразу наступил удивительный лунный день.

Солнечный свет скользнул вниз по скалам, коснулся сугробов у их оснований и, точно в сапогах-скороходах, быстро добрался до нас.

Отдаленный край кратера словно зашевелился, дрогнул, и при первом проблеске зари со дна стал подниматься серый туман; хлопья и клубы его становились все шире, гуще и плотнее, и вскоре вся западная часть равнины задымилась, как мокрый платок, повешенный перед огнем, и западная сторона кратера озарилась розовым светом.

- Это воздух, - сказал Кейвор, - конечно, это воздух, иначе пар не поднимался бы так при лучах Солнца...

Он пристально посмотрел вверх.

- Смотрите! - воскликнул он.

- Куда? - спросил я.

- На небо. Видите? На черном фоне - голубая полоска. Звезды кажутся больше, а некоторые из них помельче, и все туманности, которые мы видели в небесном пространстве, исчезли!

День наступал быстро и неудержимо. Серые вершины одна за другой вспыхивали и клубились плотным дымящимся паром, и вскоре вся равнина на западе казалась сплошным морем тумана, прибоями и отливами облачной дымки волн. Края кратера отступали все дальше и дальше, тускнели, меняли свои очертания и в конце концов исчезли в тумане.

Все ближе и ближе надвигался клубящийся прилив с быстротой бегущей по Земле тени облака, подгоняемого юга-западным ветром. Вокруг стало сумрачно.

Кейвор схватил меня за руку.

- Что? - спросил я.

- Смотрите! Восход Солнца! Солнце!

Он с силой повернул меня и указал на восточный край кратера, выступавший из окружающего нас тумана и немного просветлевший по сравнению с темным небом. Контуры его теперь обозначились странными красноватыми жилками, пляшущими языками багрового колеблющегося пламени. Я подумал сначала, что это лучи Солнца упали на клубы тумана и образовали огненные языки в небе, но это была солнечная корона, которая на Земле скрыта от наших глаз атмосферой.

И, наконец, Солнце!

Медленно и неотвратно появилась ослепительная линия - тонкая лучезарная полоска, постепенно принявшая форму радуги, потом дуги, превратилась в пылающий спектр и метнула в нас огненное копьё зноя.

Мне показалось, что у меня выкололи глаза! Я громко вскрикнул и отвернулся, почти ослепленный, ощупью отыскивая свое одеяло под узлом.

И вместе с этим жгучим светом раздался резкий звук, первый звук, достигший нашего слуха из вселенной с тех пор, как мы покинули Землю, свист и шелест,

бурный шорох воздушной одежды наступающего дня. С появлением света и звука шар наш накренился, и мы, как слепые щенята, беспомощно повалились друг на друга. Шар снова качнулся, и свист стал громче. Крепко стиснув веки, я делал неуклюжие попытки закрыть голову одеялом, но этот новый толчок свалил меня с ног. Я упал на узел, открыл глаза и увидел на мгновение блеск воздуха снаружи стекла. Воздух был жидкий, он кипел, как снег, в который воткнули раскаленный добела металлический прут. Отвердевший воздух при первом же прикосновении солнечных лучей превратился в какое-то тесто, в грязную кашу, которая шипела и пузырилась, превращаясь в газ.

Шар снова покачнулся, на этот раз много резче, и мы с Кейвором ухватились друг за друга, но в следующую же секунду уже кувыркались вверх ногами. Потом я оказался на четвереньках. Лунный рассвет играл нами, как мячиком, точно хотел показать нам, ничтожным людям, что может с нами сделать Луна.

На мгновение я вновь увидел, что происходит снаружи, - там клубился пар, текла и капала полужидкая грязь. Мы падали в темноту. Я очутился внизу, колени Кейвора уперлись мне в грудь. Затем его отбросило, и несколько мгновений я лежал на спине, задыхаясь и глядя вверх. Лавина полужидкого кипящего вещества погребла под собою шар. Я видел, как по стеклу прыгали пузырьки. Кейвор слабо вскрикнул.

Теперь огромная масса тающего воздуха подхватила шар, и мы, вскрикивая и бормоча проклятия, покатались под откос к западу, перепрыгивая через расщелины, срываясь с уступов, все быстрее и быстрее, в раскаленную, белую, кипящую бурю лунного дня.

Цепляясь друг за друга, мы катались по шару вместе с тюком багажа. Мы сталкивались, сшибались головами и снова разлетались в разные стороны с фейерверком искр в глазах! На Земле мы давно раздавили бы друг друга, но на Луне, к счастью, наш вес был в шесть раз меньше - и все обошлось благополучно. Я припоминаю ощущение неудержимой тошноты и сильной боли, будто мозг перевернулся у меня в черепе, а затем...

Что-то шевелилось у меня на лице, словно тонкие щупальца трогали мои уши. Потом я обнаружил, что яркий блеск ослаблен надетыми на меня синими очками. Кейвор наклонился надо мной, я увидел снизу его лицо; глаза его также были защищены синими очками. Дышал он порывисто, и губа у него была рассечена в кровь...

- Ну что, лучше? - спросил он, обтирая кровь рукой.

Все вокруг качалось, но это было просто головокружение. Кейвор закрыл несколько заслонок в оболочке тара, чтобы скрыть меня от прямых лучей солнца. Все вокруг нас было залито ярким светом.

- Бог ты мой, - задыхаясь, выговорил я, - ведь это...

Я повернул голову, чтобы посмотреть наружу. Ослепительный блеск сменил мрачную темноту.

- Долго я лежал без чувств? - спросил я.

- Не знаю, хронометр разбился. Должно быть, недолго, мой дорогой, но я очень испугался...

Я лежал молча, стараясь вдуматься в случившееся. На лице Кейвора еще отражалось пережитое волнение. Я ощупывал рукой свои ушибы и вглядывался в его лицо. Больше всего пострадала у меня правая рука, с которой была содрана

кожа; лоб тоже был разбит в кровь. Кейвор поддал мне немного подкрепляющего средства, которое он захватил с собой, - я забыл, как оно называется. После этого я почувствовал себя лучше и начал осторожно шевелить руками и ногами. Вскоре я мог уже разговаривать.

- Это никуда не годится, - сказал я, как бы продолжая начатый разговор.

- Вы правы.

Кейвор задумался, опустив руки. Он выглянул наружу через стекло, потом взглянул на меня.

- Господи! - воскликнул он. - Не может быть!

- Что случилось? - спросил я, помолчав. - Мы попали под тропики?

- Случилось то, чего я ожидал. Воздух испарился - если только это воздух. Во всяком случае, вещество это испарилось, и показалась поверхность Луны. Мы лежим на какой-то каменистой скале. Кое-где обнажилась почва, и довольно странная.

Кейвор не стал вдаваться в дальнейшие объяснения. Он помог мне сесть, и я увидел все своими глазами.

Глава 8

УТРО НА ЛУНЕ

Резкие контрасты белого и черного в окружающем пейзаже исчезли.

Солнечный свет окрасился в светло-янтарный тон; тени на скалистой стене кратера стали пурпурными. На востоке все еще клубился туман, укрываясь от лучей солнца, но на западе небо было голубое и чистое. Долго же я пролежал в обмороке!

Мы больше не находились в пустоте. Вокруг нас поднялась атмосфера.

Очертания предметов вырисовывались отчетливей, резче и разнообразней, за исключением разбросанных то там, то сям полос белого вещества, но это был не воздух, а снег: пейзаж уже не походил на арктический. Всюду расстилались ярко освещенные солнцем широкие ржаво-бурые пространства голой, изрытой почвы. Кое-где по краям снежных сугробов блестели лужи и ручьи - единственное, что оживляло мертвый пейзаж. Солнечный свет проникал к нам в два отверстия и превратил климат в жаркое лето, но ноги наши оставались еще в тени, и шар лежал на снежном сугробе.

На скате виднелись какие-то разбросанные сухие ветки; они были такой же бурой окраски, как и скала, но с теневой стороны их покрывал белый иней.

Это заинтересовало меня. Ветки! В мертвом мире! Но когда я пригляделся к ним, то заметил, что вся лунная поверхность затянута волокнистым покровом, похожим на ковер из опавшей бурой хвои под стволами сосен.

- Кейвор! - воскликнул я.

- Что?

- Теперь это мертвый мир, но раньше...

Тут мое внимание было привлечено другим: я заметил между опавшими иглами множество маленьких кругляшей, и мне показалось, что один из них шевелится.

- Кейвор, - прошептал я.

- Что?

Я ответил не сразу. Я пристально смотрел, не веря своим глазам. Потом издал нечленораздельный звук и схватил Кейвора за руку.

- Посмотрите, - показал я. - Вон там! И там!

Он посмотрел туда, куда я показывал пальцем.

- Что такое? - спросил он.

Как описать то, что я увидел? Это такой пустяк, и, однако, он показался мне чудесным, почти необычным. Я уже сказал, что между иглами, устилавшими почву, были рассеяны какие-то круглые или овальные тельца, которые можно было принять за мелкую гальку. Вдруг одно из них, потом другое зашевелились и раскрылись, показывая зеленовато-желтый росток, тянущийся к горячим лучам восходящего Солнца. Через несколько мгновений зашевелилось и лопнуло третье тельце.

- Это семена, - сказал Кейвор и как бы про себя прошептал:

- Жизнь!

"Жизнь!" Тотчас у меня промелькнула мысль, что наше далекое путешествие совершенно не напрасно, что мы прибыли не в бесплодную пустыню минералов, а в живой, населенный мир. Мы продолжали с интересом наблюдать.

Помню, как тщательно протирал я рукавом запотевшее стекло.

Жизнь мы могли наблюдать, только смотря сквозь центр стекла. Ближе к краям мертвые иглы и семена увеличивались и искажались выпуклостью. И все-таки мы смогли увидеть многое. По всему освещенному Солнцем откосу чудесные бурые тельца лопались, как семена или стручки: они жадно раскрывали уста, чтобы пить тепло и свет восходящего Солнца.

С каждой секундой росло количество лопающихся семян, между тем как их первые застрельщики уже вытягивались из расколовшихся оболочек и переходили во вторую стадию роста. Уверенно и быстро эти удивительные семена пускали в почву корешок и в воздух странный росток в виде узелка.

Скоро весь откос покрылся крохотными растеньицами, впитывавшими яркий солнечный свет.

Но недолго оставались они в этом состоянии. Узелковые ростки надулись и лопнули, высунув кончики крошечных остроконечных бурых листочков, которые росли быстро, на наших глазах. Движение это было медленней, чем у животных, но быстрее, чем у всех виденных мною растений. Как нагляднее передать вам процесс этого произрастания? Листочки вытягивались.

Коричневая оболочка семян морщилась и быстро распадалась. Случалось ли вам в холодный день взять термометр в теплую руку и наблюдать, как поднимается в трубке тонкий столбик ртути? Так же быстро росли и эти лунные растения.

Казалось, в несколько минут ростки более развившихся растений вытянулись в стебельки и пустили по второму побегу листьев. Весь откос, еще недавно мертвый, усыпанный иглами, покрылся теперь темным оливково-зеленым ковром колючих листьев и стеблей, поражающих мощью своего роста.

Я повернулся к востоку, и - чудо! Там вдоль всего верхнего края скалы тоже колыхалась бахрома растительности, поднимавшаяся так же быстро, темневшая в блеске солнечных лучей. А за этой бахромой возвышался силуэт массивного растения, узловатого, точно кактус; оно пучилось и надувалось, как пузырь, наполненный воздухом.

На западе я обнаружил еще одно такое же растение, поднимавшееся над мелкой порослью. Но здесь свет падал на него сбоку, и я мог разглядеть, что оно окрашено в ярко-оранжевый прет. Оно росло на наших глазах. Стоило отвернуться на минуту и снова взглянуть на него, как контуры его уже менялись: оно выпускало из себя толстые, массивные ветки и в короткое время преобразилось в кораллообразное дерево высотой в несколько футов. В сравнении с этим быстрым ростом развитие земного гриба-дождевика, который, говорят, в одну ночь достигает фута в диаметре, показалось бы очень медленным. Но дождевик растет на Земле, где сила тяготения в шесть раз больше, чем на Луне.

Вокруг, из всех оврагов и равнин, которые были скрыты от наших глаз, но не от живительных лучей Солнца, над грядками и рифами сияющих скал вытягивались заросли тучной колючей растительности, спешившей воспользоваться коротким летом, в продолжение которого нужно расцвести, обсемениться и погибнуть. Этот быстрый рост лунной растительности казался чудом. Так было, наверное, на первозданной земле, когда в пустыне разрастались деревья и травы.

Представьте только! Представьте себе рассвет на Луне! Оттаивает мерзлый воздух, оживает и шевелится почва, бесшумно и быстро поднимаются стебли и растут листья. И все это залито ослепительным светом, в сравнении с которым самый яркий солнечный свет на Земле показался бы слабым и тусклым.

И среди этих джунглей, в тени - полосы синеватого снега. А для полноты картины не забудьте, что все это мы видели через толстое выпуклое стекло, подобное чечевице, которая лишь в центре дает ясное и верное изображение, а по краям все увеличивает и искажает.

Глава 9

ПЕРВЫЕ ИЗЫСКАНИЯ

Мы перестали наблюдать и повернулись друг к другу с одной и той же мыслью, с одним и тем же вопросом в глазах. Раз эти растения живут, значит, есть воздух, которым могли бы дышать и мы.

- Открыть люк? - предложил я.

- Да, - согласился Кейвор. - Если только это воздух.

- Растения скоро достигнут человеческого роста, - заметил я. - Но можно ли быть абсолютно уверенным, что там есть воздух? Может быть, это азот или углекислота?

- Это легко проверить, - сказал Кейвор и приступил к опыту.

Он нашел обрывок смятой бумаги, зажег ее и поспешно выбросил через люк.

Я наклонился вперед и начал внимательно следить через толстое стекло за бумагой и за огоньком, от которого зависело так много.

Я видел, как бумага медленно опустилась на снег и желтоватое пламя как будто погасло. Но через мгновение на краю показался синевато-огненный язычок, который, дрожа, полз и ширился.

Скоро весь листок, за исключением кусочка, соприкасавшегося со снегом, обуглился и съежился, выпустив вверх легкую струйку дыма. Сомнения больше не было: атмосфера Луны состоит либо из чистого кислорода, либо из воздуха и, следовательно, если только она не находится в слишком разреженном состоянии, способна поддержать нашу жизнь. Значит, мы можем выйти наружу и жить.

Я уселся у люка и собирался уже отвинчивать крышку, но Кейвор остановил меня.

- Необходима маленькая предосторожность.

Он сказал, что хотя это, несомненно, атмосфера, содержащая кислород, но, может быть, она настолько разрежена, что мы ее не вынесем. При этом Кейвор напомнил мне о горной болезни и о кровотечении, которому часто подвергаются воздухоплаватели при слишком быстром подъеме азотистого газа. Затем он принялся готовить какой-то противный на вкус напиток, который мне пришлось выпить вместе с ним. Снадобье несколько расслабило меня - и только. После этого Кейвор позволил мне открыть люк.

Как только стеклянная крышка люка немного поддалась, более плотный воздух нашего шара начал быстро вытекать наружу вдоль нарезки винта со свистом, похожим на песенку закипающего чайника.

Кейвор остановил меня. Очевидно, атмосферное давление вне шара значительно меньше, чем давление внутри, но насколько меньше, этого мы не могли определить.

Я сидел, ухватившись обеими руками за крышку люка, готовый снова привинтить ее, если, к несчастью, лунная атмосфера окажется чересчур разреженной. А Кейвор держал в руках цилиндр сжатого кислорода, чтобы регулировать воздушное давление внутри шара. Мы молча смотрели то друг на друга, то на фантастическую растительность, бесшумно выращенную на наших глазах. Резкий свист не прекращался.

В ушах у меня зазвенело, все движения Кейвора сделались бесшумными.

Разрежение воздуха привело к тому, что стало совсем тихо.

По мере того, как наш воздух с шипением вырывался наружу через нарезки винта, содержащаяся в нем влага сгущалась в маленькие клубы пара.

Дыхание стало затрудненным. Эта затрудненность чувствовалась нами постоянно во время пребывания во внешней атмосфере Луны. Потом появилось неприятное ощущение в ушах, под ногтями пальцев и в горле; оно скоро прошло и сменилось головокружением и тошнотой. Я испугался и прикрыл крышку люка. Но Кейвор оказался более храбрым. Голос его звучал очень тихо и доносился словно издали вследствие разреженности воздуха. Он посоветовал мне выпить рюмку бренди и сам первый подал пример. Я почувствовал себя несколько лучше и отвернул крышку - звон в ушах усилился, между тем как свист вырывающегося из шара воздуха как будто прекратился. Однако я не был уверен, что это так.

- Ничего? - еле слышно спросил Кейвор.

- Ничего, - повторил я.

- Рискнем?

- Это все? - усомнился я.

- Если вы можете выдержать.

Вместо ответа я отвинтил крышку, снял ее и осторожно положил на тук.

Несколько хлопьев снега закружились и исчезли, когда лунный разреженный воздух наполнил наш шар. Я опустился на колени, уселся у края отверстия и выглянул наружу. Внизу, на расстоянии одного ярда от моего лица, лежал чистый, девственный лунный снег.

Мы молча переглянулись.

- Ну как ваши легкие? - спросил Кейвор.

- Ничего, - ответил я, - довольно сносно.

Кейвор протянул руку за одеялом, просунул голову в отверстие посередине и, закутавшись, сел на краю люка. Ноги его находились на расстоянии шести дюймов от снега.

С минуту он колебался, потом спрыгнул и встал на девственную почву Луны.

Фигура его, преломленная краем стекла, показалась мне фантастической. С минуту он стоял, осматриваясь вокруг. Потом собрался с духом и вдруг прыгнул в воздух.

Выпуклое стекло изображало все в искаженном виде, но прыжок Кейвора показался мне чересчур высоким. Он сразу очутился очень далеко, отлетел футов на двадцать или на тридцать от меня. Теперь он стоял высоко на скале и махал мне рукой. Может быть, он кричал, но я ничего не слышал. Как он смог сделать такой гигантский прыжок? Это похоже на колдовство!

Ничего не понимая, я тоже спустился через люк. Прямо передо мной снежный сугроб подтаял и образовал яму. Я сделал шаг и тоже прыгнул.

Я поднялся в воздух, с неудержимой силой летел прямо на скалу, на которой стоял Кейвор, и в изумлении обеими руками ухватился за нее. Потом истерически расхохотался. Я был очень смущен. Кейвор наклонился ко мне и пронзительным голосом крикнул, что надо быть осторожным.

Я забыл, что на Луне, масса которой в восемь раз, а диаметр - в четыре раза меньше, чем у Земли, мой вес составлял всего только одну шестую часть земного моего веса. Неожиданный полет напомнил мне об этом.

- Мы ходим здесь без помочей матери Земли, - заметил Кейвор.

Передвигаясь, как ревматик, я осторожно поднялся на вершину скалы и стал рядом с Кейвором под палящими лучами солнца. Шар наш лежал футах в тридцати позади, на рыхлом сугробе снега.

Всюду над хаосом нагроможденных скал, образовавших дно кратера, щетинились заросли, такие же, как и около нас, с торчащими кое-где кактусообразными растениями, которые росли так быстро, точно ползли по камням. Все пространство кратера, вплоть до подножия отвесных стен, казалось сплошной однообразной пустыней.

Растительность покрывала лишь основание голых скал, которые вздымались множеством выступов и площадок; сначала мы не обратили на них внимания.

Они тянулись на много миль от нас по всем направлениям; по-видимому, мы находились в центре кратера и видели все сквозь легкую дымку, колыхавшуюся от ветра. В разреженной лунной атмосфере ветер казался резким, хотя и был слаб. Он продувал насквозь, хотя вы и не чувствовали сильного напора.

Ветер словно тянул из темного туманного кратера по направлению к жаркой, освещенной стене. Трудно было смотреть на расстилавшийся на востоке туман, приходилось щуриться и прикрывать рукой глаза из-за ослепительного блеска неподвижного Солнца.

- Пустыня, - сказал Кейвор, - совершенная пустыня.

Я снова осмотрелся, надеясь увидеть хоть какой-нибудь признак человеческого существования: верхушку строения, дом или машину, но всюду хаотически громоздились пики и гребни скал, щетинились заросли и торчали уродливые, раздутые кактусы. Надежды мои казались тщетными.

- Очевидно, здесь живут одни эти растения, - сказал я, - не заметно ни малейшего следа живых существ.

- Ни насекомых, ни птиц! Ничего похожего на животную жизнь. Да если бы здесь и были животные, что им делать в эту бесконечную ночь? Нет, тут, видно, живут одни эти растения.

Я прикрыл глаза рукой.

- Это похоже на фантастический ландшафт какого-нибудь необыкновенного сновидения. Растения так же мало похожи на земные, как подводные водоросли. Посмотрите на это чудовище! Можно подумать, что это ящер, преобразенный в растение. И какой ослепительный свет!

- А между тем сейчас только еще прохладное утро, - сказал Кейвор.

Он вздохнул и огляделся.

- Нет, здешний мир непригоден для людей, - промолвил он, - однако в некоторых отношениях... он не лишен интереса.

Он замолчал и, задумавшись, начал привычно жужжать.

Я вздрогнул от какого-то легкого прикосновения: оказалось, что лишайник вполз мне на ботинок, я стряхнул его, он рассыпался, и каждый кусочек его опять начал расти. Кейвор вскрикнул, уколовшись об острый шип колючего кустарника.

Он, видимо, колебался: глаза его искали что-то среди окружающих скал.

На шершавом хребте скалы словно вспыхнул красный огонек. Это оказалась багровая гвоздика удивительной окраски.

- Посмотрите, - сказал я, оборачиваясь, но Кейвор исчез.

В испуге я словно оцепенел, потом поспешно подошел к краю скалы, но, пораженный исчезновением Кейвора, снова забыл, что мы находимся на Луне.

Большой шаг, сделанный мною, передвинул бы меня на Земле на один ярд, на Луне он перенес меня ярдов на шесть через край скалы. Это походило на тот кошмарный сон, когда нам кажется, что мы летим вниз. На Земле падающее тело проходит в первую секунду шестнадцать футов, на Луне же - всего два фута, имея при этом вес в шесть раз меньший. Я упал, или, вернее, прыгнул на тридцать футов. Мне показалось, что прыжок длился довольно долго - пять или шесть секунд. Я полетел по воздуху и опустился, как перышко, увязнув по колени в снежном сугробе на дне оврага, среди синевато-серых скал с белыми прожилками. Я огляделся по сторонам.

- Кейвор! - крикнул я, но Кейвора нигде не было. - Кейвор! - завопил я еще громче, но лишь горное эхо откликнулось на мой призыв.

Отчаянным рывком я вскарабкался на вершину скалы и крикнул:

- Кейвор!

Крик мой напоминал бляение заблудившегося ягненка.

Шара тоже не было видно, и на минуту меня охватило страшное ощущение одиночества.

И тут я увидел Кейвора. Он смеялся и махал рукой, стараясь привлечь мое внимание. Он стоял на площадке скалы, ярдах в двадцати или тридцати от меня. Я не мог слышать его голоса, но жесты его говорили: "Прыгай". Я колебался: расстояние казалось огромным. Однако я решил, что, наверное, смогу прыгнуть дальше, чем Кейвор.

Я отступил на шаг назад, собрался с духом и прыгнул вверх; я взлетел в воздух и, казалось, не смогу спуститься вниз.

Жуткое и в то же время сладостное ощущение полета! Необыкновенное, как сон! Мой прыжок оказался слишком большим. Я пролетел над головой Кейвора и

увидел, что падаю в овраг с колючками. В испуге я крикнул, протянул вперед руки и расставил ноги.

Я упал на огромный гриб, который лопнул подо мной, развеяв массу оранжевых спор и обдав меня оранжевой пылью. Отплеываясь, я покатился вниз и затрясся от беззвучного смеха.

Из-за колючих кустов выглянуло маленькое круглое лицо Кейвора. Он что-то говорил мне.

- Что? - хотел я спросить, но у меня перехватило дыхание.

Он медленно спускался ко мне между зарослями.

- Нам нужно быть осторожнее, - сказал он. - Эта Луна не признает земных законов. Она разобьет нас вдребезги. - Он помог мне встать на ноги. - Вы чересчур напрягаетесь, - сказал он, смахивая рукой желтую пыль с моей одежды.

Я стоял тихо, тяжело дыша, пока он счищал с моих колен и локтей студенистое вещество и читал мне наставления.

- Мы должны приспособиться к невесомости. Наши мускулы еще недостаточно приучены. Необходимо попрактиковаться, когда у вас восстановится правильное дыхание...

Я вытащил из руки два или три вонзившихся шипа и в изнеможении присел на скалу. Руки и ноги у меня дрожали. Я чувствовал себя неловко, как человек, впервые пробующий ездить на велосипеде.

Кейвору вдруг пришла в голову мысль, что после солнечного зноя холодный воздух на дне оврага может простудить меня, и мы вскарабкались на вершину скалы, озаренную солнцем. Оказалось, что, кроме нескольких ссадин, я не получил никаких серьезных ушибов при падении. Кейвор предложил найти более безопасное и удобное место для следующего прыжка. Мы выбрали наконец площадку на скале на расстоянии около десяти ярдов, отделенную от нас темно-зелеными колосьями.

- Прыгнем сюда, - предложил Кейвор, разыгрывавший роль инструктора, и указал на место футах в четырех от моих ног.

Этот прыжок я совершил без труда и должен признаться, что не без удовольствия заметил, что Кейвор недопрыгнул на фут или два и свалился в колючие заросли.

- Видите, как надо быть осторожным, - сказал он, вытаскивая шипы, и после этого бросил разыгрывать из себя учителя и стал моим товарищем в школе лунного хождения.

Мы выбрали еще более легкий прыжок и совершили его шутя, затем прыгнули назад, потом снова вперед и повторили это упражнение несколько раз, приучая мускулы к новому режиму. Я никогда не поверил бы, что можно приспособиться так быстро, если бы не узнал на собственном опыте. Очень скоро, после двадцати - двадцати пяти прыжков, мы легко определяли усилие, необходимое для каждого расстояния.

Между тем лунная растительность продолжала развиваться, становилась выше и гуще: мясистые кактусы, колючие стебли, грибы и лишайник лучились и изгибались, поражая необычайными формами. Однако мы были так поглощены нашими упражнениями, что сначала не обращали внимания на буйный рост лунных зарослей.

Странное возбуждение овладело нами. Отчасти, я думаю, это было чувство радости, связанное с освобождением от продолжительного заключения в тесном

шаре, но главная причина - мягкость и свежесть лунного воздуха, который, очевидно, содержит гораздо больше кислорода, чем наша земная атмосфера.

Несмотря на удивительную, необычную обстановку, мы вели себя, как лондонцы, впервые очутившиеся в горах, на лоне природы. Мы вовсе не испытывали страха перед неведомым будущим.

Нас охватила жажда деятельности. Мы выбрали мшистый пригорок ярдах в пятнадцати от нас и благополучно взобрались на его вершину.

- Отлично! - кричали мы. - Отлично!

Кейвор сделал три шага и прыгнул на снежный скат ярдах в двадцати. Я стоял неподвижно, пораженный уморительным видом его парящей в воздухе фигуры в грязной, измятой спортивной шапочке, с взъерошенными волосами, с коротким круглым туловищем, длинными руками и поджарыми козлиными, тонкими ножками - странной фигуры на фоне лунного простора.

Я громко расхохотался и последовал за ним. Прыжок - и я очутился рядом с Кейвором.

Мы сделали несколько исполинских шагов наподобие Гаргантюа, три-четыре раза прыгнули и уселись в поросшей мхом ложине. Дышать было трудно. Мы запыхались и сидели спокойно, держась за грудь и вопросительно поглядывая друг на друга. Кейвор бормотал что-то об "удивительных ощущениях". Затем я вдруг спросил - в этом не было ничего страшного, это был вполне естественный и уместный вопрос:

- Однако где же наш шар?

Кейвор посмотрел на меня.

- Что?

Я тут понял, что случилось, и меня словно обожгло.

- Кейвор, - закричал я, схватив его за руку, - где же наш шар?

Глава 10

ЗАБЛУДИВШИЕСЯ НА ЛУНЕ

Мой испуг передался и Кейвору. Он встал и начал внимательно осматривать окружавшие нас быстро разраставшиеся заросли. С недоумением поднес руку к губам и заговорил без своей обычной уверенности.

- Мне кажется... - Медленно произнес он, - мы оставили его... где-то... там... - Он сделал неопределенный жест. - Не знаю наверняка. - В его глазах выразилась растерянность. - Во всяком случае, он где-то недалеко.

Мы оба встали. Выкрикивая что-то невнятное, мы напряженно всматривались в чащу опоясывающих нас джунглей. Повсюду вокруг, на освещенных солнцем скалах, вздымалась лишь колючая щетина, раздутые кактусы, ползучий лишайник да кое-где в тени синели снежные сугробы. На север, на юг, на восток и на запад - во все стороны расстилались однообразные заросли необычайных растительных форм. И где-то, погребенный среди этого хаоса стеблей, лежал наш шар - наш дом, вся наша провизия, наша единственная надежда выбраться из этой фантастической пустыни, покрытой эфемерными растениями.

- Я думаю, - Кейвор показал пальцем на север, - что шар, наверное, там.

- Нет, - возразил я, - мы двигались по кривой. Смотрите, вот отпечаток моих каблуков. Ясно, что шар находится восточное. Нет, он где-нибудь там.

- Я считаю, - сказал Кейвор, - что солнце все время было справа.

- А мне кажется, что при каждом прыжке моя тень падала вперед.

Мы вопросительно посмотрели друг на друга.

В наших глазах дно кратера сразу приняло громадные размеры, чащи кустарника казались непроходимыми.

- Боже мой! Какое безрассудство!

- Совершенно очевидно, что нам надо во что бы то ни стало найти шар, сказал Кейвор, - и как можно скорей. Солнце печет все сильнее. Мы давно уже изнемогли бы от жары, если бы воздух не был так сух. К тому же... я проголодался.

Я посмотрел на него с удивлением. Об этом я не подумал, но после его слов сразу почувствовал волчий аппетит.

- Да, и я тоже, - сказал я.

Кейвор решительно встал.

- Необходимо найти шар.

Стараясь держаться спокойно, мы всматривались в бесконечные каменные гряды и в чащу растений на дне кратера, молча, каждый про себя взвешивая шансы найти шар, прежде чем нас обессилит зной и голод.

- Он находится не дальше пятидесяти ярдов отсюда, - несколько нерешительно заметил Кейвор. - Единственный способ - ходить кругами, пока не наткнемся на него.

- Больше нам ничего не остается, - согласился я. - О, если бы эти проклятые колючки росли не так быстро!

- Вполне разделяю ваше пожелание, - сказал Кейвор. - Но ведь шар-то остался в снежном сугробе.

Я огляделся по сторонам, тщетно надеясь узнать какой-нибудь бугор или кактус вблизи нашего шара. Но везде было одно и то же: стремящиеся кверху заросли, раздувающиеся грибы, тающие и постоянно меняющие очертания снежные сугробы. Солнце палило нестерпимо; мы слабели от голода, и это еще более увеличивало затруднительность нашего положения. И в тот миг, когда мы стояли так, смущенные и растерянные, мы вдруг впервые услышали на Луне звук, не похожий ни на шелест растений, ни на свист ветра, ни на наши шаги.

"Бум... Бум... Бум..."

Звук исходил откуда-то снизу, из-под почвы. Казалось, что мы ощущаем его не только ушами, но и ногами. Он отдавался глухим отдаленным гулом, словно отделенный от нас толстой стеной. Ни один из знакомых звуков не показался бы нам таким неожиданным: все вокруг словно изменилось. Густой, медленный и мерный, он был подобен бою гигантских часов, зарытых глубоко под землей.

"Бум... Бум... Бум..."

Звук, напоминавший о тихих монастырях, о бессонных ночах в многолюдном городе, об ожидании и бодрствовании, о размеренном порядке, таинственно разносился по этой фантастической пустыне. Для глаза ничто не изменилось в окружающем пейзаже: однообразные кусты и кактусы колыхались от ветра до самого горизонта, на темном пустом куполе неба палило солнце. Но над всем этим в воздухе, как предостережение или угроза, плыл загадочный звук.

"Бум... Бум... Бум..."

Мы тихо спрашивали друг друга:

- Как будто часы.

- Похоже на часы.

- Что это такое?

- Что это может быть?

- Считайте, - сказал Кейвор, но опоздал, так как удары прекратились.

Тишина, ритмическая неожиданность тишины, тоже казалась нам странной.

Действительно ли мы слышали таинственный звон?

Я почувствовал прикосновение руки Кейвора к моему плечу. Он говорил вполголоса, как бы боясь кого-то разбудить.

- Будем держаться вместе и искать наш шар. Надо вернуться к шару. Мне непонятны эти загадочные звуки.

- Куда же мы пойдём?

Он колебался. Мы остро чувствовали присутствие каких-то неведомых существ. Что это за существа? Где они живут? Не является ли окружающая нас пустыня, то мерзлая, то опаленная, только оболочкой какого-то подлунного мира? А если так, то каков этот мир?

Каких обитателей может он изрыгнуть на нас?

И вдруг, пронизывая болезненную тишину, раздался громовой удар, звон, скрежет, как будто неожиданно распахнулись громадные металлические ворота.

Мы замедлили шаги, потом остановились в изумлении. Кейвор тихо подошел ко мне.

- Не понимаю, - прошептал он мне над самым ухом. Он неопределенно махнул рукой - смутное выражение еще более смутных мыслей. - Надо бы найти, где спрятаться. На случай, если...

Я осмотрелся кругом и кивнул головой в знак согласия.

Мы пустились на поиски шара, двигаясь тихо, с преувеличенной осторожностью, стараясь производить как можно меньше шума. Мы направились к ближайшим зарослям, но раздавшийся снова звон, похожий на удар молота по котлу, заставил нас ускорить шаги.

- Надо пробираться ползком, - прошептал Кейвор.

Нижние листья колючих растений, затененные свежей верхней листвой, начали уже вянуть и свертываться, так что мы сравнительно легко могли пробираться между утолщающимися стеблями. На царапины мы уже не обращали внимания. В середине чащи я остановился и, задыхаясь, тревожно уставился в лицо Кейвора.

- Подземные, - прошептал он, - там, внизу...

- Но они могут выйти наружу.

- Нам надо найти шар.

- Да, но как его найти?

- Надо ползать, пока не наткнемся на него.

- А если не наткнемся?

- Будем прятаться. Посмотрим, что это за существа.

- Мы будем держаться вместе, - сказал я.

Кейвор задумался.

- В какую сторону идти?

- Пойдем наудачу.

Мы осмотрелись и осторожно поползли через заросли, стараясь двигаться по кругу, останавливаясь перед каждым грибом, при каждом звуке, думая только о шаре, который мы так легкомысленно покинули. Иногда из-под почвы под нами слышались удары, звон, странные, необъяснимые механические звуки; дважды нам казалось, что мы слышали в воздухе какой-то слабый треск и гул.

Но мы боялись взобраться на возвышение, чтобы взглянуть на кратер. Долгое время мы не замечали существ, о присутствии которых свидетельствовали эти настойчивые частые звуки. Если бы не мучительное чувство голода и жажды, то наше ползание походило бы на яркое сновидение. Все это было так нереально. Единственным намеком на реальность были эти звуки.

Представьте себя в нашем положении! Кругом безмолвный сказочный лес; колючие листья сверху, а под руками и коленями ползучие яркие лишайники, непрерывно движущиеся в процессе быстрого роста, как ковер, надуваемый снизу ветром. Исполинские грибы раздувались под солнцем, как пузыри, и то и дело лопались, обдавая нас пылью своих спор. То и дело появлялись новые, невиданные растительные формы с яркой окраской. Даже клеточки, образующие эти растения, были величиной с мой большой палец и напоминали цветные стеклянные бусы. Все это озарялось ярким блеском Солнца и отчетливо вырисовывалось на черно-синем небе, где, несмотря на солнечный свет, сверкали еще немногие звезды. Странно! Даже камни были необычайны по форме и строению. Все было странно, даже наше самочувствие: каждое движение заканчивалось чем-нибудь неожиданным. Дыхание спиралось в горле, кровь пульсировала в ушах: тук, тук, тук, тук...

И снова и снова доносился откуда-то глухой шум - удары молота, звон, грохот машин и даже мычание огромных зверей.

Глава 11

ПАСТБИЩА ЛУННЫХ КОРОВ

Так мы, два несчастных земных отщепенца, заблудившиеся в лунных джунглях, ползли в страхе перед доносившимися до нас странными звуками.

Ползли мы так довольно долго, прежде чем увидели селенита и лунную корову, хотя рев и мычание доносились до нас все ясней и ясней. Мы ползли через каменистые овраги, через снежные сугробы, по грибам, которые лопались под нами, как пузыри, выпуская из себя водянистую жидкость, - ползли как бы по мостовой из дождевиков, сквозь колючие заросли. Тщетно мы высматривали покинутый нами шар. Звуки, издаваемые лунными коровами, походили то на мычание, то на яростное завывание, то на животный рев, как будто эти невидимые существа искали корм и ревели.

В первый раз они промелькнули так быстро, что мы не смогли разглядеть их, хотя и испугались. Кейвор полз впереди и первый заметил их приближение. Он замер и подал мне знак не шевелиться.

Треск и шум в чаще становились все громче, и, пока мы сидели на корточках, прислушиваясь и стараясь определить их местонахождение, позади нас раздалось страшное мычание, верхушки зарослей закачались, и мы почувствовали чье-то горячее и влажное дыхание. Обернувшись, мы увидели среди качающихся стеблей

лоснящиеся бока лунной коровы и ее огромную выгнутую спину, выделяющуюся на фоне неба.

Конечно, мне трудно сказать, что именно я увидел в ту минуту, так как первые мои впечатления были дополнены потом последующими наблюдениями.

Прежде всего меня поразили огромные размеры животного: в окружности его туловище имело не менее восьмидесяти, а в длину - не менее двухсот футов.

Бока его поднимались и опадали от тяжелого дыхания. Я заметил, что его исполинское рыхлое тело почти лежало на грунте и что кожа у него была морщинистая, в складках, белая, темная только на спине. Ног его я не заметил. Мне кажется, что мы увидели только профиль почти лишенной мозгов головы, жирную шею, мокрый, всепожирающий рот, маленькие ноздри и закрытые глаза (лунные коровы всегда закрывают глаза от солнечного света). Мы мельком увидели и красную пасть, когда чудовище разинуло рот, чтобы зареветь и замычать; мы почувствовали даже его дыхание. Затем чудовище опрокинулось на бок, как судно, которое волокут по отмели, подобрало складки кожи, проползло мимо нас, пролагая себе просеку в чаще, и быстро скрылось в зарослях. Скоро показалось другое такое же чудовище, за ним третье, и, наконец, появился селенит, очевидно, пастух, гнавший эти громадные туши на пастбище. В испуге я судорожно ухватился за ногу Кейвора. Мы замерли и долго смотрели вслед селениту, когда он уже совсем скрылся из виду.

В сравнении с лунными коровами он казался муравьем, пигмеем не более пяти футов ростом. На нем была одежда из какой-то кожи, так что все тело его было закрыто, но тогда мы об этом еще не знали. Селенит представлял собой крепкое, подвижное существо, напоминавшее насекомое с длинными ремнеобразными щупальцами и чем-то вроде клешни, которая со звоном болталась на блестящем цилиндрическом футляре, покрывавшем туловище.

Голова была скрыта под огромным, утыканным остриями шлемом (впоследствии мы узнали, что этими остриями селениты пользовались для наказания упрямых лунных коров), два темных стекловидных наглазника сбоку придавали что-то птичье металлическому аппарату, скрывавшему его лицо. Рук не было видно, и селенит передвигался на коротких ногах, которые, хотя и были обернуты во что-то теплое, показались нам очень жидкими: слишком короткие бедра, длинные голени и маленькие ступни.

Несмотря на тяжелое, по-видимому, одеяние, селенит шел довольно большими шагами и все время работал клешней. По его походке в ту минуту, когда он проходил вдали мимо нас, было заметно, что он торопится и сердится. Вскоре после того, как мы потеряли его из виду, протяжное мычание лунных коров перешло в короткий резкий визг, сопровождаемый возней. Рев, удаляясь, становился тише и наконец совсем смолк: вероятно, чудовища достигли пастбища.

Мы прислушались. В лунном мире вновь царил тишина. Но мы не сразу поползли дальше искать наш пропавший шар.

Во второй раз мы увидели лунных коров на некотором расстоянии, среди скал. Пологие обрывы густо поросли здесь каким-то растением с зелеными мшистыми клубнями: их-то и поедали чудовища. Мы остановились на опушке чащи, наблюдая эти создания и высматривая кругом, нет ли где селенита.

Чудовища лежали на пастбище, как огромные жирные паразиты, и, жадно чавкая и сопя, пожирали корм; неуклюжие и неповоротливые, они, казалось, состояли из одного жира - смитфильдский бык в сравнении с ними показался бы образцом

проворства. Их искривленные, жующие пасти, закрытые глаза и смачное чавканье выражали такое животное наслаждение, что мы еще сильнее почувствовали пустоту наших желудков.

- Свиньи! - разозлился Кейвор. - Отвратительные свиньи!

Бросив на чудовищ завистливый взгляд, Кейвор пополз через кусты вправо.

Убедившись, что растение совершенно непригодно для человеческого питания, я пополз вслед за ним, сжав зубами сорванный стебель.

Но вскоре мы вторично остановились при приближении селенита и на этот раз могли лучше рассмотреть его. Верхний покров его действительно был одеждой, а не скорлупой. Одежда у этого селенита была такая же, как и у первого, с той лишь разницей, что у него на шее висело что-то похожее на вату. Селенит стоял на выступе скалы и поворачивал голову то в одну сторону, то в другую, как бы осматривая кратер. Мы притаились, боясь привлечь его внимание, и вскоре он повернулся и исчез.

Мы наткнулись на другое стадо мычавших лунных коров, поднимавшихся по скату обрыва, а потом проходили там, где из-под ног раздавались звуки, похожие на стук машин, как будто под почвой работала огромная фабрика.

Звуки эти еще доносились до нас, когда мы достигли окраины большого открытого пространства, ярдов двести в диаметре и совершенно ровного. Если не считать лишайников, выступавших кое-где по краям, поляна была совершенно голая, покрытая желтоватой пылью. Сначала мы боялись спуститься по этой пыльной равнине, но так как по ней было легко ползти, то мы наконец решились и начали осторожно красться вдоль ее края.

Подземный шум прекратился, и некоторое время слышался только шорох быстрорастущих растений. Затем внезапно шум снова возобновился, более резкий и громкий, чем раньше. Несомненно, он шел откуда-то снизу.

Инстинктивно мы плотно прижались к почве, готовые при малейшей опасности прыгнуть в чащу. Каждый удар, казалось, отдавался в нашем теле. Грохот и стук становились все громче и громче, порывистая вибрация усиливалась, словно весь лунный мир мерно содрогался и пульсировал.

- Прячьтесь, - шепнул Кейвор, и я повернулся к кустам.

В это мгновение раздался оглушительный удар, напоминающий орудийный залп, и произошло то, что еще и теперь пугает меня во сне. Я повернул голову, чтобы взглянуть на Кейвора, и протянул руку вперед. Рука моя ткнулась в пустоту! Под ней зияла пропасть!

Моя грудь опиралась на что-то твердое, а подбородок оказался на краю развершейся бездны. Моя окаменевшая рука тянулась в пустоту. Вся эта плоская круглая равнина оказалась гигантской крышкой, которая теперь сдвигалась в сторону, в приготовленную для нее выемку, открывая находившуюся внизу яму.

Если бы Кейвор не поспешил ко мне на помощь, я, наверное, так и оцепенел бы на краю пропасти, пока не упал бы вниз. Но Кейвор, к счастью, не растерялся. Когда крышка начала отодвигаться, он находился немного дальше меня от края и, заметив мое опасное положение, схватил меня за ноги и оттащил прочь. Я отполз от края на четвереньках, привстал, шатаясь, и побежал вслед за Кейвором по звонкому, зыбкому металлическому листу.

Крышка быстро сдвигалась, и кусты, к которым я бежал, уносились в сторону.

Я еле успел. Скоро спина Кейвора исчезла в густой чаще, и пока я карабкался вслед за ним, чудовищная крышка со звоном задвинулась. Долго мы лежали, затаив дыхание, не смея подползти к краю бездны.

Наконец, осторожно мы решились заглянуть вниз с безопасного места.

Заросли вокруг трещали и колыхались от ветра, дувшего снизу. Сначала мы не увидели ничего, кроме гладких отвесных скал, уходивших в непроницаемый мрак, но потом разглядели внизу движущиеся во всех направлениях огоньки.

Таинственная пропасть так захватила нас, что мы позабыли даже о своем шаре. Когда глаза наши освоились с темнотой, мы разглядели крохотные призрачные фигурки, двигавшиеся между тускло светящимися точками. Мы молча смотрели вниз, не находя слов от изумления. Мы не могли понять, что делают эти копавшиеся на дне пропасти создания.

- Что это может быть? - спросил я. - Что это может быть?

- Инженерные работы. Они, очевидно, проводят ночь в этих шахтах, а днем выходят на поверхность.

- Кейвор, может быть, они... вроде людей?

- Нет, это не люди.

- Не будем рисковать.

- Мы не смеем рисковать, пока не найдем шар!

- Да!

Он со вздохом согласился и, осмотревшись, выбрал направление. Мы вновь стали пробираться сквозь чащу. Сначала мы ползли довольно быстро, но скоро энергия наша иссякла. Вскоре среди красноватых зарослей послышались шум и крики. Мы притаились; звуки долго раздавались поблизости, но мы ничего не видели. Я хотел сказать Кейвору, что вряд ли долго продержусь без пищи, но губы мои пересохли, и я не мог даже шептать.

- Кейвор, я больше не могу без еды, - сказал я.

Он обернулся и с ужасом посмотрел на меня.

- Надо потерпеть.

- Не могу, - настаивал я, - посмотрите на мои губы.

- Я тоже давно хочу пить.

- Ах, если бы остался хоть кусочек снега!

- Нет, он растаял весь. Мы перенеслись из арктического пояса в тропический со скоростью одного градуса в минуту...

Я стал сосать свою руку.

- Шар! - сказал Кейвор. - Только в нем наше спасение.

Мы возобновили поиски. Я думал лишь о еде, о пенистых прохладительных напитках, особенно хотелось мне выпить пива. Я все вспоминал о ящике пива, который остался у меня в погребе в Лимпне. Припомнилась мне и кладовая с припасами: холодное мясо, паштет из почек - нежное мясо, почки и жирная густая подливка. Я даже начал зевать от голода. Мы выбрались на равнину, покрытую коралловыми мясистыми растениями, которые с треском разламывались от прикосновения. Я поглядел на поверхность излома. Растение походило на съедобное. Мне показалось, что и пахнет оно недурно. Я отломил ветку и обнюхал.

- Кейвор! - прохрипел я.

Он взглянул на меня и поморщился.

- Нельзя, - сказал он.

Я бросил ветку, и мы продолжали пробираться через эти соблазнительные заросли.

- Кейвор, - спросил я, - почему нельзя?

- Яд! - сказал он, не оборачиваясь.

Мы поползли дальше. Наконец я не выдержал.

- Я все-таки попробую.

Он жестом хотел остановить меня, но опоздал. Я уже набил себе полный рот. Он присел, наблюдая за выражением моего лица. Его лицо исказилось гримасой.

- Недурно! - сказал я.

- Боже! - воскликнул он.

Он наблюдал, как я жую, на лице его выражалась борьба между желанием и страхом. Наконец он не выдержал и тоже набил себе рот. Несколько минут мы жадно ели. Растение походило на гриб, но ткань его была гораздо рыхлее и при проглатывании согревала горло. Сначала мы испытывали просто удовлетворение от еды, потом кровь у нас начала двигаться быстрее, и мы ощутили зуд на губах и в пальцах. Фантастические мысли ключом забили в нашем мозгу.

- Как тут хорошо, - сказал я, - адски хорошо! Какая прекрасная колония для нашего избыточного населения! Бедного избыточного населения.

И я сорвал новую порцию.

Я радовался, что на Луне есть такая прекрасная пища. Муки голода сменились теперь беспричинным весельем. Страх и подавленное настроение исчезли. Я смотрел на Луну не как на планету, с которой нужно поскорее убраться, а как на обетованный рай для человечества. Я позабыл о селенитах, о лунных коровах, о проклятой крышке над бездной и о пугавших нас звуках. Так подействовали на меня лунные грибы.

Кейвор ответил одобрительно на мое повторенное в третий раз замечание об "избыточном населении". Я почувствовал головокружение, но приписал это действию пищи после долгого голодания.

- Вы сделали великое открытие, Кейвор, - пробормотал я, - вро... вроде картофеля.

- Что? - удивился Кейвор. - Что, Луна вроде картофеля?

Я посмотрел на него, удивленный хрипотой его голоса и несвязным выговором. Я вдруг понял, что он опьянел от этих грибов. Я понял также, что он заблуждается, полагая, что открыл Луну: он только добрался до нее.

Я положил руку на его плечо и пытался разъяснить ему это обстоятельство, но мои объяснения были слишком мудреными для его мозга. Да и мне оказалось трудно высказать ясно свои мысли. После тщетной попытки понять меня (неужели мои глаза такие же рыбы, как у него?) он пустился разглагольствовать на другую тему.

- Мы, - объявил он торжественно, икая, - продукт нашей пищи и питья.

Он повторил эту фразу, а я стал с жаром оспаривать это положение.

Вероятно, я немного уклонился в сторону от предмета спора; но Кейвор все равно не слушал меня. Он кое-как поднялся, опираясь рукой на мою голову это было очень невежливо с его стороны, - и стоял, озираясь, совсем не боясь лунных обитателей.

Я пытался доказать, что стоять опасно, но сам толком не мог сообразить почему. Слово "опасно" перепуталось у меня со словом "нескромно" и в конце концов

перешло в слово "нахально". Окончательно запутавшись, я обратился с речью к посторонним, более внимательным слушателям: к коралловым растениям. Я чувствовал, что необходимо срочно выяснить различие между Луной и картофелем, и пустился в пространные рассуждения о важности точного определения в спорах. Мое самочувствие было уже не такое приятное, как сначала, но я пытался не обращать на это внимания.

Затем каким-то образом я перескочил обратно к проекту колонизации.

- Мы должны аннексировать эту Луну, - говорил я, - без всяких колебаний. Это - Бремя Белого Человека. Кейвор, мы - сатапы... То есть сатрапы. О такой империи не мечтал даже Цезарь! Будет пропечатано во всех газетах. Кейвореция. Бедфордеция. Акционерное общество Бедфорд и - ик! компания! Неограниченное количество акций!

Я совсем опьянел.

Я пустился в перечисление всех бесконечных преимуществ, которые наше прибытие может принести Луне. Стал доказывать, что прибытие Колумба было в общем благодетельно для Америки, потом запутался и продолжал бессмысленно повторять: "Подобно Колумбу!"

С этого момента мои воспоминания о действии на нас этого отвратительного гриба становятся туманными. Помню, что мы объявили о своем намерении плевать на проклятых насекомых и решили, что мужчинам не пристало прятаться здесь, на каком-то несчастном спутнике Земли: мы набрали полные пригоршни коралловых грибов - очевидно, для самозащиты - и, не обращая внимания на уколы типов, вышли на припек.

Почти тотчас же мы встретились с селенитами. Их было шестеро, они шли гуськом по каменистой долине, издавая удивительно жалобные свистящие звуки. Они сразу заметили нас, смолкли и остановились, как животные, повернув головы к нам.

На мгновение я отрезвел.

- Насекомые, - пробормотал Кейвор, - насекомые... И они воображают, что я, высокоорганизованное позвоночное животное, буду перед ними ползать на животе? На животе! - повторил он с негодованием.

Затем вдруг с криком ярости он сделал три больших шага и прыгнул к селенитам. Прыгнул он неудачно: несколько раз перекувырнулся в воздухе, пролетел над ними и с треском исчез среди кактусоподобных растений. Как отнеслись селениты к этому странному и, на мой взгляд, недостойному вторжению непрошеного гостя с другой планеты, не сумею сказать. Кажется, они повернулись и обратились в бегство, но я в этом не уверен. Все последние события перед наступившим потом беспомощно слабо отпечатались в моем мозгу. Помню, что я шагнул вперед, чтобы последовать за Кейвором, но споткнулся и упал между камнями. Мне сделалось дурно, и я потерял сознание. Смутно вспоминается мне какая-то борьба, потом металлические зажимы.

Мои последующие ясные воспоминания касаются уже нашего плена в невероятной глубине, под лунной поверхностью; мы были в темноте, среди

странных беспокоящих звуков, все избитые и исцарапанные, в синяках и кровоподтеках, с мучительной головной болью.

Глава 12

ЛИЦО СЕЛЕНИТА

Я очнулся скрюченным, в гулком мраке. Долго не мог понять, где я и как попал в это ужасное положение. Я вспомнил о чулане, куда меня иногда запирали в детстве, потом о темной и шумной спальне, где я однажды лежал больной. Но эти звуки не походили ни на какие знакомые мне шумы, в воздухе витал легкий запах конюшни. Мне показалось, что мы еще работаем над сооружением шара и что я почему-то попал в погреб Кейвора. Тут я вспомнил, что мы уже сделали наш шар, и подумал, что все еще лечу в нем в межпланетном пространстве.

- Кейвор, нельзя ли зажечь свет? - спросил я.

Ответа не последовало.

- Кейвор! - повторил я.

Вместо ответа послышались стоны.

- Голова! - прошептал он. - Голова!

Я хотел приложить руки к пылавшему лбу, но они оказались связанными.

Это меня очень удивило. Я поднес их к губам и почувствовал прикосновение холодного гладкого металла. Руки мои были скованы. Я попробовал раздвинуть ноги, но они тоже оказались скованными; кроме того, я был прикован к полу толстой цепью, обвитой вокруг моего туловища.

Меня охватил такой страх, какого я еще ни разу не испытывал во время наших походов. Некоторое время я молчал, пытаюсь ослабить свои путы.

- Кейвор, - крикнул я потом, - почему я связан? Зачем вы сковали меня по рукам и ногам?..

- Я не сковывал вас, - ответил он, - это селениты.

Селениты! Моя мысль сосредоточилась на этом слове. И тут я все вспомнил: снежная пустыня, таяние мерзлого воздуха, быстрый рост растений, наши странные прыжки и ползание среди скал и растительности кратера.

Вспомнил, как отчаянно мы искали шар... Как открылась огромная крышка над шахтой...

Я силился припомнить, что случилось потом и как мы очутились здесь, но мне мешала невыносимая головная боль. Я словно уперся в непреодолимую преграду, в безвыходный тупик.

- Кейвор!

- Что?

- Где мы?

- Не знаю.

- Мы умерли?

- Какая чушь!

- Значит, они нас одолели?

Он ничего не ответил, только сердито заворчал. Продолжавшееся еще действие яда сделало его странно раздражительным.

- Что вы намерены делать?

- Почему, я знаю?

- Ну ладно, ладно, - прошептал я и умолк.

Скоро я вышел из своего оцепенения.

- Черт побери! - крикнул я. - Прекратите это жужжание!

Мы снова погрузились в молчание, прислушиваясь к глухому гулу не то многолюдной улицы, не то фабрики. Сначала я не мог разобраться в хаосе звуков, потом начал различать новый, более резкий ритм, выделяющийся из всех остальных. Это был ряд последовательных звуков, легких ударов и шорохов, вроде шуршания ветки плюща об окно или порхания птицы в клетке.

Мы прислушивались и напрягали зрение, но темнота окутывала нас темным бархатом. Послышался звук, точно щелкнул хорошо смазанный замок. И передо мной во мраке блеснула тонкая светлая линия.

- Посмотрите! - еле слышно шепнул Кейвор.

- Что это такое?

- Не знаю.

Мы смотрели во все глаза.

Тонкая светлая линия превратилась в широкую полосу и стала бледней, потом приняла вид голубоватых лучей, падающих на белую стену. Края светлой полосы перестали быть параллельными: один из них потемнел. Я обернулся, чтобы указать на это Кейвору, и удивился, увидя его ярко освещенное ухо, все остальное поглощала темнота. Я повернул голову насколько позволяли оковы.

- Кейвор! Это позади нас!

Ухо его исчезло, уступив место глазу!

Внезапно щель, пропускавшая свет, расширилась и оказалась просветом отворяющейся двери. Снаружи виднелся сапфировый проход, а в дверях показалась странная фигура, силуэт которой уродливо вырисовывался на светлом фоне.

Мы оба сделали судорожную попытку повернуться, но не смогли и сидели, косясь через плечо. Сначала мне показалось, что перед нами стоит неуклюжее четвероногое с опущенной головой; потом я разглядел, что это была тщедушная фигурка селенита на коротких, тонких ножках, с головой, вдавленной между плечами. Он был без шлема и без верхней одежды.

Мы видели перед собой только темную фигуру, но инстинктивно наше воображение наделяло ее человеческими чертами. Я решил, что он несколько сутуловат, что лоб у него высокий, а лицо продолговатое.

Селенит сделал три шага вперед и остановился. Движения его были совершенно бесшумны. Затем он еще немного придвинулся. Ходил он, ставя ноги одну перед другой, по-птичьи. Он вышел из полосы света, проникавшего через дверь, и исчез в тени.

Я тщетно искал его глазами, потом вдруг увидел стоящим уже против нас в полосе света. Однако все человеческие черты, какие я ему приписывал, полностью отсутствовали!

Конечно, этого и следовало ожидать, но я был совершенно потрясен.

Казалось, что у него не лицо, а какая-то страшная маска, ужас, бесформенность, не поддающаяся описанию, без носа, с двумя выпуклыми глазами по бокам, - сначала я принял их за уши, которых вообще не было.

Позднее я пробовал нарисовать такую голову, но мне так и не удалось. Рот был искривлен, как у человека в припадке ярости...

Шея, на которой болталась голова, расчленилась на три сустава, напоминающие ногу краба. Суставов конечностей я не мог увидеть, так как они были обмотаны чем-то вроде лент, - вот и все его одеяние.

Таково было существо, стоявшее там и смотревшее на нас!

В то время я весь был поглощен мыслью о том, что такое нелепое животное вообще не может существовать. Полагаю, что и селенит был изумлен не меньше, чем мы, и у него было для этого, пожалуй, еще больше оснований. Но только, будь он проклят, он не показывал этого. Мы по крайней мере знали, чем мы были обязаны встрече с этим созданием. Но вообразите, как были бы, например, поражены почтенные лондонцы, натолкнувшись на пару живых существ ростом с человека, но совершенно не похожих ни на каких земных животных и разгуливающих среди овец в Гайд-парке! Наверное, так же был поражен и селенит.

Представьте себе наш вид! Скованные по рукам и ногам, измученные и грязные, обросшие бородой, с исцарапанными и окровавленными лицами. Не забудьте, что Кейвор в велосипедных брюках (продранных во многих местах шипами колючего кустарника), в егерской фуфайке и в старой шапочке для крикета, а жесткие волосы его взъерошены и торчат во все стороны. В голубом свете лицо его выглядело не красным, а очень темным: его губы и запекшаяся кровь на моих руках казались совсем черными. Я, вероятно, выглядел еще хуже, чем он, потому что был покрыт желтыми спорами грибовидных растений, в которые я прыгнул. Куртки наши были растегнуты, ботинки сняты и брошены рядом. Мы сидели спиной к уже упомянутому мною фантастическому голубоватому свету, уставившись глазами в чудовище, какое мог придумать и изобразить разве только Дюрер.

Кейвор первый прервал молчание; он начал что-то говорить, но сразу охрип и стал откашливаться. Снаружи послышалось отчаянное мычание, словно с лунной коровой происходило нечто ужасное. Мычание закончилось пронзительным визгом, и снова наступила мертвая тишина.

Селенит повернулся, скользнул снова в тень, показался на миг у входа, спиной к нам, и закрыл дверь за собой; мы опять очутились в таинственном мраке, наполненном странными звуками.

Глава 13

МИСТЕР КЕЙВОР ВЫСКАЗЫВАЕТ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

Некоторое время мы оба молчали. Связать воедино все, что с нами произошло, было выше моих умственных способностей.

- Они нас захватили, - проговорил я наконец.

- И все из-за грибов.

- А если бы я не начал их есть, мы бы упали в обморок и умерли от голода.

- Мы могли бы отыскать шар.

Я разозлился на его упрямство и выругался про себя. Несколько минут мы молча, с ненавистью глядели друг на друга. Я барабанил пальцами по полу и позвякивал цепями. Наконец я вынужден был заговорить:

- Все-таки, как вы думаете, что с нами происходит?

- Это разумные существа, они умеют создавать и действовать целенаправленно.

Огоньки, что мы с вами видели...

Он запнулся. Ясно, что и он ничего не понимал. Потом заговорил снова:

- Должен признать, что в конце концов они отнеслись к нам лучше, чем мы вправе были ожидать. Я полагаю...

К моему неудовольствию, он снова запнулся.

- Что?

- Во всяком случае, я полагаю, что на всякой планете, где есть разумные существа, они должны иметь черепную коробку, руки и держаться прямо...

Тут он перескочил на другую тему.

- Мы находимся на какой-то глубине, в несколько тысяч футов или даже больше.

- Почему вы так думаете?

- Здесь холоднее. И наши голоса звучат громче. Ощущение усталости совсем исчезло, пропал и шум в ушах и сухость в горле.

Я сначала этого не замечал, но теперь убедился, что он прав.

- Воздух сделался гуще. Мы находимся, вероятно, на большой глубине пожалуй, в целую милю - от поверхности Луны.

- А нам и в голову не приходило, что внутри Луны существует целый мир.

- Да.

- Да и как могли это предвидеть мы?

- Могли, но наш ум чересчур консервативен.

Кейвор задумался.

- А теперь это кажется таким естественным!

- Внутри Луны, очевидно, много гигантских пещер, заполненных воздухом, в центре же расположено море.

- Известно было, что Луна имеет меньший удельный вес, чем Земля, что на ней мало воздуха, и воды. Предполагали также, что эта планета родственна Земле, и было бы естественно для нее иметь то же строение. Отсюда легко было сделать вывод, что она полая внутри. Однако же никто не признавал этого факта. Кеплер, правда...

Голос Кейвора звучал теперь увереннее: он нашел логичное объяснение.

- Да, - продолжал он, - предположение Кеплера о подпочвенных пустотах в конце концов оказалось правильным.

- Хорошо было бы, если бы вы удосужились подумать об этом раньше, сказал я.

Он ничего не ответил и зажужжал, отдавшись, по-видимому, течению своих мыслей. Я раздражался все больше и больше.

- Что же все-таки, по-вашему, произошло с шаром? - спросил я.

- Потерялся, - равнодушно ответил он, как будто это его совсем не интересовало.

- Среди зарослей?

- Если только они его не нашли.

- Что тогда?

- Почему я знаю!

- Кейвор, - истерически заговорил я, - дела моей компании идут просто блестяще...

Он ничего не ответил.

- Черт возьми! - воскликнул я. - вспомните, сколько лишений мы перенесли для того, чтобы попасть в эту яму! Зачем мы здесь? И что теперь с нами будет? Что нам была Луна и что были мы для нее? Мы захотели слишком многого, слишком рискнули. Нам следовало бы начать с меньшего. Это вы предложили лететь на

Луну! Эти заслонки из кейворита! Я уверен, мы могли бы применить их и на Земле. Совершенно уверен! Вы просто не поняли, чего я хотел... Стальной цилиндр...

- Ерунда! - отрезал Кейвор.

Разговор прервался.

Но скоро Кейвор возобновил свой прерванный монолог без всякого поощрения с моей стороны.

- Если они найдут шар, - начал он, - если найдут... что они с ним сделают? Вот в чем вопрос! И, может быть, основной вопрос. Как бы то ни было, они не поймут, что это такое. Если бы они знали толк в таких вещах, то уж давно прилетели бы к нам на Землю. Полетели бы они? А почему бы и нет? Или послали бы что-нибудь к нам? Они бы не удержались, нет! Но они станут разглядывать шар. Несомненно, это разумные и любознательные существа: они начнут его рассматривать, войдут внутрь, станут дергать заслонки... И шар улетит... То есть мы останемся на Луне до конца наших дней. Странные существа, странные знания...

- Что касается странных знаний... - начал я, и язык отказал мне.

- Послушайте, Бедфорд, - сказал Кейвор, - вы ведь отправились в эту экспедицию по доброй воле.

- Вы убеждали меня и называли это исследованием.

- Всякое научное исследование сопряжено с некоторым риском.

- В особенности, когда его предпринимают, ничем не вооружившись и ничего не предусмотрев.

- Я был всецело занят мыслью о шаре. События вынудили нас...

- Вынудили "меня", хотите вы сказать?

- И меня точно так же. Разве я знал, принимаясь за исследования по молекулярной физике, что судьба забросит меня в такую даль?

- Во всем виновата проклятая наука! - разозлился я. - В ней вся дьявольщина! Средневековые проповедники и инквизиторы были правы, а современные искатели ошибаются. Вы суетесь в дела науки, и она преподносит вам подарочек, который разрывает вас на куски или уносит к черту на кулички самым неожиданным образом. Древние страсти и новейшее оружие - это переворачивает вверх тормашками ваши верования, ваши социальные идеи и ввергает вас в пучину одиночества и горя!

- Ссориться бесполезно. Эти существа, селениты - или называйте их как хотите - поймали нас и сковали по рукам и ногам. В каком бы настроении вы ни были при этом, вам придется это пережить... Нам еще предстоит серьезные испытания, и это потребует от нас максимума хладнокровия.

Кейвор остановился, как бы ожидая от меня поддержки, но я сидел насупившись.

- Черт бы побрал вашу науку! - буркнул я.

- Главная проблема сейчас - найти с ними общий язык, попытаться заговорить. Жесты их, боюсь, совсем не будут похожи на наши. Например, показывание пальцем. Ни одно существо, кроме человека и обезьяны, не показывает пальцем.

Мне это показалось совсем неверным.

- Почти каждое животное указывает глазами или носом, - возразил я.

Кейвор задумался.

- Да, - согласился он наконец, - но мы так не делаем. Тут столько различий, столько различий...

Можно было бы... Но ничего нельзя сказать заранее. У них свой язык, они издают звуки вроде писка или визга. Как мы можем этому обучиться? Да и язык ли это? Но у них могут быть совсем иные чувства, иные средства общения. Несомненно, у селенитов есть разум, и у нас должно найтись хоть что-нибудь общее. Но сможем ли мы понять друг друга?

- Это невозможно, - проговорил я. - Они отличаются от нас больше, чем самые далекие земные животные. Они совсем из другого теста. Об этом и говорить нечего.

Кейвор снова задумался.

- Я этого не нахожу. Раз у них есть разум, то, наверное, найдется что-нибудь общее с нами, хоть разум этот и развился на другой планете.

Конечно, если бы мы или они были только животными и обладали одними инстинктами...

- А разве они не животные? Они гораздо более походят на муравьев на задних лапах, чем на человеческие существа, а разве можно сговориться с муравьями?

- А машины и одежда? Нет, я не согласен с вами, Бедфорд. Разница, конечно, велика...

- Непреодолима.

- Но сходство должно найтись. Помню, я читал как-то статью покойного профессора Голтона о возможности межпланетных сообщений. К сожалению, в то время это меня непосредственно не занимало и я не отнесся к статье с должным вниманием... Да... Но я постараюсь припомнить...

- По теории Голтона, следовало начать с общеизвестных истин, которые доступны всякому разумному существу и составляют основу мышления.

Например, можно начать с общих принципов геометрии. Он предлагал взять какую-нибудь основную теорему Эвклида и показать построением, что она нам известна, доказать, например, что углы равнобедренного треугольника равны, что если начертить равные стороны, то углы будут одинаковы, или что квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов катетов. Обнаруживая знание подобных вещей, мы покажем вместе с тем, что обладаем некоторым интеллектом... Теперь предположим, что я... начертил бы геометрическую фигуру мокрым пальцем или обозначил бы ее в воздухе.

Кейвор замолчал. Я сидел, обдумывая его слова. На несколько мгновений его безумная надежда на общение, на взаимное понимание с этими непонятными существами увлекла меня. Но затем отчаяние - следствие усталости и физических недомоганий - взяло верх. Я снова с предельной ясностью увидел чудовищную глупость всех своих поступков.

- Осел! - ворчал я. - Осел, неисправимый осел! Я, кажется, только и делаю в жизни, что попадаю в самые дурацкие истории. Зачем мы вылезли из шара? И зачем стали прыгать? Уж не в надежде ли на патенты и концессии в лунных кратерах? Хоть бы мы догадались прицепить платок на шест у того места, где оставили шар!

И я замолчал, совсем раскипятившись.

- Несомненно, - рассуждал Кейвор, - это существа разумные. Некоторые вещи всегда можно предсказать заранее. Раз они не убили нас сразу, то у них, должно быть, есть понятие о милосердии. Милосердие! Или по крайней мере о сдержанности, быть может, об обмене мыслями. Они могут снова явиться к нам. А эти пещеры и часовой?! Эти кандалы?! Несомненно, они обладают развитым умом...

- Господи, как это я пустился в такое безумное предприятие, не подумав!

- воскликнул я. - Сначала одно сумасбродное путешествие, потом другое. Но я доверился вам. И отчего я бросил свою пьесу? Вот мое предназначение, моя сфера! Я бы мог закончить пьесу, я в этом уверен, и это была бы хорошая пьеса. Сценарий был у меня уже почти готов, а тут... Подумать только, полететь на Луну! Да я просто загубил свою жизнь! У той старухи в трактире в Кентербери гораздо больше здравого смысла...

Я взглянул вверх и умолк на полуслове. Мрак снова сменился голубоватым светом. Дверь открылась, и несколько селенитов бесшумно скользнули в помещение. Я замер и во все глаза смотрел на их чудовищные лица.

Вдруг настроение мое резко изменилось. Я заметил, что первый и второй селенит несут чаши. Видимо, хоть в одном, очень важном отношении мы могли понять друг друга. Это были чаши из какого-то металла, казавшиеся, как и наши кандалы, темными в этом голубоватом освещении, и в каждой лежало какое-то белое вещество. Все мое раздражение и отчаяние внезапно перевоплотилось в непереносимое чувство голода. Я волчьими глазами впился в эти чаши, и, хотя потом я часто видел все это во сне, в то время я не придавал никакого значения тому, что на конце рук, протягивавших мне одну из этих чаш, находились не целые кисти, а лишь нечто вроде лопаточки с большим пальцем, похожим на кончик слоновьего хобота.

Чаша была наполнена студенистой массой беловато-бурого цвета, напоминавшей ломти холодного желе или суфле, и от него исходил легкий запах все тех же злополучных грибов. Очевидно, это было мясо лунных коров, если судить по туше, которую мы после этого видели.

Мои руки были так крепко скованы, что я едва мог дотянуться до чаши; селениты заметили мои усилия, и двое из них ловко ослабили мои наручники.

Их щупальца-руки, касавшиеся меня, были мягки и холодны. Я схватил еду и сразу же набил полный рот. Пища была такая же студенистая, как все органические вещества на Луне, и напоминала по вкусу вафлю или пирожное...

Я схватил еще две пригоршни.

- Ох, как я голоден, - бормотал я, снова набивая рот.

Некоторое время мы ели, поглощенные одним только процессом еды. Мы утоляли голод, потом пили что-то, как нищие бродяги на кухне у богача.

Никогда в жизни - ни раньше, ни после - я не был так голоден, и, кроме того, я убедился в том, чему никогда бы прежде не поверил: за четверть миллиона миль от нашего земного шара в совершенном смятении чувств, находясь под стражей, чувствуя прикосновения невероятных уродливых существ, каких не увидишь даже в страшном сне, я ел с чудовищным аппетитом, забыв обо всем на свете. Селениты стояли вокруг, наблюдая за нами, и временами издавали легкое чириканье, очевидно, заменявшее им речь.

Я даже не вздрагивал при их прикосновении. Когда я несколько утолил голод и взглянул на Кейвора, то убедился, что он ест с таким же аппетитом и беззастенчивостью.

Глава 14

ПОПЫТКА ОБЪЯСНИТЬСЯ

Когда мы наконец кончили есть, селениты снова крепко сковали нам руки, но ослабили цепи на ногах и закрепили их так, чтобы дать нам возможность двигаться. Затем они сняли цепи, которыми мы были прикованы. Для всего этого им приходилось то и дело касаться нас, иногда они наклонялись близко к моему лицу, и мягкие щупальца дотрагивались до моей головы или шеи.

Однако в те минуты я не пугался и не чувствовал отвращения от такой близости. Вероятно, наш неизлечимый антропоморфизм заставлял нас и тут представлять себе человеческие лица под этими масками. Кожа их, как и все остальное, казалась голубоватой, но это, видимо, от освещения; она была жесткая и блестящая, как надкрылья у жуков, отнюдь не мягкая, влажная и волосистая, как у позвоночных животных. Вдоль головы от затылка до лба тянулся ряд белесых игл или типов; такие же иглы торчали по обеим сторонам над глазами. Развязывавший меня селенит пускал в ход и челюсти, помогая рукам.

- Они, по-видимому, освобождают нас, - сказал Кейвор. - Помните, что вы находитесь на Луне: не делайте резких движений.

- А вы не пустите в ход свою геометрию?

- Попробую, если представится случай. Впрочем, они могут и сами начать.

Мы не двигались. Селениты, кончив возиться с цепями, отступили назад и, казалось, наблюдали за нами. Я сказал "казалось" потому, что глаза у них были сбоку, а не спереди, и направление их взгляда было так нелегко определить, как, например, у курицы или у рыбы. Они разговаривали друг с другом звуками, похожими на шелест тростника, - звук этот невозможно ни воспроизвести, ни точно определить. Дверь позади нас раскрылась шире, и, оглянувшись через плечо, я увидел широкое пустое пространство, где стояла кучка селенитов. Странное это было зрелище!

- Может быть, они хотят, чтобы мы подражали этим звукам? - спросил я Кейвора.

- Не думаю, - возразил он.

- Мне кажется, они пытаются нам что-то растолковать.

- Я не могу понять ни одного из их жестов. Вы заметили, как один из них все время вертит головой, точно человек в узком воротничке?

- Давайте и мы покачаем ему головой.

Мы так и сделали, но это не оказало никакого действия; тогда мы попытались подражать другим движениям селенитов. Это как будто их заинтересовало - во всяком случае, они все принялись повторять одни и те же движения. Но это ни к чему не привело, и мы прекратили свои эксперименты, они - тоже и начали опять пересвистываться друг с другом.

Затем один из них, поменьше и потолще остальных, с особенно большим ртом, неожиданно лег около Кейвора, сложил свои конечности так, словно они были скованы, и затем быстро встал.

- Кейвор, - догадался я, - они хотят, чтоб мы встали.

Кейвор уставился на меня, раскрыв от удивления рот.

- Так оно и есть! - сказал он.

С большими усилиями и кряхтеньем, так как руки у нас были скованы, мы попытались встать. Селениты очистили место для наших неуклюжих движений и защебетали еще быстрее. Как только мы поднялись на ноги, тучный селенит подошел к нам, похлопал обоих щупальцами по лицу и двинулся вперед к раскрытой двери. Это было понятно, и мы последовали за ним. Мы заметили, что

четверо селенитов, стоявших в дверях, были выше остальных ростом и одеты совершенно так же, как те, которых мы видели в кратере: в игольчатые шлемы и цилиндрические латы. Каждый из них держал копьё с острием и древком из того же темного металла, что и чаши. Они окружили нас, как стража, и мы вышли из темного склепа в освещенную пещеру.

Мы не сразу разглядели пещеру: все наше внимание было поглощено движениями и поведением селенитов, окружавших нас, и необходимостью контролировать наши собственные движения, чтобы не испугнуть и не встревожить их излишней стремительностью. Впереди шел маленький, толстый селенит, который объяснил нам, что надо встать. Он жестами как бы приглашал нас следовать за ним. Его лопатообразное лицо то и дело поворачивалось то к одному из нас, то к другому с явно вопросительным видом. Некоторое время, я повторяю, мы интересовались только поведением селенитов.

Наконец мы опомнились и огляделись вокруг. Мы находились на обширной площади и тут поняли, что тот гул, который мы все время слышали с тех пор, как пришли в себя после отравления грибами, исходит от множества работающих машин. Их взлетающие и вертящиеся части неясно виднелись над головами и между туловищами окружавших нас селенитов. Эти машины не только наполняли воздух волнами звуков, но от них исходил и странный голубой свет, озарявший всю площадь. Нас ничуть не удивило, что подземная пещера освещается искусственным светом. Только потом, когда мы опять вступили в темноту, понял я всю важность этого света. Назначение и устройство гигантского аппарата я не смогу объяснить, ибо нам так и не довелось узнать, для чего он предназначался и как действовал. Огромные металлические цилиндры вылетали один за другим из центра, и их головки описывали, как мне показалось, параболу. Каждый из них, поднявшись до высшей точки взлета, выбрасывал нечто вроде рычага, который погружался в вертикальный цилиндр, заставляя его опуститься вниз. Вокруг машины копошились фигурки селенитов-рабочих, и нам показалось, что они чем-то отличаются от наших спутников. Когда каждый из трех рычагов опускался, раздавался звон, рев, и из головки вертикального цилиндра вытекало какое-то светящееся вещество, которое озаряло всю площадь, переливаясь через край цилиндра, как кипящее молоко из кастрюли, и струилось сверкающим потоком в светящийся резервуар внизу. Холодный голубой свет походил на фосфорический, но блестел гораздо ярче. Из резервуара он растекался по трубам.

"Тук, тук, тук, тук", - отстукивали поршни этого непонятного аппарата, и светящееся вещество шипело и переливалось. Сначала аппарат не поразил меня своими размерами, но потом я заметил, как малы были рядом с ним селениты, и понял, как колоссальны пещера и машина. Я невольно посмотрел на селенитов с уважением, и мы с Кейвором остановились, чтобы рассмотреть удивительный механизм.

- Поразительно! - воскликнул я. - Что это такое?

Озаренное голубоватым светом лицо Кейвора выражало глубокое почтение.

- Нет, это не сон! Неужели эти существа... Люди не могли бы создать ничего подобного! Взгляните на эти рычаги! Есть ли у них шатуны?

Толстый селенит прошел было вперед, затем вернулся и встал между нами и громадной машиной. Я старался на него не смотреть, ибо понял, что он будет

торопить нас идти дальше. Он снова двинулся вперед, потом снова вернулся и похлопал нас щупальцами по лицу, чтобы привлечь наше внимание.

Мы с Кейвором молча переглянулись.

- Нельзя ли как-нибудь показать ему, что нас заинтересовала машина?
проговорил я.

- Что ж, - ответил Кейвор, - попробуем.

Он обернулся к нашему проводнику и улыбнулся, показывая на машину, потом на свою голову и опять на машину. Неизвестно почему, он решил, что ломаный английский язык может дополнить его жесты.

- Мой глядеть на него, - заговорил Кейвор. - Мой думает его очень хорошо, да.

Его поведение на минуту остановило селенитов, жаждущих идти дальше. Они повернулись друг к другу, задвигали своими нелепыми головами и зачирикали.

Затем один из них, сухой и длинный, одетый во что-то вроде мантии в придачу к обмоткам, как у всех остальных, обвинил талию Кейвора рукой, точно слоновым хоботом, и осторожно потянул его вслед за проводником, который снова двинулся вперед.

Но Кейвор воспротивился.

- Мне кажется, пора попробовать с ними объясниться. Они, быть может, воображают, что мы какая-нибудь новая порода животных, чего доброго, новый сорт лунных коров. Очень важно показать им, что мы разумные существа и интересуемся окружающим.

Кейвор отчаянно замотал головой.

- Нет, нет, - говорил он, - мой не пойдет одна минуту. Мой смотрит на него.

- Нет ли какой-нибудь геометрической теоремы, которую вы могли бы привести по этому поводу? - спросил я Кейвора, когда селениты снова зачирикали.

- Может быть, парабола... - начал он, но вдруг пронзительно вскрикнул и отпрыгнул футов на шесть: один из стражей кольнул его копьем.

Я с угрожающим жестом обернулся к копьеносцу, стоявшему позади меня, и он отступил. Это вместе с неожиданным криком и прыжком Кейвора явно смутило селенитов. Они поспешно отпрянули, разглядывая нас. В течение нескольких мгновений, которые показались нам вечностью, мы стояли, готовые кинуться в бой на окружавших нас нечеловеческих существ.

- Он уколол меня! - воскликнул Кейвор прерывающимся от волнения голосом.

- Я видел, - отозвался я.

- Черт возьми! - обратился я к селенитам. - Этого мы не потерпим! За кого вы нас принимаете?

Я быстро огляделся по сторонам. Издалека в голубом сумраке пещеры к нам бежала еще группа селенитов. Они были шире и стройней, один с большой головой. Пещера простиралась далеко во все стороны и сливалась с темнотой.

Я вспоминаю, что своды как бы прогибались под тяжестью каменных глыб, державших нас взаперти. Никакого выхода из этого подземелья не было, никакого! Вокруг неизвестность, безобразные существа с копьями и щупальцами и два беззащитных человека!

Глава 15

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНЫЙ МОСТ

Это враждебное молчание длилось не более мгновения - и мы и селениты тотчас одумались. Я ясно понял, что бежать нам некуда: нас окружают и убьют. Невероятное легкомыслие нашего появления здесь предстало передо мной в виде огромного мрачного упрека. Зачем пустился я в это безумное нечеловеческое предприятие? Кейвор подошел ко мне и положил руку мне на плечо. Его бледное, перепуганное лицо казалось мертвенным в голубом свете.

- Ничего не поделаешь, - проговорил он. - Мы ошиблись. Они нас не понимают. Придется идти. Идти туда, куда нас ведут.

Я взглянул на него и затем на новых селенитов, подходящих на помощь к своим.

- Если бы у меня руки были свободны...

- Это бесполезно, - вздохнул он.

- Неправда.

- Пойдемте же.

Он повернулся и пошел за толстым селенитом.

Я последовал за ним, стараясь казаться покорным и ощупывая кандалы на руках. Кровь во мне кипела. Я больше ничего не видел в этой пещере, хотя мы долго шли по ней, а если что и видел, то тут же забывал об этом. Мое внимание было сосредоточено на цепях и на селенитах, в особенности на копыеносцах. Сначала они шли параллельно с нами и на почтительном расстоянии, но потом к ним присоединилось еще трое стражей, и они подступили ближе, на расстояние руки от нас. Когда они к нам подступали, я вздрагивал, как лошадь от удара кнута. Маленький, толстый селенит шагал справа от меня, но потом снова пошел вперед.

Как отчетливо запечатлелась у меня в мозгу картина этого шествия: затылок понурой головы Кейвора прямо передо мной, его ссутулившиеся, усталые плечи, безобразная, ежеминутно дергающаяся голова проводника, копыеносцы со всех сторон настороже, с разинутыми ртами, и все это в голубом свете. Припоминаю еще одну подробность, помимо чисто личных ощущений, - желоб на дне пещеры, сбоку скалистой дороги, по которой мы шли; желоб этот был наполнен тем же светящимся голубым веществом, которое вытекало из огромной машины. Я шел близко и могу с полной уверенностью заявить, что от него не исходило ни малейшего тепла. Вещество это только ярко светилось, но не было ни теплее, ни холоднее всего окружающего нас в этой пещере.

Кланг, кланг, кланг... Мы прошли прямо под стучавшими рычагами другой огромной машины и наконец очутились в широком тоннеле, где гулко отдавалось шлепанье наших необутых ног. Там было совсем темно, только справа светилась тонкая голубая полоска. Гигантские уродливые тени двигались за нами по неровной стене и сводам тоннеля. Местами в стенах сверкали кристаллы, похожие на драгоценные камни, а сам тоннель то превращался в сталактитовую пещеру, то разветвлялся в узкие ходы, пропадавшие во мраке.

Мы долго шли по этому тоннелю. Тихо журчала светлая голубая струя, и наши шаги отдавались эхом, похожим на плеск. Я неотступно думал о своих цепях. А что, если повернуть цепь вот так, а потом так и попытаться ее сбросить?..

Если я попытаюсь сделать это очень осторожно и постепенно, заметят ли они, что я высвобождаю руку? И если заметят, то что сделают со мной?

- Бедфорд, - сказал Кейвор, - мы спускаемся. Все время спускаемся.

Его замечание отвлекло меня от настойчивой мысли.

- Если бы они хотели убить нас, - продолжал Кейвор, замедляя шаг, чтобы поравняться со мной, - то они давно могли бы это сделать.

- Да, - согласился я, - это верно.

- Они нас не понимают, - проговорил Кейвор. - Они принимают нас за каких-то странных животных, может быть, за дикую породу лунных коров. Но когда они присмотрятся к нам, то признают нас за разумных существ.

- Когда вы начертите им геометрические теоремы? - спросил я.

- Возможно.

Некоторое время мы шли молча.

- Знаете, - начал опять Кейвор, - это, наверно, селениты низшего класса.

- Ужасные болваны! - проговорил я, со злобой посматривая на нелепые лица.

- Если мы будем все терпеть...

- Придется терпеть, - возразил я.

- Здесь могут быть другие, не такие болваны, как эти. Это только внешняя окраина их мира. Наверно, он спускается все ниже и ниже, через пещеры, проходы, тоннели, вглубь на сотни миль, до самого моря.

Его слова заставили меня задуматься о толще пластов, которые уже сейчас нависли над нашими головами. Как будто огромная тяжесть придавила мне плечи.

- Вдали от солнца и воздуха, - сказал я. - В шахтах даже на глубине полумили становится душно.

- Во всяком случае, здесь это не так. Возможно, вентиляция! Воздух устремляется от темной стороны Луны к солнечному свету; углекислота выходит наружу и питает лунные растения. Вверх по этому тоннелю, например, чувствуется почти ветерок. Станный мир! Эти пещеры, машины...

- И это копьё! - добавил я. - Не забывайте про копьё!

Он некоторое время молча шел впереди.

- Даже и это копьё, - отозвался он наконец.

- Что копьё?

- В первую минуту я разозлился, но... Возможно, это было необходимо. У них, вероятно, другая кожа и другие нервы. Они могут не понимать нашей чувствительности... Какому-нибудь жителю Марса может так же не понравиться наша земная привычка подталкивать друг друга локтем.

- Ну уж, со мной им придется быть поосторожней.

- И потом насчет геометрии. Они по-своему тоже стараются понять нас, но начинают с основных жизненных элементов, а не с мыслей. Пища, Принуждение, Боль - они начинают с самого существенного.

- В этом-то нет никакого сомнения, - проговорил я.

Кейвор принялся рассуждать о громадном и чудесном мире, в который нас ведут. По его тону я постепенно понял, что даже теперь его не очень пугал этот спуск в глубь лунной коры. Я думал о всяких страшных вещах, а он - о машинах и изобретениях гораздо больше, чем об опасностях. И он вовсе не предполагал как-то использовать их практически, он просто хотел все о них знать.

- В конце концов, - говорил он, - нам представляется необыкновенный случай. Эта встреча двух миров! Подумайте, что мы еще увидим? Что там под нами?

- Ну, много мы не увидим в такой темноте, - возразил я.

Это ведь только внешняя оболочка. Там, внизу, в глубине... Там будет все. Вы заметили, как отличаются селениты друг от друга? Нам будет о чем рассказать потом на Земле!

- Так утешаться могла бы только какая-нибудь редкая порода животных, возразил я, - пока ее ведут в зоологический сад... Еще неизвестно, покажут ли нам все это.

- Когда они убедятся, что мы разумные существа, то захотят расспросить нас о Земле, - ответил Кейвор. - Даже если у них и нет высоких побуждений, они все же начнут нас учить, чтобы потом самим научиться... А сколько интересного они должны знать! Сколько неожиданного!

Кейвор продолжал рассуждать о том, что они, наверно, знают такое, чего он в жизни не узнал бы на Земле, и фантазировал всюду, несмотря на рану, нанесенную ему копьем. Много из того, что он говорил, я уже забыл, так как все мое внимание было поглощено тоннелем, по которому мы двигались, а он становился все тире и тире. Воздух стал свежей, мы как будто выходили на открытое место, но как велико оно было, мы не могли сказать, ибо здесь было совсем темно. Узкий ручеек света извивался прерывистой нитью, исчезая далеко впереди. Вскоре каменные стены по бокам совсем исчезли. В темноте перед нами виднелась только дорога и журчащая полоска фосфорического света. Фигуры Кейвора и идущего впереди селенита двигались впереди меня.

Ноги их и головы со стороны ручейка светились голубоватым отблеском, другая же половина сливалась с темнотой тоннеля.

Вскоре я заметил, что мы подходим к уклону, так как голубой ручеек внезапно пропал из виду.

И в ту же минуту мы подошли к краю обрыва. Сверкающий ручеек, точно в нерешительности, свернул в сторону и потом ринулся вниз. Он падал на такую глубину, что звук его падения до нас не доносился. Только глубоко внизу светилось голубоватое туманное пятно. Тьма, из которой вытекал ручеек, стала еще гуще и непроглядней, только на краю обрыва торчало что-то вроде доски, конец которой исчезал во мраке. Из пропасти тянуло теплым воздухом.

Секунду мы с Кейвором стояли на самом краю обрыва, глядя в голубоватую бездну. Но потом проводник потянул меня за руку.

После этого он повернулся, подошел к доске и ступил на нее, оглядываясь на нас. Заметив, что мы наблюдаем за ним, он повернулся к нам спиной и пошел по доске так же уверенно, как по тоннелю. Скоро он обратился в голубое пятно и исчез во мраке. Я заметил что-то большое, чернеющее в темноте.

Мы молчали.

- Несомненно!.. - пробормотал Кейвор.

Еще один из селенитов прошел по доске вперед и обернулся к нам, как бы выжидая. Остальные приготовились последовать за нами. Снова показался первый селенит: очевидно, он вернулся узнать, почему мы не двигаемся.

- Что там такое? - спросил я.

- Я не вижу.

- Мы тут не пройдем, - сказал я.

- Я не смогу пройти и трех шагов, - подтвердил Кейвор. - Даже если бы мои руки были свободны...

Мы в ужасе переглянулись.

- Они не знают, что такое головокружение, - продолжал Кейвор.

- Мы не можем пройти по такой доске.

- Очевидно, у них другое зрение. Я наблюдал за ними. Они, верно, не понимают, что мы ничего не видим в такой темноте. Как нам растолковать им это?

- Необходимо дать им понять...

Мы разговаривали в смутной надежде, что селениты как-нибудь нас поймут.

Я был совершенно уверен, что нужно только объяснить им это, но, взглянув на них, я убедился, что это невозможно. У нас с ними было больше отличий, чем сходств. Во всяком случае, я по доске не пойду. Я очень быстро высвободил кисть руки из одного, более свободного звена цепи и начал вращать обе кисти в противоположные стороны. Я стоял возле самой доски, и двое селенитов тотчас схватили меня и осторожно потащили на доску. Я отчаянно замотал головой.

- Нет, нет, - заговорил я. - Нельзя. Вы не понимаете.

Третий селенит тоже стал меня подталкивать. Мне пришлось сделать шаг вперед.

- У меня есть идея, - сказал Кейвор, но я уже знал его идеи.

- Послушайте, - закричал я селенитам. - Подождите! Может быть, для вас это пустяки...

Я резко отскочил назад и разразился проклятиями. Один из вооруженных селенитов ткнул меня сзади копьем.

Наконец я высвободил руки из щупальцев селенитов и повернулся к копыеносцу.

- Черт тебя побери! - закричал я. - Я предупреждал тебя! Из чего я, по-твоему, сделан, что ты втыкаешь в меня копьё? Если ты еще раз меня тронешь...

Вместо ответа селенит снова кольнул меня.

Я услышал голос Кейвора, тревожный и умоляющий. Он и тут хотел идти на компромисс с этими тварями.

- Бедфорд! - крикнул он. - Я придумал способ!

Но вторичный укол копьем заставил меня окончательно потерять голову.

Цепь на моей руке распалась, вместе с ней распалось и благоразумие, заставлявшее меня быть покорным в лапах этих лунных тварей. В эту секунду я был вне себя и не думал о последствиях. Цепь обмоталась вокруг моего кулака, и этим кулаком я ударил селенита по лицу...

Последствия моего удара оказались такими же неожиданными, как и все в лунном мире.

Мой броненосный кулак прошел прямо сквозь тело селенита, и он лопнул, как мыльный пузырь. Он раскололся, рассыпался, как гриб-дождевик! Его легкое тело отлетело в сторону на несколько ярдов и, мягко шлепнувшись, упало. Я был ошеломлен. Казалось невероятным, что живое существо может быть таким непрочным. Все это походило на сон.

Но вскоре все снова стало реальным и страшным. Кейвор и остальные селениты стояли неподвижно с того момента, как я повернулся, и до того, как мертвый селенит свалился. Они отступили и стояли насторожившись позади нас. Оцепенение длилось не больше секунды, после того как упал селенит.

Все растерялись. Я тоже замер с вытянутой рукой, стараясь понять, что случилось. "Что же дальше? - пронеслось в моем мозгу. - Что же дальше?"

Потом все сразу пришло в движение.

Я сообразил, что нам надо освободиться от цепей, но сначала необходимо разогнать селенитов. Я поглядел на троих копыеносцев. Неожиданно один из них

метнул в меня копьё. Оно просвистело у меня над головой и полетело в пропасть позади.

Я набросился на селенита с такой же стремительностью, как копьё, пролетевшее надо мной. Он бросился бежать, но я сшиб его, споткнулся о его распростёртое тело и упал. Он точно извивался у меня под ногами.

Потом я привстал и в голубоватом свете увидел спины селенитов; они разбежались в разные стороны и исчезали во тьме. Я разогнул цепь на ногах и встал, держа ее в руке. Второе копьё, как дротик, просвистело мимо, и я бросился в темноту, откуда оно вылетело.

Затем вернулся к Кейвору; он все еще стоял около светящегося ручейка у пропасти и возился со своими цепями, судорожно пытаясь освободить руки. Он что-то пробормотал о новом способе общения.

- Пошли! - крикнул я.

- Но мои руки... - ответил он.

Я не решался подойти к нему, боясь не рассчитать шагов и свалиться в пропасть. Кейвор понял, волоча ноги, подошел ко мне и протянул руки. Не теряя времени, я стал размыкать его цепь.

- Где они? - прошептал он, задыхаясь.

- Убежали. Но они вернуться. Это мстительные существа! Куда нам бежать?

- Туда, к свету, в тоннель...

- Хорошо, - согласился я, снимая цепи с его рук.

Я встал на колени и начал освобождать от цепей его ноги. Что-то с плеском упало в ручеек, обдавая нас брызгами. Вдалеке, справа от нас, послышался какой-то свист и писк.

Я сорвал цепь с ног Кейвора и сунул ее ему в руку.

- Бейте вот этим! - проговорил я и, не дожидаясь ответа, большими прыжками побежал обратно по той тропинке, по которой мы шли сюда. У меня было отвратительное чувство, что они бросятся на меня из темноты. Позади с шумом прыгал Кейвор.

Мы бежали семимильными шагами, но наш бег, конечно, не походил на бег по Земле. На Земле после прыжка почти тотчас же снова касаешься почвы; на Луне же благодаря слабому притяжению несколько секунд несешься по воздуху, прежде чем опуститься вниз. Получалась как бы передышка, в течение которой можно было сосчитать до семи или восьми. И это в то время, когда мы летели стрелой. Шаг - и я взлетаю на воздух! В моем мозгу проносятся вопросы:

"Где селениты? Что они собираются делать? Доберемся ли мы до тоннеля?"

Далеко ли позади Кейвор? Уж не отрезали ли они его от меня?" Новый прыжок - и новая передышка.

Вдруг я увидел селенита, бежавшего передо мной. Его ноги передвигались совершенно так же, как у человека, ходящего по Земле. Я увидел, как он оглянулся и с пронзительным криком бросился от меня в сторону, в темноту.

Мне показалось, что это был наш проводник, однако я не уверен в этом. Еще один прыжок, и появились каменные стены, а через два прыжка я уже находился в тоннеле и стал передвигаться медленней из-за низких сводов. На повороте я остановился и оглянулся. Шлеп, шлеп, шлеп - вдали показался Кейвор, при каждом прыжке разбрасывающий брызги голубоватого света; вот он все ближе и ближе и,

наконец, налетел на меня. Так мы и стояли, ухватившись один за другого. Пусть ненадолго, но удалось избавиться от наших тюремщиков.

Мы оба запыхались и говорили отрывисто, короткими фразами.

- Это вы все испортили! - прохрипел Кейвор.

- Ерунда. Все равно нам грозила смерть.

- Что же делать?

- Спрятаться.

- Но как?

- В темноте.

- Где?

- В одной из боковых пещер.

- А потом?

- Там будет видно.

- Хорошо, идемте.

Мы двинулись в путь и вскоре добрались до темной пещеры. Кейвор шел впереди. Он остановился в нерешительности, потом выбрал какую-то темную пасть, обещавшую надежное убежище. Он уже вошел туда, но потом обернулся.

- Совсем темно.

- Ваши ноги будут освещать дорогу. Вы забрызганы светящейся жидкостью.

- Но...

Со стороны главного тоннеля послышался отдаленный гул, похожий на удары гонга. Очевидно, начиналась шумная погоня. Не раздумывая долее, мы кинулись в темную боковую пещеру. Дорогу нам освещал фосфорический блеск ног Кейвора.

- Хорошо, что они сняли с нас ботинки, - пропыхтел я. - Иначе эхо от топота загремело бы на всю пещеру.

Мы неслись мелкими прыжками, стараясь не ударяться о своды. И как будто нам удалось уйти. Звуки гонга делались все глуше, реже и наконец совсем замолкли.

Я остановился, оглянулся и услышал шаги Кейвора. Вскоре он уже стоял рядом.

- Бедфорд, - прошептал он, - впереди какой-то свет.

Я взглянул, но сначала ничего не заметил. Затем различил голову и плечи Кейвора, темным пятном выступавшие на более светлом фоне. Этот сумрак не походил на уже знакомый нам голубоватый блеск: его бледный серовато-белый оттенок напомнил дневной свет. Кейвор, видно, тоже заметил это, и у нас обоих появилась зыбкая надежда.

- Бедфорд, - шепнул он, и голос его дрогнул, - этот свет... возможно...

Он не решался высказать свою тайную надежду. Мы молчали. Потом по звуку его шагов я понял, что он пошел вперед, навстречу этому бледному свету. Я последовал за ним с бьющимся сердцем.

Глава 16

РАЗЛИЧНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Свет все усиливался. Скоро он стал почти так же ярок, как фосфоресценция на ногах Кейвора. Тоннель расширился в пещеру, и этот новый свет брезжил на дальнем ее конце. Я заметил еще кое-что, и сердце мое запрыгало от радости.

- Кейвор, - сказал я, - этот свет падает сверху. Наверняка сверху!

Кейвор ничего не ответил, но ускорил шаги.

Несомненно, это был сероватый, серебристый свет.

Еще миг - и мы в его лучах. Он сочился сквозь щель в стене пещеры, и когда я взглянул вверх, то - хлоп! - на лицо мне упала капля воды. Я вздрогнул и отступил в сторону; хлоп - другая капля упала на камень.

- Кейвор, - сказал я, - если один из нас приподнимет другого, то можно будет достать трещину рукой.

- Я подниму вас, - согласился Кейвор и легко подхватил меня, как ребенка.

Я сунул руку в щель и сразу нащупал выступ, за который можно было держаться. Отсюда белый свет казался еще ярче. Я подтянулся вверх почти без всякого усилия, держась двумя пальцами, - хотя на Земле весил более восьмидесяти килограммов, - затем ухватился за другой выступ, повыше, и встал ногами на узкий карниз. Потом ощупал скалу. Расщелина расширялась кверху.

- Тут можно вскарабкаться, - сказал я Кейвору, - вы сможете допрыгнуть до моей руки, если я протяну ее вниз?

Я встал в расщелине, опираясь ногой и коленом о выступ, и протянул руку. Кейвора я не мог видеть, но слышал шорох от его движений, когда он нагнулся для прыжка. Раз - и он повис у меня на руке, легкий, как котенок.

Я подтянул его кверху, пока он не ухватился рукой за выступ и не выпустил мою руку.

- Черт возьми! - воскликнул я. - Здесь, на Луне, поневоле научишься ползать по скалам.

И стал карабкаться дальше. Через несколько минут я снова взглянул вверх. Расщелина расширялась, и свет становился все ярче. Только...

Это был вовсе не дневной свет!

Скоро я разглядел, что это такое, и с горя готов был разбить себе голову о камни, ибо передо мной открылся склон, поросший целым лесом небольших булавовидных грибов, светившихся мягким серебристым светом. С минуту я смотрел на нежное сияние, затем прыгнул в самую середину грибной рощи. Я сорвал с полдюжины грибов и с досадой расшиб их о камни; потом сел и горько рассмеялся прямо в румяное лицо появившегося Кейвора.

- Опять фосфоресценция, - крикнул я ему, - не стоит торопиться!

Присаживайтесь и будьте как дома.

Он пробормотал что-то по поводу постигшей нас неудачи, а я все продолжал сшибать грибные макушки и сбрасывать их в расщелину.

- Я думал, что это дневной свет, - проговорил Кейвор.

- Дневной свет! - воскликнул я. - Утренняя заря, закат Солнца, облака, хмурое небо. Увидим ли мы все это когда-нибудь?

Говоря это, я вдруг представил себе наш земной мир, да так отчетливо и ярко, словно задний план какой-нибудь старой итальянской картины.

- Изменчивые небеса, изменчивое море, зеленые холмы и рощи, солнечные города и деревни! Помните, Кейвор, как блестят мокрые крыши при закате.

Вспомните, как пламенеют от Солнца окна!

Он не отвечал.

- А мы тут пресмыкаемся в этом диком мире. Что это за мир, с чернильным морем, запрятанным в мрачной бездне, а на поверхности - то дневной зной, то

мертвящая тишина ночи! И эти существа, которые гонятся за нами, покрытые чешуей люди-насекомые - порождение кошмара! Впрочем, они правы!

Зачем мы явились сюда давить их и разрушать их мир? Теперь, видно, уже вся планета знает о нашем прибытии, и все пустились в погоню. Каждую минуту мы можем услышать их писк или гонг. Что нам делать? Куда скрыться? Я чувствую себя так уютно, как на пороховой бочке.

- Это вы виноваты, - сказал Кейвор.

- Как так? - удивился я.

- Я уже составил план.

- Провались они, ваши планы.

- Если бы вы не сопротивлялись...

- Под их копьями?

- Ну да. Они бы нас перетащили.

- Через мост?

- Да. Перенесли же они нас в глубь планеты.

- Пусть бы лучше муха волокла меня по потолку.

- Господи! Что вы говорите!

Я снова занялся истреблением грибов. И вдруг сделал открытие, которое поразило меня.

- Кейвор, цепи-то наши из золота!

Кейвор сидел, задумавшись, обхватив голову руками. Он медленно повернулся и равнодушно поглядел на меня. Потом, когда я повторил свои слова, так же равнодушно посмотрел на цепь, обмотанную вокруг его правой руки.

- Да, - сказал он, - действительно золото.

Но это мало интересовало его, и, отвлекшись на минуту, он снова погрузился в свои размышления. А я тоже молчал, пораженный, что только теперь заметил это, но потом понял, что при голубоватом свете металл казался совсем бесцветным. Неожиданное открытие дало новое направление моим мыслям, которые унесли меня далеко. Я забыл, что еще недавно упрекал Кейвора за наш полет на Луну. Золото...

Кейвор первый прервал молчание.

- Мне кажется, - сказал он, - у нас есть два выхода.

- Какие?

- Либо попытаться проложить себе дорогу на поверхность, пробиться силой, если понадобится, и продолжать поиски тара до тех пор, пока мы не найдем его, или пока холод нескончаемой ночи не прекратит наше существование, либо...

Он остановился.

- Продолжайте, - подстрекнул я его, хотя знал, что он скажет.

- Или попытаться еще раз установить добрые отношения и взаимопонимание с обитателями Луны.

- Что касается меня, то я предпочитаю первый выход.

- Я не уверен в этом.

- А я уверен.

- Видите ли, - пояснил Кейвор, - по-моему, вообще нельзя судить о селенитах по тем экземплярам, которых нам пришлось увидеть. Центральная часть их мира, цивилизованная часть, находится внизу, в глубинах около моря. Та часть Луны, где мы находимся, - только окраина, район пастбищ.

Таково мое мнение. И селениты, которых мы видели, выполняют роль пастухов и машинистов. Они пользуются копьями, очевидно, для погони скота.

Недостаток сообразительности - они думали, что мы можем делать то же, что и они, - несомненная грубость, - все это подтверждает мои предположения.

Но если бы мы потерпели...

- Ни один из нас не может вынести перехода по шестидюймовой доске через бездонную пропасть.

- Верно, - согласился Кейвор, - но...

- Я не согласен, - отрезал я.

- Предположим, - продолжал убеждать меня Кейвор, - что нам удастся забраться в какой-нибудь уголок, где мы в состоянии будем защищаться. Если мы продержимся с неделю или около того, то, наверное, весть о нашем появлении дойдет в более населенную часть Луны, до более образованных селенитов.

- Если таковые есть.

- Несомненно. Иначе откуда взялись бы эти огромные машины?

- Возможно, но нам от этого будет только хуже.

- Мы могли бы начертить надписи на стенах.

- А почему вы думаете, что их глаза способны увидеть эти надписи?

- Тогда мы высечем на стенах буквы.

- Это, конечно, возможно.

Мысли мои направились в другую сторону.

- Во всяком случае, - сказал я, - вы же не думаете, что селениты умней людей?

- Они знают гораздо больше нас или по крайней мере множество неизвестных нам вещей.

- Да, но... - Я на минуту запнулся. - Думаю, вы согласитесь со мной, Кейвор, что вы человек исключительный.

- Как так?

- Вы человек одинокий, то есть были таким... Вы не женаты?

- Никогда и не собирался. Но почему...

- Вы никогда не мечтали разбогатеть?

- Нет, никогда.

- Вы стремились только к знанию?

- Так что же? Вполне понятная любознательность...

- Это вы так думаете. В том-то и дело. Вы считаете, что все люди жаждут только знаний. Помню, когда я спросил, к чему вам все эти исследования, вы отвечали, что хотели бы стать академиком, хотели бы приготовить вещество, называемое "кейворитом", и тому подобное. Вы отлично знаете, что работали вовсе не ради этого. Но мой вопрос захватил вас врасплох, и вы чувствовали, что надо указать какую-нибудь достаточно основательную и вескую причину. На самом же деле вы производили все изыскания, потому что просто не могли не делать этого. Это ваш пунктик...

- Может быть...

- Вряд ли среди миллиона людей найдется хоть один, подобный вам.

Большинство мечтает, разумеется, и о разных вещах, но очень немногие жаждут знаний ради самого знания. И я не из их числа, уверяю вас.

Селениты, по-видимому, подвижные, деятельные существа, но почему вы думаете, что даже самые интеллигентные из них интересуются нами или нашим

миром? Они, наверное, и не подозревают о его существовании. Ведь они никогда не выходят по ночам на поверхность, - они замерзли бы, если бы вышли. Они, вероятно, не видели ни одного небесного светила, кроме яркого, жгучего Солнца. Откуда они могут знать, что существует другой мир, да и какое им дело до другого мира? А если им и случилось видеть звезды или серп Земли, то что ж из этого? Зачем им, живущим в недрах планеты, наблюдать за светилами? Ведь и люди не стали бы делать подобных наблюдений, если бы это не понадобилось им для определения времен года или для мореплавания. А зачем это лунным жителям?

Предположим, что среди них найдется несколько философов, подобных вам.

Они-то как раз никогда и не узнают о нашем существовании. Ведь если бы какой-нибудь селенит спустился на Землю, в то время как вы проживали в Лимпне, вы бы узнали об этом последним. Вы никогда не читали газет. Итак, видите, все шансы против вас. А ради взвешивания этих шансов мы сидим тут сложа руки и теряем драгоценное время. Положение наше очень скверное. Мы явились сюда безоружными, потеряли наш шар, остались без пищи, показались селенитам и дали им повод считать нас какими-то дикими, диковинными, опасными зверями. Если эти селениты не лишены разума, то они будут гоняться за нами, пока не найдут, и постараются взять нас живьем, а коли им это не удастся, то убьют - только и всего. Поймав, они, вероятно, также убьют нас по какому-нибудь недоразумению. Возможно, что потом они будут спорить о нас, но нам от этого не станет легче.

- Продолжайте.

- С другой стороны, золото здесь валяется под ногами, как у нас на Земле железная руда. Если бы нам удалось захватить часть его с собой, отыскать шар, прежде чем они на него натолкнутся, и вернуться на Землю, тогда...

- Что тогда?

- Тогда мы могли бы поставить дело на более солидную почву. Могли бы вернуться сюда на более крупном шаре, с оружием и пушками.

- Что вы! - ужаснулся Кейвор.

Я швырнул в трещину еще один светящийся гриб.

- Послушайте, Кейвор, - продолжал я, - как-никак в этом деле мне принадлежит половина решающих голосов, а вопрос этот чисто практический.

Из нас двоих практичный человек я, а не вы, и я не намерен больше доверять селенитам или вашим геометрическим кривым... Вот и все. Довольно тайн!

Вернемся на Землю, а потом опять на Луну.

Кейвор раздумывал.

- Да, - сказал он, - мне следовало бы лететь на Луну одному.

- Сейчас важно другое: как добраться до шара.

Некоторое время мы оба сидели молча, потирая колени. Потом Кейвор как будто согласился с моими доводами.

- Я думаю, - заговорил он, - что у нас есть кое-какие данные. Ясно, что когда Солнце находится на этой стороне Луны, то воздух должен устремляться через эту губчатую планету с темной стороны на солнечную, должен вытекать из лунных пещер в кратеры... Значит, здесь должна быть тяга.

- Здесь есть тяга.

- Значит, мы не в тупике. Где-нибудь расщелина идет кверху. Течение воздуха направляется снизу вверх, этот же путь следует избрать и нам. Если мы попытаемся найти выход из этой трубы или камина, то из этого лабиринта, где нас ищут...

- А вдруг проход окажется слишком узким?..
- Тогда мы спустимся обратно.
- Тес, - шепнул я, услышав какой-то шум. - Что это такое? - Мы прислушались. Сначала раздался невнятный гул, затем мы разобрали звон гонга.
- Они нас принимают за лунных коров, - возмутился я, - и хотят напугать этой музыкой.
- Они идут вдоль тоннеля, - проговорил Кейвор.
- Вероятно.
- Но они не обратят внимания на эту трещину и пройдут мимо.
Я прислушался.
- На этот раз они, наверное, захватили оружие. - Вдруг я вскочил. Боже мой, Кейвор! Они нас найдут! - закричал я. - Они заметят грибы, которые я бросал вниз. Они...

Я не договорил и прыгнул через шляпки грибов к верхнему концу пещеры. Я заметил, что здесь она поворачивает вверх и переходит в темную щель. Я уже собирался туда лезть, как вдруг счастливая мысль осенила меня, и я вернулся назад.

- Что вы делаете? - спросил Кейвор.
- Полезайте вперед, - сказал я и, сорвав два светящихся гриба, сунул один корнем вниз в карман своей фланелевой куртки, так, чтобы он освещал нам путь; другой гриб я отдал Кейвору.

Шум усилился; казалось, что селениты находятся совсем близко, под самой расщелиной. Но, может быть, им трудно взобраться или они не решаются, боясь нашего сопротивления? Во всяком случае, мы убедились теперь, что мы - дети Земли, - мы обладаем мускульным превосходством. Через минуту я с богатырской силой карабкался вслед за сверкающими синеватым светом пятками Кейвора.

Глава 17

БИТВА В ПЕЩЕРЕ ЛУННЫХ МЯСНИКОВ

Не помню уже, сколько времени мы карабкались вверх, прежде чем достигли решетки. Может быть, мы поднялись всего на несколько сот футов, но тогда мне казалось, что мы ползли, протискивались, скакали и карабкались по меньшей мере целую милю по отвесному склону. Когда я вспоминаю об этом, то в моих ушах вновь раздаётся позвякивание золотых цепей, сопровождавшее каждое наше движение. Я содрал кожу на суставах пальцев и на коленях и оцарапал щеку. После первого стремительного броска мы стали двигаться более медленно и осторожно. Преследовавших нас селенитов больше не было слышно. Вероятно, они не полезли по нашим следам в расщелину, хотя и заметили сорванные грибы. Местами щель так суживалась, что мы с трудом протискивались вверх; иногда она, напротив, расширялась, образуя широкие пустоты, утыканные колючими кристаллами или обросшие светящимися грибовидными бородавками. Проход то извивался, то спускался вниз почти горизонтально. Часто журчала и капала вода. Раз или два что-то шмыгнуло от нас в сторону, но мы так и не разобрали, что это было. Возможно, ядовитые пресмыкающиеся, но они не причинили нам вреда, а мы так торопились, что нам было не до них. Наконец далеко вверху забрезжил знакомый нам синеватый

свет, и мы увидели, что он просачивается сквозь решетку, которая преграждала нам путь.

Пошептавшись, мы с удвоенной осторожностью полезли вверх. Когда мы добрались до решетки, я прижался лицом к ее прутьям и стал разглядывать пещеру. Она была обширна и освещалась, без сомнения, ручейком того же синего света, который струился от виденной нами машины. Где-то совсем рядом с моим лицом между прутьями решетки капала вода.

Я хотел было разглядеть дно пещеры, но решетка находилась в углублении, края которого мешали мне видеть. Затем мы обратили внимание на доносившиеся из пещеры звуки, и я заметил неясные тени, скользившие высоко вверху, по тускло освещенному своду.

Несомненно, в пещере находились селениты, может быть, их даже было много: мы слышали голоса и какие-то шорохи, теперь я знал, что это их шаги. Кроме того, до нас доносились тупые мерные удары, словно били ножом или топором по чему-то мягкому. Потом раздавался звон, вроде лязга цепей, свист и стук, словно по мосту грохотал грузовик, и снова удары ножа. Судя по теням на своде, селениты двигались быстро и ритмично, в такт с этим мерным стуком, и останавливались, когда он прекращался.

Мы наклонились друг к другу и начали перешептываться.

- Они чем-то заняты, - прошептал я, - работают.

- Да.

- Они не ищут нас и не собираются ловить.

- Может, они о нас и не слышали.

- За нами гонятся другие, там, внизу... А что, если мы вдруг покажемся?

Мы переглянулись.

- Удобный случай вступить с ними в переговоры, - заметил Кейвор.

- Ну нет, - ответил я, - только не сейчас.

Мы молчали, занятые своими мыслями.

Снова послышался стук, и тени задвигались.

Я стал внимательно осматривать решетку.

- Она непрочная, - сказал я, - можно отогнуть две полосы и пролезть между ними.

Мы посоветовались несколько минут. Затем я ухватился обеими руками за прут, ногами уперся в скалу и потянул. Прут согнулся так быстро, что я чуть было снова не покатился вниз. Взобравшись выше, я согнул другой прут, затем вынул из кармана светящийся гриб и бросил его назад в расщелину.

- Будьте осторожны и не торопитесь, - шепнул мне Кейвор, когда я пролезал через решетку.

Передо мной промелькнули работающие над чем-то фигуры, и я нагнулся, чтобы край впадины, в которой находилась решетка, скрывал меня от них.

Лежа, я подал знак Кейвору последовать моему примеру. Мы легли рядом и стали наблюдать за тем, что делалось в пещере.

Пещера была гораздо больше, чем нам сначала показалось. Она шла раструбом, расширяясь наклонно вверх; мы смотрели из самой низкой ее части, но нависшие своды скрывали от нас большую половину. Вдоль пещеры, исчезая где-то вдалеке, тянулись огромные бледные силуэты, над которыми трудились селениты. Сначала мне показалось, что это какие-то большие белые цилиндры непонятного назначения. Затем я заметил ободранные головы без глаз, похожие на бараньи головы в мясной

лавке, и понял, что это туши лунных коров, которых селениты разделявали, как команда китобойного судна разделяет убитого кита. Селениты резали мясо полосами, и на некоторых тушах виднелись обнаженные ребра. Удары топориков селенитов и производили тот тупой звук: "Чид, чид". В стороне тянулось нечто вроде канатной дороги, и вагонетки, груженные кусками свежего мяса, уходили вверх, в глубь пещеры. Эта бесконечная аллея туш, предназначенных для пропитания, свидетельствовала о густоте населения лунного мира и подтверждала наше первое впечатление от огромной шахты.

Сначала мне показалось, что селениты стоят на досках, положенных на козлы, но потом я увидел, что и настил, и подпорки, и топорики были такого же свинцового цвета, какими казались и мои кандалы, пока я не разглядел их при белом свете. Кстати сказать, я не помню, чтобы мне случалось увидеть на Луне какие-нибудь деревянные вещи: двери, столы, вся обстановка, вроде нашей земной мебели, были сделаны из металла, и, кажется, по большей части из чистого золота, которое из всех металлов, конечно, заслуживает предпочтения, при прочих равных условиях, по легкости обработки, по ковкости и по прочности. На дне пещеры кое-где валялись толстые ломы, предназначенные, очевидно, для переворачивания мясных туш, футов шести длиной и с рукояткой - это было очень подходящее для нас оружие. Пещера освещалась тремя ручьями синего света. Мы долго лежали молча и наблюдали.

- Ну что? - спросил наконец Кейвор.

Я сполз ниже и обернулся к нему. Меня осенила блестящая мысль.

- Если только они не спускают сюда туши с помощью кранов, - сказал я, то мы, очевидно, находимся недалеко от поверхности.

- Почему?

- Потому что лунные коровы не могут прыгать и у них нет крыльев.

Кейвор выглянул из впадины, где мы лежали.

- Меня удивляет только... - начал он. - Впрочем, мы и не спускались особенно глубоко.

Я дернул его за рукав, чтобы он замолчал: снизу, из расщелины, послышался шум.

Мы притаились, обратившись в слух. Скоро у меня не осталось никакого сомнения, что вверх по расщелине кто-то тихо лезет. Не торопясь, я бесшумно сжал в руке обрывок цепи и ждал появления врага.

- Взгляните-ка, как там молодцы с топорами, - сказал я.

- Они заняты своим делом, - ответил Кейвор.

Я выбрал место для удара в отверстии решетки. Теперь отчетливо слышался тихий щебет поднимавшихся селенитов, шорох их рук, цеплявшихся за камни, и падение щебня.

Вот уже можно разобрать, что в темноте за решеткой что-то движется, но что именно, я не знал. Еще миг, что-то словно щелкнуло, и вдруг - раз! Я вскочил и с яростью отбил удар. Это было острие копья. Я понял, что длинное копьё не попало в цель только благодаря недостатку места. Копье змеиным жалом вырвалось из-за решетки и, промахнувшись, скрылось, чтобы сразу же сверкнуть снова. Но тут я схватил и вырвал копьё, однако в меня полетело второе.

Я вскрикнул от радости, почувствовав, что селенит, пытавшийся удержать копьё, выпустил его из рук. Добытым трофеем я наносил удары сквозь решетку, и в

темноте слышались крики и пронзительный визг. Кейвору тоже удалось вырвать копьё, и он прыгал возле меня, размахивая им, но не мог попасть в цель. Вдруг снизу донесся звон: "Кланг, кланг", - и по воздуху просвистел топор, ударившийся о скалу вблизи нас и напомнивший мне о мясниках над тушами в пещере.

Я обернулся и увидел, что они, выстроившись в ряд, наступают на нас, размахивая топорами. Толстые, приземистые коротконожки с длинными руками, мясники мало походили на тех селенитов, которых мы видели раньше. Но если они и не слышали о нас, то очень быстро поняли, в чем дело. Держа копьё наготове, я смотрел на них.

- Охраняйте решетку, Кейвор! - крикнул я и с ревом, чтобы устроить их, ринулся навстречу.

Двое метнули свои топоры, но промахнулись, а остальные мгновенно обратились в бегство. Затем и эти двое побежали вверх по пещере, прижав к туловищу руки и наклонив головы. Я никогда не видел, чтобы люди так бегали!

Захваченное мною копьё оказалось плохим оружием: оно было слишком тонко и хрупко, слишком длинно и годилось только для метания. Поэтому я преследовал селенитов только до первой туши, потом остановился и поднял один из валявшихся ломов. Это было увесистое, хорошее оружие для разгрома целого отряда селенитов. Я бросил копьё и взял в другую руку второй лом.

Вооруженный таким образом, я чувствовал себя куда лучше, чем с копьём.

Погрозив ломом кучке селенитов, которые остановились в пещере, я обернулся к Кейвору.

Он прыгал около решетки, грозно размахивая обломком копьё. Все обстояло благополучно. Кейвор отражал нападение селенитов, пока во всяком случае. Я снова повернулся к мясникам в пещере. Но что делать дальше?

Мы загнаны в тупик. Но мясники наверно захвачены врасплох; они, видно, перепугались, и у них, кроме топориков, нет никакого оружия. В эту сторону и надо бежать. Их коренастые фигурки (они были ниже ростом и толще, чем селениты-пастухи) рассеялись по всей пещере - это свидетельствовало об их нерешительности. Я их напугал своей яростью и имел сейчас те же преимущества, что бешеный бык перед онемевшей толпой. Но зато их было очень много. Те же, что внизу, несомненно, вооружены чертовски длинными копьями. Возможно, что они приготовили нам и другие сюрпризы. Черт возьми!

Если мы нападём на мясников, то селениты с копьями останутся у нас в тылу, если же не атаковать, то этих приземистых скотов соберётся ещё больше. Кто знает, какие страшные орудия разрушения - пушки, бомбы, торпеды - может выслать для нашего уничтожения этот неведомый мир у нас под ногами, обширный мир, до глубин которого мы ещё не добрались. Нам ничего более не оставалось, как самим перейти в наступление. Тем более, что из глубины пещеры вниз, по направлению к нам, уже спешили новые полчища селенитов.

- Бедфорд! - крикнул Кейвор, и я увидел, что он отскочил от решетки и бежит ко мне.

- Назад! - закричал я ему. - Что вы делаете?..

- Они тащат какую-то пушку!

Сквозь решетку между копьями просунулась угловатая голова и костлявые плечи селенита, который нес какой-то сложный аппарат.

Я знал, что Кейвор не годится для такого боя. Несколько секунд я колебался, потом ринулся вперед, размахивая своими ломami и стараясь ревом испугать целившегося селенита. Он целился как-то чудно, прижав аппарат к животу. "З-з-з" - раздавался свист... Это оказалась не пушка, а что-то вроде самострела. Выпущенный заряд попал в меня как раз во время прыжка.

Я не упал, а только опустился несколько раньше, чем следовало, и по ощущению в плече заключил, что заряд лишь слегка задел и скользнул мимо.

Левая рука наткнулась на древко, и я понял, что острие чуть не наполовину вонзилось мне в плечо. Подскочив, я изо всех сил ударил селенита ломом. Он рухнул как подкошенный, и голова его раскололась, словно яйцо.

Я бросил лом, выдернул копьё из плеча и начал тыкать им в темноту сквозь прутья решетки. При каждом ударе внизу раздавался жалобный визг и щебет. Наконец я с силой метнул туда копьё, схватил лом и кинулся на толпу в пещере.

- Бедфорд! - умолял Кейвор, когда я пролетел мимо него. - Бедфорд!

Кажется, я слышал позади себя его шаги.

Шаг, прыжок, толчок, снова прыжок... Каждый прыжок, казалось, длился вечность. И с каждым прыжком пещера расширялась и число селенитов все росло. Сначала они бегали, как муравьи в разоренном муравейнике, некоторые размахивали топориками мне навстречу, но большинство спасалось бегством вперед или в сторону, вдоль ряда туш. Скоро показались новые отряды селенитов, вооруженных копьями. Потом еще и еще... Это было удивительное зрелище: кругом мелькали руки и ноги. В пещере становилось темней...

Что-то просвистело над моей головой. Опять. Подпрыгнув, я увидел, что в одну из туш влево от меня, дрожа, вонзилось копьё. Когда я опустился, другое копьё ударилось в грунт передо мной, и я услышал отдаленный свист: они стреляли. Целый ливень копий обрушился на нас. Настоящий залп! Я остановился как вкопанный.

Не думаю, чтобы я тогда отчетливо соображал. Но, помнится, в мозгу промелькнула стереотипная фраза: "Огневая завеса, все в укрытие!" Я помню, что бросился между двумя тушами и стоял, тяжело дыша и дрожа от ярости.

Я искал глазами Кейвора, и на миг мне показалось, что он погиб. Но вскоре он появился из темноты между тушами и скалистой стеной пещеры. Я увидел его маленькое взволнованное лицо, тусклое, синее, покрытое потом.

Он что-то сказал, но я не расслышал. Я понял, что если пробираться вверх по пещере от туши к туше, то можно пробиться наружу. Пробиться наружу - иного выхода нет.

- За мной! - сказал я и пошел вперед.

- Бедфорд! - кричал Кейвор, но тщетно: я его не слышал.

Поднимаясь по узкому проходу между тушами и стеной, я лихорадочно обдумывал план спасения. Пещера закруглялась, и селениты не могли стрелять в нас. Хотя в узком пространстве нельзя было делать прыжков, однако благодаря нашей земной силе мы продвигались быстрее селенитов. Я сообразил, что скоро мы окажемся в самой гуще их. Но тогда они будут для нас не страшнее, чем черные тараканы. Однако сначала надо выдержать их обстрел. Я обдумывал стратегический план и на бегу скинул фланелевую куртку.

- Бедфорд! - задыхался сзади Кейвор.

Я обернулся и спросил, что ему надо.

Он показывал вверх, через туши.

- Белый свет! - сказал он. - Опять белый свет!

Я взглянул вверх: действительно, вдалеке брезжили белые призрачные сумерки. Силы мои сразу удвоились.

- Не отставайте! - крикнул я Кейвору.

Длинный плоский селенит высунулся из мрака, но тотчас же скрылся с жалобным визгом. Я остановился и подал знак Кейвору, чтобы он не двигался.

Затем повесил свою куртку на лом, спрятался за ближайшую тушу, положил куртку с ломом и высунулся на секунду. "З-з-з!" - просвистела стрела.

Селениты были совсем рядом; толстые, коренастые, высокие и низенькие, они сбились в кучу около целой батареи своих орудий, повернутых дулами в пещеру. Три или четыре стрелы последовали за первой, затем обстрел прекратился.

Я высунул было голову и оказался на волоске от гибели: просвистела целая дюжина стрел; селениты стреляли, громко крича и щебеча от возбуждения. Я поднял с пола куртку и лом.

- Теперь пора! - воскликнул я и выставил свою куртку.

"З-з-з!", "З-з-з!" В одно мгновение она была продырявлена тучей стрел, перелетевших через тушу над нашими головами. Я схватил лом, бросил куртку - она так и валяется там, на Луне, - и ринулся в атаку.

С минуту длилась бойня. Я расшвырял и не давал им пощады, а селениты, видно, слишком перепугались, чтобы драться. Во всяком случае, они совсем не защищались. А у меня, как говорится, кровь бросилась в голову. Помню, я пробивался между этими тощими, жесткими, как насекомые, существами, точно сквозь высокую траву, кося и направо и налево - раз, два! Брызгала какая-то жидкость, под ногами что-то хрустело и пищало, рассыпаясь на куски. Толпа расступалась и снова смыкалась, как вода. Они сражались в беспорядке. Копья свистели вокруг меня; меня ранили в ухо, в руку и в щеку, но я заметил это потом, когда обнаружил запекшуюся кровь.

Что делал Кейвор, я не знаю. Мне казалось, что этот бой длится целый век и никогда не кончится. И вдруг конец - кругом только скачущие затылки, селениты обратились в бегство... Я почти не пострадал. Пробежал еще несколько шагов, крикнул и оглянулся. Я был изумлен.

Я летел через них громадными скачками; селениты остались позади и бросились врассыпную, ища, где бы спрятаться. Конец боя, в который я кинулся очертя голову, обрадовал меня и несказанно удивил. Я решил, что победил не потому, что селениты оказались неожиданно хрупкими, а потому, что сам я оказался таким силачом. Я самодовольно расхохотался. Ах, эта удивительная Луна!

Посмотрев на искрошенные и корчившиеся тела, разбросанные по пещере, я поспешил к Кейвору.

Глава 18

В СОЛНЕЧНОМ СВЕТЕ

Вскоре мы увидели, что впереди маячит какая-то туманная пустота, и вышли в наклонную галерею; она привела нас в новую обширную круглую пещеру, огромную цилиндрическую шахту, стены которой отвесно поднимались вверх.

Вдоль стены извивалась галерея без всякого парапета или перил и через оборота полтора поворачивала вверх, в скалы. Галерея эта напоминала мне спираль железной дороги через Сен-Готард. Все было грандиозных размеров. Невозможно описать впечатление, производимое этим сооружением; оно просто подавляло. Мы обвели глазами отвесные стены гигантской шахты и далеко вверх заметили круглое отверстие; сквозь него виднелись слабо мерцавшие звезды. Половина кромки этого отверстия сияла под ослепительными лучами белого Солнца. Мы оба невольно вскрикнули от радости.

- Скорей! - торопил я, бросаясь вперед.

- А что там? - спросил Кейвор и осторожно подошел к краю шахты. Я последовал его примеру и заглянул вниз, но мне мешал свет сверху, и я разглядел во мраке лишь цветные полосы малинового и пурпурного цвета.

Видеть я не мог, зато мог слышать. Из тьмы доносился гул, похожий на гудение рассерженных пчел - если приложить ухо к улью, - и гул этот поднимался из пропасти глубиной, быть может, мили в четыре...

Я прислушался, потом крепко сжал в руке лом и пошел вперед, вверх по галерее.

- Вероятно, это та самая шахта с крышкой, куда мы смотрели, - заметил Кейвор.

- А внизу те же самые огни!

- Огни! - повторил Кейвор. - Да, огни того мира, которого нам теперь никогда не увидеть.

- Мы еще вернемся, - утешил я его.

Нам так везло, что после бегства я уже начал надеяться, что мы найдем и шар.

Ответа Кейвора я не расслышал.

- Что? - спросил я.

- Ничего, - ответил он, и мы торопливо зашагали вверх по галерее.

Этот наклонный балкон тянулся, вероятно, не менее четырех или пяти миль и поднимался так круто, что идти по нему на Земле было бы совершенно невозможно; но здесь, на Луне, это было очень легко. За все время мы заметили только двух селенитов, которые при нашем приближении обратились в бегство. Очевидно, до них уже дошла весть о нашей силе и жестокости.

Подъем оказался неожиданно легким. Спиральная галерея перешла в крутой тоннель с отпечатками следов лунных стад, такой узкий и короткий по сравнению с высокими сводами, что почти весь он был освещен. Сразу стало светлей, и сверху далеко-далеко ослепительным светом засверкал выход; на Солнце четко вырисовывался альпийский склон, увенчанный гребнем высокого колючего кустарника, теперь уже изломанного, высохшего и помертвевшего.

Странно, что мы, люди, которым эта самая растительность казалась недавно такой нелепой и ужасной, испытывали теперь то же самое чувство, что и вернувшийся домой изгнанник при виде родных мест. Мы радовались даже разреженному воздуху, который мучил нас одышкой при быстром движении и превращал наши разговоры в тяжкие усилия. Приходилось сильно напрягать голос. Все шире и шире становился освещенный Солнцем круг; тоннель позади нас погружался в непроницаемый мрак. Видневшийся наверху колючий кустарник уже побурел и засох, на нем не осталось ни единого зеленого листочка; густо переплетавшиеся ветки затеняли узорами нависшие скалы. У самого входа в тоннель расстилалась широкая утоптанная площадка для лунных стад.

Наконец-то мы вышли по ней к ослепительному свету, в невыносимый зной.

Мы с трудом пересекли открытое место и, вскарабкавшись по откосу между стволами колючих растений, уселись, запыхавшиеся, под выступом застывшей лавы. Но даже и в тени скала была горяча.

Воздух веял жаром. Физически мы чувствовали себя неважно, но зато мы вырвались из кошмара. Нам казалось, что мы опять вернулись к себе, в мир, где есть звезды. Все страхи и трудности бегства через мрачные пещеры и расщелины теперь миновали. После недавнего боя мы уже не боялись селенитов. Оглядываясь на зияющее отверстие, мы сами не верили, что вышли оттуда. Там, глубоко внизу, в голубоватом свете, который нам вспоминался, как мрак, мы встретились с существами - кошмарной пародией на людей, с шлемообразными головами. Мы боялись их и подчинялись им, пока наконец не подняли бунт. И что же, они растаяли, как воск, рассыпались прахом, разбежались и исчезли, как ночные призраки.

Я протер глаза, сомневаясь, уж не видели ли мы все это во сне под опьяняющим действием съеденных грибов, но вдруг заметил кровь у себя на лице и убедился, что рубашка крепко прилипла к моему плечу и руке.

- Черт возьми! - проговорил я, ощупывая свои раны, и вход отдаленного тоннеля в ту же секунду вновь стал глазом вражеского лазутчика. Кейвор, что же они будут делать? И что делать нам?

Он покачал головой, не отрывая глаз от темного входа тоннеля.

- Откуда мы можем знать, что они намерены делать?

- Это зависит от того, что они о нас думают, а этого нам не узнать.

Затем это зависит от того, что у них имеется в резерве. Вы правы, Кейвор: мы коснулись лишь окраины лунного мира. У них там, в глубине, еще могут быть неожиданные сюрпризы. Даже своими самострелами они могут причинить нам немало вреда... Но все же, - резюмировал я, - если мы даже и не сразу найдем шар, то все-таки у нас есть надежда на спасение. Мы продержимся.

Даже ночью. Мы можем снова сойти вниз и отвоевать себе место.

Потом я начал осматриваться. Характер пейзажа резко изменился, и все это из-за роста и засыхания растительности. Мы сидели высоко над обширной долиной кратера, сплошь покрытой увядшей, сухой растительностью поздней, слепополуденной лунной осени. Один за другим тянулись пологие бугры и побуревшие поля, где пасся лунный скот; вдали целое их стадо, отбрасывая тени, грелось и дремало на солнце, точно овцы. Селенитов нигде не было видно. Убежали ли они при нашем появлении или обычно скрывались после выгона стад на пастбища, этого я не могу сказать. Тогда я предполагал первое.

- Если поджечь этот сушняк, то нам, пожалуй, легче найти шар среди пепла.

Кейвор, по-видимому, не слышал моих слов: прикрыв глаза рукой, он внимательно смотрел на звезды, которые, несмотря на яркий солнечный свет, были хорошо видны на небе.

- Как вы думаете, сколько времени мы пробыли здесь? - спросил он наконец.

- Где здесь?

- На Луне.

- Два зимних дня, вероятно.

- Нет, около десяти дней. Солнце уже перешло зенит и склоняется к западу. Дня через четыре, а может быть, и раньше наступит ночь.

- Но ведь мы ели только один раз?

- Знаю, но... так выходит по звездам!

- Разве время здесь, на меньшей планете, другое?

- Не знаю, выходит, так.

- Как вы исчисляете время?

- Голод, утомление - все здесь иное. Все по-другому, не так, как на Земле. Мне казалось, что со времени нашего выхода из шара прошло всего несколько часов - длинных часов, но не больше.

- Десять дней, - удивлялся я, - значит, нам остается... - Я взглянул на Солнце. - Оно уже прошло полпути от зенита до запада. Остается всего только четыре дня... Кейвор, нам нельзя сидеть тут и мечтать. С чего же нам начать?

Я встал.

- Надо наметить какой-нибудь отдаленный и издалека видный пункт, можно вывесить флаг, или платок, или что-нибудь еще, наметить участок и искать кругом.

Кейвор поднялся и стал рядом со мной.

- Да, - согласился он, - нам ничего больше не остается, как искать шар.

Ничего больше. Может быть, мы и найдем его. Разумеется, найдем. А если нет...

- Мы должны искать.

Он огляделся кругом, посмотрел вверх на небо, вниз в тоннель и удивил меня внезапным нетерпеливым жестом.

- Как глупо! Зачем нас понесло в этот тоннель! Подумайте только, сколько мы успели бы сделать!

- Никогда нам не сделать того, что упущено. Ведь тут, под нашими ногами, целый мир. Подумайте, какой это, должно быть, мир! Вспомните о машине, которую мы видели, вспомните о шахте и о крышке! Но все это было только начало. И те несчастные создания, с которыми мы сражались, - всего лишь невежественные крестьяне, жители окраин, пастухи и мясники, недалеко ушедшие от животных. Там же, внизу... Огромные подземелья, тоннели, сооружения, пути сообщения... И чем глубже, тем все грандиозней, шире и населенней. Несомненно! Там, в самом низу, должно находиться Центральное Море, омывающее сердцевину Луны. Подумайте о черных, чернильных водах при мягком освещении - если только их глаза вообще нуждаются в свете!

Подумайте о многоводных, бегущих каскадами потоках, питающих это море!

Представьте себе его приливы и отливы! Может быть, по этому морю ходят суда, может быть, у них есть большие города и пути сообщения. Быть может, у них есть мудрость и порядок, превосходящие разум человека. А мы погибнем здесь и никогда не увидим разумных существ, создавших все эти сооружения.

Мы здесь замерзнем и умрем, и воздух замерзнет на нас и вновь оттает, и тогда... тогда они случайно набредут на наши окоченелые, безмолвные трупы, найдут и шар, который нам не удастся отыскать, и поймут наконец, хотя и слишком поздно, сколько идей и усилий бесплодно погибло здесь.

Голос его, когда он говорил все это, звучал, точно сквозь телефонную трубку, откуда-то издалека.

- Но эта темнота... - возразил я.

- Это можно преодолеть.

- Но как?

- Не знаю. Откуда я могу знать? Можно захватить факел, лампу или фонарь. Те, другие... смогут понять в конце концов.

Он постоял с минуту с опущенными руками и печальным лицом, уныло глядя в пространство, затем безнадежно махнул рукой и начал строить всяческие планы систематических поисков шара.

- Мы ведь можем потом вернуться обратно, - утешал его я.

Он огляделся вокруг.

- Прежде всего нам надо вернуться на Землю.

- Мы можем потом привезти с собой лампы и железные кошки для лазанья и сотни других необходимых вещей.

- Да, - сказал Кейвор.

- Мы можем захватить с собой это золото как залог успеха.

Кейвор посмотрел на мои золотые ломы и долго молчал. Он стоял, заложив руки за спину, отсутствующим взором глядя на кратер. Наконец вздохнул и снова заговорил:

- Да, это я нашел сюда путь, но найти путь не значит еще быть его господином. Если я вновь увезу свою тайну на Землю, то что произойдет? Я не смогу хранить ее долго. Рано или поздно все обнаружится или другие люди вторично откроют кейворит. А тогда... Правительства и державы будут стараться проникнуть сюда, будут воевать из-за лунных территорий между собой и лунными жителями. Это только усилит вооружения и даст лишний повод к войнам. Если только я разглашу мой секрет, вся эта планета, вплоть до глубочайших галерей, очень скоро будет усеяна трупами. Все остальное сомнительно, но в этом не приходится сомневаться... И дело совсем не в том, что Луна нужна людям. Для чего им новая планета? Что сделали они со своей собственной планетой? Поле вечной битвы, арену вечных глупостей. Мир человеческий мал, и жизнь человеческая коротка - еще довольно дел на Земле! Нет, наука и так уж слишком много трудилась над выковыванием оружия для безумцев. Пора с этим покончить! Пусть люди снова откроют эту тайну через тысячу лет.

- Есть много способов сохранить тайну, - возразил я.

Кейвор посмотрел на меня и улыбнулся.

- В конце концов, - продолжал он, - о чем нам беспокоиться? Шар нам, вероятно, не найти, а там, внизу, события нарастают. Только присущее человеку свойство надеяться до последней минуты позволяет нам думать о возвращении на Землю. Наши несчастья только начинаются. Мы проявили по отношению к лунным жителям нашу силу и жестокость, показали им, на что мы способны, и шансы наши на спасение так же велики, как у тигра, который вырвался из клетки и загрыз человека в Гайд-парке. Весть о нас, по всей вероятности, разносится из галереи в галерею все ниже и ниже, до центральных областей... Никакие разумные существа в здравом уме и твердой памяти не позволят нам вернуть шар на Землю после всего, что они видели или слышали о нас.

- Но мы не увеличим наши шансы, если будем сидеть здесь, - сказал я.

Мы оба встали.

- Лучше будет, если мы пойдем в разные стороны, - сказал Кейвор. - Надо вывесить платок на верхушке одного из этих стволов, крепко привязать его и от этого пункта, как от центра, приняться за поиски по всему кратеру. Вы пойдете на запад, двигаясь полукругами, в сторону заходящего Солнца. Вы должны идти сначала так, чтобы ваша тень падала от вас вправо, до тех пор, пока она не пересечет под прямым углом путь от нашей вехи, а затем идите так, чтобы тень ложилась

влево. Я буду делать то же самое в восточном направлении. Мы будем заглядывать в каждый овраг, осматривать каждую скалу; мы приложим все усилия, чтобы отыскать шар. Селенитов будем всячески избегать. Для утоления жажды можно глотать снег, для утоления голода надо постараться убить лунную корову, - правда, нам придется есть сырое мясо. Итак, каждый из нас пойдет своей дорогой.

- А если один из двух натолкнется на шар?

- Тот, кто найдет шар, должен вернуться к вывешенному платку и ждать там, подавая сигналы.

- А если никто?..

Кейвор взглянул на Солнце.

- Мы будем искать шар до тех пор, пока нас не застигнет ночь и стужа.

- А вдруг селениты нашли шар и спрятали?

Кейвор пожал плечами.

- Или если они теперь гонятся за нами?

Он ничего не ответил.

- Возьмите на всякий случай один лом, - предложил я.

Он отрицательно покачал головой и задумчиво посмотрел на расстилавшуюся перед ним пустыню.

Но он не сразу тронулся в путь. Он почему-то замялся и смущенно посмотрел на меня.

- До свидания, - сказал он наконец.

Меня точно кольнуло в сердце. Я сразу вспомнил, как мы раздражали друг друга, и особенно как я, должно быть, раздражал его.

"Проклятие, - подумал я, - все могло быть иначе". Я хотел было протянуть ему на прощание руку, но он уже сомкнул ноги и прыгнул прочь от меня к северу. Он несся по воздуху, как сухой лист, плавно спустился и снова прыгнул. Я постоял с минуту, наблюдая за его полетом, потом нехотя повернулся лицом на запад, выбрал место для прыжка и с чувством человека, собирающегося прыгнуть в ледяную воду, устремился обследовать свою половину лунного мира. Я довольно неуклюже упал между скалами, поднялся на ноги, осмотрелся вокруг, вскарабкался на каменистую площадку и прыгнул снова... Кейвор уже скрылся из виду, но платок храбро развевался над пригорком, ослепительно белый в лучах яркого солнца.

Я решил не терять из виду платка, что бы ни случилось.

Глава 19

МИСТЕР БЕДФОРД ОСТАЛСЯ ОДИН

Скоро мне уже казалось, будто я всегда был один на Луне. Сначала я искал шар довольно усердно, но было еще очень жарко, а разреженность воздуха вызывала такое ощущение, как будто грудь сдавило железным обручем.

Я попал в лощину, заросшую по краям щетиной высоких, бурых, засохших кустов, и уселся под ними поостыть и отдохнуть в тени. Я собирался посидеть очень недолго. Положив около себя оба лома, я сидел, подперев голову руками. Я отметил с каким-то вялым интересом, что скалы в этой лощине, кое-где покрытые полосами высушенного мха, блестели золотыми жилами, а местами из-под опавшей листвы сверкали кругляки самородков. Теперь все это уже не имело никакого значения.

Меня охватила какая-то расслабленность, я ни на секунду не верил, что мы найдем наш шар в этой сожженной солнцем пустыне. К чему искать! Пусть придут селениты. Затем я вдруг решил напрячь все свои силы, повинувшись тому инстинкту самосохранения, который побуждает человека прежде всего охранять и защищать свою жизнь, хотя, может быть, вскоре ему придется умереть еще более мучительной смертью.

Зачем вообще мы здесь?

Это показалось мне необъяснимой и нелепой загадкой. Какой порыв побуждает человека отказаться от счастья и покоя и стремиться навстречу опасности, нередко даже гибели? Здесь, на Луне, я впервые понял то, что давно должен был бы знать, а именно, что человек создан не только для того, чтобы заботиться о собственном благополучии, о хорошей еде, о комфорте и веселом времяпрепровождении. Это чувство знакомо почти каждому человеку, и он делает неразумные поступки вразрез с собственными интересами, вразрез со своим благополучием. Какая-то непонятная сила толкает его на это, и он не может устоять.

Зачем? Почему? Сидя здесь, среди бесполезного лунного золота, в чуждом для меня мире, я стал подводить итог всей своей жизни. Если предположить, что мне суждено погибнуть на Луне, то ради чего я прожил свою жизнь? Мне не удалось уяснить себе это, но, во всяком случае, мне стало яснее, чем когда-либо прежде, что я не ставил себе никаких личных целей, что всю свою жизнь я не добивался ничего лично для себя. Для кого же? Для чего? Я бросил раздумывать о том, зачем мы полетели на Луну, и поставил перед собой вопрос тире: зачем я вообще родился? В конце концов я запутался в отвлеченных рассуждениях...

Постепенно мысли мои стали расплывчатыми и туманными, я никак не мог четко их сформулировать. Я не чувствовал тяжести или разбитости в теле на Луне этого вообще не бывает, - но, вероятно, я все же устал. Так или иначе, но я заснул.

Сон, или, вернее, дремота, удивительно освежил меня, и все это время Солнце спускалось все ниже и ниже, а жара спадала. Когда наконец я проснулся от какого-то отдаленного крика или шума, то почувствовал себя бодрым и свежим. Я протер глаза и расправил руки. Затем встал - тело мое немного затекло - и решил возобновить поиски. Я взвалил свои золотые дубинки на плечи и вышел из золотоносного ущелья.

Солнце, несомненно, стояло гораздо ниже, чем прежде. Воздух охладился.

Очевидно, я проспал долго. Мне показалось, что над западными утесами висит синеватая дымка. Я вспрыгнул на ближайшее возвышение и стал осматриваться.

Нигде не было видно ни лунных коров, ни селенитов. Кейвора я также не увидел, но зато разглядел мой платок вдали, на высокой ветке терновника; осмотревшись, я перепрыгнул на следующий удобный для наблюдения возвышенный пункт.

Я продолжал свой путь полукругами, постепенно все расширявшимися, - это было довольно утомительно и совершенно безрезультатно. Воздух действительно стал много прохладней, и я заметил, что под западными утесами тени удлинились. Я часто останавливался и осматривался, но Кейвора нигде не было, селениты тоже куда-то исчезли, и я подумал, что они уже загнали скот внутрь планеты, так как и стад нигде не было видно. Мне все больше и больше хотелось поскорее найти Кейвора. Солнце спустилось теперь уже так низко, что отстояло от горизонта не более чем на диаметр своего диска. Я боялся, что селениты скоро закроют крышки и отдушину и оставят нас в жертву страшной лунной ночи. Мне казалось, что

Кейвору давно уже следовало прекратить поиски шара и что пора нам еще раз посоветоваться.

Необходимо было срочно решить вопрос, что делать. Мы не нашли шара, и искать его уже поздно, а если отдушины закроют, то мы погибли. Нас поглотит бесконечная ночь - мрак пустоты и черти. Я чувствовал дрожь при одной мысли об этом. Нам необходимо как-то пробраться в глубь Луны, хотя бы даже с опасностью для жизни. В моем воображении уже рисовалась страшная картина: мы из последних сил стучимся в крышку большой шахты, а ледящий холод охватывает нас все сильнее и сильнее.

Я совсем забыл про шар, я думал только о том, как бы скорей найти Кейвора. Я уже собрался было идти в шахту без него, боясь опоздать; я уже возвращался к платку, как вдруг...

Я увидел шар.

Скорей, не я его, а он нашел меня. Он лежал гораздо дальше к западу, чем я зашел; косые лучи заходящего Солнца вдруг ярко осветили его и пылали на его стеклах. В первую минуту я подумал, что это какое-то новое приспособление селенитов против нас, но потом понял.

Я протянул руки и с диким криком радости бросился к нему. Я неверно рассчитал один из своих прыжков и упал в глубокий овраг, больно ударившись лодыжкой правой ноги. После этого я спотыкался почти при каждом прыжке. Я был в состоянии истерического возбуждения, дрожал как в лихорадке и запыхался, еще не достигнув цели. Раза три мне пришлось останавливаться, чтобы передохнуть, и, несмотря на разреженность и сухость воздуха, пот лил с меня ручьями.

Я думал только о шаре, пока до него не добрался, - забыл даже свое беспокойство о Кейворе. Мой последний прыжок перенес меня прямо к шару, и я прижался к нему руками, задыхаясь и тщетно пытаюсь крикнуть: "Кейвор, Кейвор, шар здесь!" Немного отдышавшись, я заглянул сквозь толстое стекло.

Все вещи были сбиты в одну кучу. Я прижался теснее, чтобы хорошенько все разглядеть, потом попытался влезть внутрь. Мне пришлось приподнять его немного, чтобы просунуть голову в люк. Теперь я ясно увидел, что все вещи лежали так, как мы их оставили, выпрыгивая из шара на снежный сугроб. Я жадно их разглядывал. Я все еще весь дрожал. Какое счастье было вновь увидеть этот знакомый полумрак! Просто непередаваемое счастье! Потом я влез внутрь и сел прямо на вещи. Взглянул сквозь стекло на лунный мир и содрогнулся. Потом я сунул на тюк золотые ломы, поискал еду и поел немного - не потому, чтобы я чувствовал потребность в еде, но потому, что я знал, что там есть съестное. Но тут я вспомнил, что пора выйти и подать сигнал Кейвору. Но я сделал это не сразу. Что-то удерживало меня в шаре.

В конце концов все идет как надо. У нас еще найдется время набрать того магического камня, который дает власть над людьми. Здесь совсем близко лежит золото, а наш шар, даже наполовину нагруженный этим металлом, может лететь так же легко и свободно, как если бы он был пустой. Теперь мы можем возвращаться на Землю как хозяева нашего мира, а потом...

Наконец я поднялся и с усилием вылез из шара. Тут я снова задрожал вечерний воздух становился все холоднее. Стоя в углублении, я осмотрелся, тщательно обследовал кусты вокруг, прежде чем прыгнуть на ближайшую скалу, и снова прыгнул, как и в первый свой прыжок на Луне. Но теперь я прыгнул легко, без всякого усилия.

Растительность увяла так же быстро, как выросла, и весь вид окрестных скал изменился, но все-таки можно было узнать тот пригорок, на котором при нашем прибытии начали всходить молодые растения, и то скалистое возвышение, с которого мы впервые увидели кратер. Но колючий кустарник на склоне холма уже побурел, высох, вытянулся футов на тридцать в высоту и отбрасывал длинные тени, конца которым не было видно, а маленькие семена, висевшие пучками на его верхних ветках, уже почернели, совершенно созрев.

Кустарник сделал свое дело и теперь готов был упасть и рассыпаться в прах под разрушительным действием ледяного воздуха длинной лунной ночи. А огромные кактусы, которые раздувались на наших глазах, давно уже полопались и разбросали свои споры на все четыре стороны. Удивительный уголок вселенной - пристань первых людей на Луне!

Когда-нибудь, думал я, я поставлю тут среди кратера памятный столб с надписью. И мне вдруг пришло в голову, что, если бы только лунный мир понимал всю важность этой минуты, какой переполох поднялся бы там, в глубине!

Но пока, по-видимому, они и не подозревают, какое значение имеет наше прибытие - ведь иначе этот кратер стал бы ареной отчаянной борьбы, а не оставался безмолвной пустыней. Я стал высматривать место поудобнее, откуда можно было бы подать сигнал Кейвору, и увидел ту самую скалу, куда он прыгнул с того места, где теперь стоял я, - она осталась такой же голой и бесплодной. С минуту я не решался уйти так далеко от шара. Затем, устыдившись своего малодушия, прыгнул...

С этого возвышенного пункта я снова начал осматривать кратер. Далеко, у самой верхушки отбрасываемой мною огромной тени, белел платок, трепетавший на кустарнике. Он был очень далеко и казался совсем крошечным, но Кейвора не было видно. Мне казалось, что Кейвор должен был бы уже сам искать меня, ведь мы так договорились. Но его не было.

Я стоял, приставив ладони к глазам, выжидая и наблюдая, в надежде каждую секунду увидеть его. Вероятно, я простоял так очень долго. Я пробовал кричать, но мой крик утонул в разреженном воздухе. Я двинулся было назад к шару, но из страха перед селенитами отказался от своего намерения - сигнализировать о моем местонахождении, вывесив на соседнем кустарнике одно из одеял. Я снова стал разглядывать кратер.

Он производил гнетущее впечатление своей пустынностью. И как тихо было вокруг! Смолкли звуки из мира селенитов. Мертвая тишина. Кроме слабого шелеста ближайшего кустарника, ни малейшего звука или хоть намека на звук.

Дневная жара уже спала, а ветер становился все более ледяным.

Проклятый Кейвор!

Я набрал побольше воздуха, приложил руки рупором ко рту и крикнул во все горло:

- Кейвор!

Но звук моего голоса походил на отдаленное, слабое эхо.

Я поглядел на сигнальный платок, поглядел на расширяющуюся тень западного утеса, поглядел из-под ладони на Солнце. Мне показалось, что оно опускается по небу заметно для глаз.

Тут я понял, что если хочу спасти Кейвора, то надо действовать, не теряя ни минуты. Я сорвал с себя жилет и повесил его как знак на шипах кустарника, потом пустился напрямик к платку. Расстояние в две мили я пролетел в несколько сот

прыжков. Я уже рассказывал, как во время таких прыжков словно паришь в воздухе довольно долго, прежде чем снова встать на ноги. При каждом взлете я искал глазами Кейвора и удивлялся, куда он скрылся. При каждом прыжке я замечал, что Солнце садится все ниже, и каждый раз, касаясь ногами скал, я испытывал искушение вернуться назад.

Последний прыжок - и я очутился в ложбине около платка. Еще один шаг и я на нашем наблюдательном пункте. Стоя возле платка, я внимательно осмотрел окрестность, уже покрытую тенями. Далеко от меня, у подошвы полого склона, чернело отверстие тоннеля, через которое мы убежали; моя тень простиралась до него и касалась его, как черный палец ночи.

Кейвора нигде не было, стояла мертвая тишина. Только шелест кустарника и все длиннее тени. Я вдруг затрясся, как в ознобе.

"Кейв..." - пробовал я крикнуть еще раз и снова убедился в беспомощности человеческого голоса в разреженном воздухе.

Молчание. Молчание смерти.

И вдруг я заметил что-то, какой-то клочок ярдах в пятидесяти от меня, у подошвы склона, среди переломленных веток. Что бы это могло быть?.. Я знал, но не хотел верить.

Я подошел ближе - это была шапочка крикетиста, которую носил Кейвор. Я не дотронулся до нее, я стоял и смотрел.

Теперь я понял, что разбросанные вокруг ветки были поломаны и потоптаны. Наконец я шагнул вперед и поднял шапочку.

Я держал ее в руке и всматривался в поломанные и примятые колючие заросли. На некоторых ветках виднелись темные пятна, но я боялся к ним прикоснуться. Невдалеке ветер перекачивал и подгонял ближе ко мне какой-то маленький и очень белый лоскут.

Это был клочок бумаги, сжатый в комок, точно его крепко сжимали в кулаке. Я поднял его: на нем виднелись красные пятна. Я разобрал также бледные следы карандаша. Разгладив бумажку, я увидел на ней прерывистые, неровные каракули букв, оканчивавшиеся кривой полосой.

Я сел на ближайший камень и стал разбирать записку.

Начало было довольно разборчивое: "Я ранен в колено, - кажется, у меня раздроблена коленная чашка, и я не могу ни идти, ни ползти".

Затем менее четко: "Они гнались за мной некоторое время и теперь это вопрос..." По-видимому, сначала было написано "времени", но затем зачеркнуто и заменено каким-то непонятным словом, "...прежде чем они меня захватят. Они преследуют меня".

Затем почерк делался судорожным. "Я уже слышу их", - догадался я, но дальше было совершенно неразборчиво. Потом несколько слов, довольно четких: "Эти селениты совсем другие - они, по-видимому, командуют..."

Снова неразборчиво.

"Череп у них больше, гораздо больше, тела более стройные и очень короткие ноги. Голоса у них более приятные, движения более обдуманно..."

"Хоть я и ранен и совершенно беспомощен, их появление дает мне надежду". Как это похоже на Кейвора!

"Они не стреляли в меня и не пытались убить. Я намерен..."

В конце внезапная ломаная линия карандашом через всю бумагу, а на обратной стороне записки и по краям - кровь!

Пока я стоял, потрясенный и растерянный, с этой ошеломляющей запиской в руке, что-то мягкое, холодное и легкое коснулось моей руки и исчезло белая пушинка. Первая снежинка - предвестница наступающей ночи.

В испуге я взглянул наверх: небо уже почернело и покрылось множеством холодных ярких звезд. Я посмотрел на восток: растительность этого разом увядшего мира стала темно-бронзовой. Взглянул на запад - Солнце, утратившее теперь в сгустившейся белой мгле половину своего жара и блеска, уже коснулось края кратера и скрывалось за горизонтом. Заросли кустарника и зубчатые скалы четко вырисовывались остроконечными черными тенями на освещенном небе. Огромное облако тумана опускалось в необъятное озеро темноты. Холодный ветер пронизывал весь кратер. И вдруг в один миг я был окутан падающим снегом, и все вокруг заволкло мрачной серой пеленой.

И тут я услышал не громкий, не отчетливый, как в первый раз, а слабый и глухой, подобно замирающему голосу, звон колокола, тот самый, что приветствовал наступление солнечного дня:

"Бум!.. Бум!.. Бум!.."

Эхо прокатилось по кратеру, точно он задрожал, как мерцающие звезды.

Кровавый красный диск Солнца опускался все ниже и ниже...

"Бум!.. Бум!.. Бум!.."

Что случилось с Кейвором? Я тупо стоял там и слушал звон, пока он не прекратился.

И вдруг зияющее отверстие тоннеля внизу подо мной закрылось, подобно глазу, и исчезло.

Я очутился в полном одиночестве.

Надо мной и вокруг меня, охватывая меня со всех сторон, подступая все ближе и ближе, раскинулась Вечность, безначальная, бесконечная необъятная пустота, в которой и свет, и жизнь, и бытие - лишь мимолетный блеск падающей звезды; холод, тишина, безмолвие, бесконечная и неумолимая ночь космического пространства.

Одиночество, казалось, подступало ко мне, я чувствовал его прикосновение.

- Нет! - воскликнул я. - Нет! Не теперь еще! погоди! погоди!

Мой голос перешел в визг. Я бросил скомканную бумажку, вскарабкался на гребень, чтобы осмотреться, и, собрав весь остаток воли, запрыгал по направлению к оставленному мною знаку, уже едва заметному в туманной дали.

Прыг, прыг, прыг! Каждый прыжок, казалось, длился столетия.

Бледный серпик Солнца скрывался за горизонтом, удлинявшиеся тени грозили поглотить шар, прежде чем я доберусь до него. Две мили, не менее сотни прыжков, а воздух разрежался, точно выкачиваемый насосом, и холод сковывал мои суставы. Но если умирать, то умирать в движении. Ноги мои скользили в снегу, прыжки становились короче. Один раз я упал в кусты, которые рассыпались в прах подо мной; другой раз я споткнулся и скатился кубарем в овраг, исцарапав до крови лицо и руки и почти потеряв направление.

Но все это было ничто в сравнении с промежутками, с ужасными минутами в воздухе, когда я летел прямо в надвигающийся прилив ночи. Дыхание мое свистело,

в легкие мне точно втыкались ножи. Сердце билось так сильно, что отдавалось в голове.

"Доберусь ли, доберусь ли я?"

Я весь дрожал от страха.

"Ложись! - уговаривало меня отчаяние. - Ложись!"

Чем ближе я подходил к цели, тем отдаленнее она мне казалась. Я заоченел, оступался, ушибался, порезался несколько раз, но кровь не выступала.

Наконец я увидел шар.

Я выбился из сил и упал на четвереньки. Легкие мои хрипели.

Я пополз. На губах моих скопился иней, ледяные сосульки свисали с усов; я весь покрылся белым замерзшим воздухом.

Оставалось еще ярдов двенадцать. В глазах у меня потемнело.

"Ложись! - кричало отчаяние. - Ложись!"

Я прикоснулся к тару на миг и замер.

"Слишком поздно! - нашептывало отчаяние. - Ложись!"

Я боролся изо всех сил. Я стоял у люка, отупевший, полумертвый. Кругом уже не было ничего, кроме снега. Я сделал нечеловеческое усилие и влез внутрь. Там было немного теплее.

Снежные хлопья, хлопья замерзшего воздуха ворвались в шар вместе со мной. Я попытался окоченелыми пальцами закрыть и крепко завинтить крышку. Я всхлипнул.

- Я должен! - пробормотал я, стиснув зубы, и дрожащими, словно ломкими, пальцами стал нащупывать кнопки штор.

Пока я возился - раньше мне никогда не приходилось этого делать, - я смутно видел через запотевшее стекло огненные лучи заходящего Солнца, мерцавшие сквозь буран, и темные очертания зарослей кустарника, гнувшихся и ломающихся под тяжестью все падающего снега. Все гуще и гуще кружились хлопья, чернея на светлом фоне Солнца. Что, если я не справлюсь с заслонками?

Наконец что-то щелкнуло под моими руками, и в одно мгновение последнее видение лунного мира исчезло из моих глаз. Я погрузился в тишину и мрак межпланетного пространства.

Глава 20

МИСТЕР БЕДФОРД В БЕСКОНЕЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Я чувствовал себя так, точно меня убили. В самом деле я представляю себе, что человек, которого внезапно убивают, должен ощущать то же самое, что я тогда. В первый момент - муки агонии и ужас, затем - тьма и безмолвие; ни света, ни жизни, ни Солнца, ни Луны, ни звезд - пустота бесконечности. Хотя я сам вызвал все это, хотя я уже испытал все это вместе с Кейвором, я был ошеломлен, оглушен, подавлен. Казалось, меня влечет вверх, в бесконечный мрак. Мои пальцы оторвались от кнопок, я повис, утратив вес, и наконец очень мягко натолкнулся на тюк, золотую цепь и золотые дубины, плававшие в середине шара.

Не знаю, как долго продолжалось это парение. Внутри шара чувство земного времени терялось еще больше, чем на Луне. При первом прикосновении к тюку я точно пробудился от тяжелого сна. Я понял, что если я хочу бодрствовать и жить, то должен зажечь свет или открыть окно, чтобы увидеть хоть что-нибудь. Кроме того,

мне было холодно. Я оттолкнулся от тюка, схватился за тонкие тросы на стекле и вскарабкался к краю люка. Теперь я разглядел все кнопки, оттолкнулся, облетел вокруг тюка и испугался, столкнувшись с чем-то тонким и широким, плавающим в воздухе; потом схватился за трос около самых кнопок и подтянулся до них. Прежде всего я зажег лампочку, чтобы посмотреть, на что я налетел, и убедился, что это был старый номер газеты "Lloyd's News", носившийся в пустоте. Это сразу точно вернуло меня из космоса на Землю. Я рассмеялся и почувствовал, что задыхаюсь, - нужно добавить немного кислорода из цилиндра. Потом я зажег грелку, согрелся, достал провизию и поел. Затем осторожно принялся знакомиться с устройством кейворитных штор, чтобы как-нибудь узнать, куда несется шар.

Я открыл и тотчас же захлопнул первую штору: меня ослепил и опалил солнечный свет. Подумав, я приоткрыл шторы с противоположной стороны и увидел огромный серп Луны, а позади нее - маленький серпик Земли. Я очень удивился, что нахожусь уже так далеко от Луны. Я рассчитывал, что почти не испытаю толчка при подъеме и что по сравнению с земной атмосферой отлет по касательной от Луны будет в двадцать восемь раз легче, чем от Земли. Я думал, что нахожусь над нашим кратером во мраке ночи, но кратер стал теперь всего лишь частью белого серпа, заполнявшего небо. А Кейвор?

Он теперь бесконечно малая величина.

Я пытался представить себе, что с ним могло случиться. Но тогда я был уверен, что он погиб. Мне казалось, что я вижу его, распластанного и раздавленного, у подошвы какого-нибудь нескончаемого голубого водопада. И вокруг него эти тупоумные насекомые...

Прикосновение летающей газеты вдохновило меня и сделало на время практичным. Мне необходимо вернуться на Землю - это ясно, но, по моим наблюдениям, шар уносился все дальше от Земли. Что бы ни случилось с Кейвором, даже если он остался жив, - что мне казалось невероятным после того, как я увидел запятнанный кровью обрывок бумаги, - я бессилен ему помочь. Он остался там, живой или мертвый, за покровом беспросветной ночи, и там ему придется пробыть по крайней мере до тех пор, пока я не смогу призвать на помощь людей. Собирался ли я это сделать? Да, я думал об этом: вернуться на Землю, если это возможно, и затем, основательно все обдумав, либо показать и объяснить устройство шара немногим надежным людям и действовать вместе с ними, или же сохранить тайну, продать золото, приобрести оружие, припасы и одного помощника, а затем вернуться на Луну, расправиться с селенитами и освободить Кейвора, если это еще возможно; и уж, во всяком случае, захватить побольше золота, чтобы дальнейшие предприятия построить на более солидном фундаменте. Но все это пока только мечты. Прежде всего надо еще суметь вернуться на Землю.

Я принялся думать, как именно можно осуществить возвращение на Землю.

Когда предо мной предстали все трудности этой проблемы, я совсем перестал думать о том, что будет после возвращения туда. В конце концов главное это вернуться на Землю.

Я решил, что лучше всего полететь обратно к Луне, приблизиться к ней насколько возможно, чтобы потом набрать скорость движения; после этого закрыть окна шара и, облетев Луну, открыть окна в сторону Земли, но достигну ли я Земли или же просто буду вращаться вокруг нее по гиперболической, параболической или какой-нибудь другой кривой - этого я не знал. Позднее я догадался, что нужно

делать, и, открыв некоторые из окон к Луне, показавшейся на небе впереди Земли, я взял курс в сторону так, чтобы стать против Земли, так как иначе я пролетел бы мимо нее.

Разрешить все эти проблемы было нелегко - ведь я не математик, - и в конце концов я вернулся на Землю вовсе не потому, что все правильно рассчитал, а только благодаря счастливому случаю. Если бы я знал тогда то, что знаю теперь, - что почти все шансы по теории вероятности против меня, - я бы не стал даже делать попыток вернуться на Землю. Решив, что мне нужно делать, я раскрыл все окна на Луну и скорчился на дне. От толчка я подскочил на несколько футов в воздухе, повис в самом нелепом положении и ждал, пока диск Луны увеличится и окажется от меня на нужном расстоянии. Затем я закрою все окна, пролечу мимо Луны со скоростью, приобретенной при сближении с ней, - если только не упаду на нее, - и направлю полет к Земле.

Так я и сделал.

Наконец я убедился, что летел в сторону Луны достаточно долго, и закрыл окна. Луна скрылась из глаз, но помню, что не почувствовал тогда никакого страха, никакого неприятного ощущения; я просто решил спокойно сидеть в этой маленькой клеточке земного вещества, летящей в беспредельном пространстве, пока не достигну Земли. Нагреватель достаточно отеплил шар, воздух освежен был кислородом, и, за исключением слабого прилива крови к голове, который я постоянно чувствовал с тех пор, как удалился от Земли, я чувствовал себя физически довольно хорошо.

Я решил беречь свет и погасил его. Пришлось сидеть в темноте при свете Земли и мерцании звезд. Кругом была такая тишина и покой, что я чувствовал себя единственным существом во вселенной, однако - странно! - не ощущал ни одиночества, "ни страха и словно лежал в своей постели на Земле. Это тем более удивительно, что в последние часы моего пребывания в кратере Луны я испытывал мучительное чувство одиночества...

Вы не поверите, но тот промежуток времени, который я провел в пространстве, совершенно не походил на земное время. Иногда мне казалось, что я восседаю здесь целую вечность, подобно богу на листе лотоса, а порой весь полет с Луны на Землю длился словно одно мгновение. В действительности же прошло несколько земных недель. Но в этот отрезок времени я вложил все свои волнения, чувство голода и страха. Я парил и думал о пережитом, о своей жизни, о побуждениях и сокровенных своих мыслях, и странное ощущение шири и свободы охватывало меня. Мне казалось, что я все расту и расту, что я неподвижен, что я вишу среди звезд, но все время я помнил о ничтожестве Земли и моей жизни на ней.

Я не смогу объяснить всего, что я чувствовал и думал. Без сомнения, все это результат тех необычных физических условий, в которых я находился. Я просто рассказываю о том, что чувствовал, без всяких комментариев. Больше всего меня мучила неуверенность в том, кто я такой. Я, если можно так выразиться, диссоциировался от Бедфорда. Я смотрел на Бедфорда как на жалкое, случайное существо, с которым я почему-то связан. Во многом Бедфорд казался мне ослом или низшим животным, между тем как раньше я гордился им и считал, что он незаурядная, сильная личность. Теперь он был для меня не просто ослом, но потомком многих поколений ослов. Я вспоминал и исследовал его школьные дни, его юность и первую любовь так же, как исследуют жизнь муравья в песке... Боюсь,

что какая-то доля этого презрения сохранилась во мне и по сей день, и сомневаюсь, чтобы я когда-нибудь вернулся к махровому самодовольству прежних лет. Но в то время это меня несколько не мучило, потому что я был совершенно убежден, что я не Бедфорд и вообще никто, что я только дух, парящий в молчаливом, невозмутимом пространстве. Что мне за дело до какого-то Бедфорда и его пороков? Я не отвечаю за него.

Сначала я боролся с этим забавным заблуждением. Я старался вызвать разные воспоминания, яркие картины, неясные или острые эмоции; я думал, что если снова вспыхнет хоть искра какого-нибудь сильного чувства, то это состояние растущего отчуждения прекратится. Но я не мог ничего поделать.

Вот он, Бедфорд, в шляпе, сдвинутой на затылок, с развевающимися фалдами сюртука, он бежит вниз по Ченсери-Лейн на свой публичный экзамен. Я видел, как он толчется в толпе сверстников, шутит, здоровается с товарищами.

Неужели это я? Я видел Бедфорда в тот же вечер в гостиной какой-то дамы: испачканная шляпа его лежала на столе, а сам он почему-то плакал. Неужели и это я? Я видел, что он часто бывает с этой дамой, видел их отношения, их чувства, но оба казались мне посторонними... Я видел, как он спешит в Лимпн, чтобы сочинять на досуге пьесу, как он знакомится с Кейвором и, засучив рукава, трудится над шаром; видел, как он уходит в Кентербери из страха перед полетом. Неужели это все я? Я не верил этому.

Я все считал, что это галлюцинация, вызванная одиночеством и тем, что я потерял всякий вес и чувство сопротивления. Я старался вернуть себе это чувство, ударяясь о шар, щипал себя и стискивал руки. Я даже зажег свет, схватил порванный листок газеты "Lloyd's News" и снова прочел убедительные подлинные объявления о велосипеде, о джентльмене с частными средствами и о бедствующей леди, продающей фамильные вилки и ножи. "Все они, без сомнения, существуют, - говорил я себе. - Вот твой мир, ты Бедфорд и возвращаешься, чтобы до конца дней жить среди себе подобных". Но сомнение не исчезало, и какой-то внутренний голос продолжал доказывать: "Это не ты читаешь, это Бедфорд, а ты ведь не Бедфорд, правда? В этом-то и вся ошибка".

- Проклятие! - выругался я. - Если я не Бедфорд, то кто же я?

Но на этот вопрос я не мог найти никакого ответа, хотя в моем мозгу проносились самые фантастические мысли, странные догадки, похожие на отдаленные тени...

Представьте, мне даже казалось, что я нахожусь не только вне нашего мира, но и вне всех миров, вне пространства и времени и что бедный Бедфорд - всего лишь щель, сквозь которую я гляжу на жизнь.

Бедфорд! Как я ни отрекался от него, все нее я был с ним связан и знал, что где бы и кем бы я ни был, я неизменно буду жить его желаниями, его радостями и печалью до конца его жизни. А что будет потом, когда он умрет?

Но довольно об этой замечательной фазе моих переживаний.

Я рассказываю об этом просто для того, чтобы показать, как изолированность и удаление человека от Земли влияют не только на функции и чувствования его физических органов, но и на сознание, порождая странные и неожиданные отклонения. Во время этого межпланетного путешествия я был охвачен подобными странными мыслями и, точно мрачный мегаломаньяк, висел, равнодушный и одинокий, среди звезд и планет мировой пустыни. И бесконечно мелким и

тривиальным казался мне не только тот мир, к которому я возвращался, но и освещенные голубоватым светом пещеры селенитов, их шлемоподобные головы, их гигантские и чудесные машины и судьба заброшенного на Луну беспомощного Кейвора.

И все это продолжалось до тех пор, пока я не почувствовал на себе силу притяжения Земли, снова вовлекавшего меня в ту жизнь, которая остается единственно реальной для людей. Тут я все яснее и яснее стал ощущать, что я не кто иной, как Бедфорд, и после удивительных приключений возвращаюсь в наш мир, к жизни, с которой чуть было не расстался на пути назад. Я стал думать о том, как спуститься на Землю.

Глава 21

МИСТЕР БЕДФОРД В ЛИТЛСТОУНЕ

Линия моего полета была почти параллельна поверхности Земли, когда я попал в верхние слои атмосферы. Температура в таре начала подниматься. Я знал, что мне надо скорее спускаться. Глубоко подо мной, в темнеющем сумраке, простиралась обширная гладь океана. Я открыл все окна и падал, переходя из солнечного света в вечер, из вечера в ночь. Все обширнее и обширнее становилась Земля, поглощая звезды, и облачная звездная вуаль постепенно окутывала меня. Наконец Земля уже не казалась шаром, а стала плоскостью и потом - впадиной. Это была уже не планета на небе, а мир человека. Я закрыл все шторы, кроме окна, направленного к Земле, и стал падать с ослабевающей скоростью. Водная ширь приблизилась настолько, что я различал уже темный блеск волн, вздымавшихся мне навстречу. Шар очень нагрелся. Я закрыл последнюю светлую полосу окна и сидел, хмурясь и кусая пальцы, в ожидании столкновения.

Шар с громким плеском ударился о воду - брызги взлетели на десятки футов. После удара я открыл шторы из кейворита. Я спускался все медленнее и медленнее, затем почувствовал, что шар давит мне снизу на ноги, летит вверх, как пузырь. Я, как поплавок, качался на волнах, и мое путешествие в мировом пространстве окончилось.

Ночь была темная и мрачная. Две огненные булавоочные головки вдали указывали, что идет судно; ближе то вспыхивало, то гасло красное пламя.

Если бы в моей лампе не истощился запас электричества, я бы зажег свет.

Несмотря на страшную усталость, я был лихорадочно возбужден, полон надежд и радовался окончанию полета.

Потом несколько успокоился и сел, положив руки на колени и глядя на отдаленный огонь. Он все качался вверх и вниз, вверх и вниз. Мое возбуждение прошло. Я понял, что по крайней мере еще одну ночь придется провести в шаре. Я чувствовал себя разбитым и усталым. Наконец я уснул.

Меня разбудил изменившийся ритм движения. Я взглянул в стекло и увидел, что шар сел на мель на большой песчаной косе. Вдали виднелись дома и деревья, а над морем, между небом и водой, висел туманный изогнутый силуэт судна.

Я встал и пошатнулся. Главное, поскорее выбраться из шара. Люк находился наверху, и я стал отвинчивать крышку. Наконец мне удалось открыть люк. Воздух со свистом ворвался внутрь, как некогда он вырвался наружу. Но на этот раз я уже

не стал ждать, пока уравнивается давление. Еще мгновение - и руки ощутили тяжесть отвинченной крышки, и надо мной широко-широко раскинулось родимое земное небо.

Воздух с такой силой ударил в грудь, что у меня перехватило дыхание. Я выпустил из рук винт от стеклянной крышки, вскрикнул, схватился за грудь руками и присел. Сначала было больно. Потом одышка прошла, и я стал глубоко вдыхать воздух. Наконец я снова поднялся и начал двигаться.

Я попытался высунуть голову в люк, но шар накренился набок. Голову вниз словно потянуло, и я быстро откинулся назад, чтобы не упасть лицом в воду.

Пыхтя и извиваясь, я наконец вылез через люк на песок, на который набегали волны.

Я не пытался встать. Мне казалось, что все тело внезапно налилось свинцом. С прекращением действия кейворита мать Земля наложила на меня свою руку. Я сидел, не обращая внимания на воду, заливавшую мне ноги.

В сером, сумрачном рассвете тускло блестели длинные зеленоватые полосы.

Невдалеке стояло на якоре судно - бледный силуэт с желтым огоньком. В песок мерно ударяли мелкие, длинные волны. Направо берег изгибался - там высился каменистый риф с лачугами, маяк, бакен и мыс. За рифом тянулся пляж, поблескивавший лужами и приблизительно на расстоянии мили заканчивающийся низким берегом, поросшим кустарником. На северо-востоке виднелся какой-то уединенный морской курорт: высокие жилые дома грязными пятнами выделялись на горизонте, рядом с ними все кругом казалось совсем плоским. Я не мог понять, каким чудачкам могло прийти в голову воздвигнуть эти вытянутые кубики на таком голом месте.

Они напоминали Брайтон, перенесенный в пустыню. Я долго сидел, позевывая и растирая лицо. Я попытался встать. Я словно поднимал тяжесть.

Наконец встал.

Посмотрел на дома вдали. В первый раз после нашей голодовки в кратере я подумал о земной пище. "Копченая свинина, - пробормотал я, - яйца! Хороший поджаренный хлеб и хороший кофе!.. Каким образом, черт побери, я доставлю все это в Лимпн?" Интересно, где я нахожусь. Во всяком случае, это какой-то восточный берег, когда я падал, мне померещились очертания Европы.

Я услышал шаги по отмели. Какой-то маленький круглолицый, добродушный человек в фланелевом костюме с простыней на плече и купальным костюмом в руках появился на пляже. Значит, я нахожусь в Англии. Он очень внимательно посмотрел на шар и на меня, затем подошел ближе. Ведь я походил на дикаря - весь грязный, заросший волосами. Но в тот момент я не думал об этом. Он остановился шагах в двадцати от меня.

- Здорово, земляк! - неуверенно окликнул он меня.

- Здравствуйте! - ответил я.

Ободренный моим ответом, он подошел еще ближе.

- Что это за штука? - спросил он.

- Не можете ли вы мне сказать, где я нахожусь? - спросил я.

- Это Литлстоун, - ответил он, указывая на дома. - А это Дандженес! Вы только что высадились? Что это за штука? Машина?

- Да.

- Вы приплыли к берегу? Наверное, потерпели кораблекрушение? В чем дело?

Я быстро соображал, стараясь определить на вид, что это за человек.

- Господи! - воскликнул он. - Ну и досталось вам! Я-то думал... Ну...

Куда вас отнесло? Это что, вроде спасательной шлюпки?

Я решил придерживаться этой версии и, ничего не отрицая, сделал несколько неопределенных замечаний.

- Я нуждаюсь в помощи, - сказал я хрипло. - Мне необходимо доставить на берег некоторые вещи, которые я не могу оставить здесь.

Я заметил трех других добродушных молодых людей с полотенцами, в спортивных костюмах и соломенных шляпах. По-видимому, это были первые утренние купальщики из Литлстоуна.

- Помощи? - сказал молодой человек. - Охотно!

Он приготовился действовать.

- Что вы хотите?

Он обернулся и замахал руками. Трое молодых людей ускорили шаги. Через минуту они были около меня и стали забрасывать меня вопросами, на которые я не особенно охотно отвечал.

- После, после! - говорил я. - Я смертельно устал. Я весь в лохмотьях.

- Поднимитесь в отель, - сказал маленький человек. - Мы присмотрим за этой штукой.

- Не могу, - сказал я. - В этом шаре находятся два толстых бруска золота.

Они недоверчиво переглянулись и посмотрели на меня с любопытством. Я подошел к шару, наклонился, влез внутрь, и вскоре у них в руках очутились ломы селенитов и сломанная золотая цепь... Если бы не усталость, я бы расхохотался, глядя на них. Они походили на котят около жука. Они не знали, что с этим делать. Маленький толстяк наклонился, поднял за конец один лом и со вздохом опустил. Все сделали то же самое.

- Это либо свинец, либо золото! - предположил один из них.

- Скорей золото! - сказал другой.

- Несомненно, золото, - подтвердил третий.

Все посмотрели на меня, а потом на судно, стоявшее на якоре.

- Несомненно! - воскликнул маленький человек. - Но где вы его достали?

Я был слишком утомлен, чтобы лгать.

- Я достал его на Луне.

Они переглянулись с изумлением.

- Послушайте! - сказал я. - Я не стану теперь ничего доказывать.

Помогите мне перетащить эти слитки в отель. С передышками двое из вас смогут перенести один лом, а я поволоку цепь. Когда я немного поем, я все расскажу.

- А как же быть с этой штукой?

- Она не испортится и здесь, - сказал я. - Ничего, черт побери! Пусть лежит тут. Когда начнется прилив, она поплывет.

Потрясенные молодые люди послушно подняли мои сокровища на плечи, и я, чувствуя свинцовую тяжесть в ногах, повел всю процессию по направлению к видневшемуся вдали приморскому бульвару. На полпути на помощь подбежали две маленькие девочки с лопатами и худощавый, громко сопевший мальчик.

Кажется, он вез велосипед и сопровождал нас справа на расстоянии двухсот ярдов или около того; вскоре это ему надоело, он сел на свой велосипед и покатил по гладкому песку по направлению к шару.

Я оглянулся ему вслед.

- Он не тронет шар, - сказал коренастый молодой человек, успокаивая меня, и я охотно дал себя успокоить.

Утро было хмурое, и сначала на душе тоже было пасмурно; но скоро Солнце прорезало серые облака горизонта и залило блеском свинцовое море. Я почувствовал себя бодрей. Вместе со светом Солнца появилось сознание огромной важности всего, что я сделал и что мне еще предстоит сделать. Я громко рассмеялся, когда передовой зашатался под тяжестью моего золота.

Вот изумится весь мир, когда я займу в нем подобающее место!

Если бы я не был так утомлен, то меня очень позабавил бы хозяин литлстоунского отеля: он стал метаться, не зная, как согласить золото и почтенных носильщиков с моей оборванной и грязной одеждой. Но в конце концов я очутился в настоящей земной ванной комнате с теплой водой для умывания, в новой одежде, правда, очень тесной, но, во всяком случае, чистой, одолженной мне маленьким толстяком. Он дал мне, кроме того, бритву, но я не решался коснуться своей густой и щетинистой бороды.

Я сел за английский завтрак и ел не торопясь, с аппетитом - хроническим многонедельным аппетитом. Затем я собрался отвечать на вопросы моих четырех молодых людей и рассказал им всю правду.

- Хорошо, - сказал я, - так как вы настаиваете, то я скажу вам, что добыл это золото на Луне.

- На Луне?

- Да, на Луне, там, в небесах.

- Что вы хотите этим сказать?

- То, что вы слышите, черт побери!

- Что вы только что вернулись с Луны?

- Вот именно! Через космическое пространство - в этом шаре.

При этих словах я сунул в рот добрый кусок яичницы.

И тут же решил при втором полете на Луну захватить с собой ящик яиц.

Я ясно видел, что они не верили ни одному моему слову, но, очевидно, считали меня чрезвычайно уважаемым лжецом. Они переглянулись, а потом уставились мне в рот. Они, видно, надеялись раскусить меня, глядя, как я солю яйца, и придавали особое значение тому, что я ем яйца с перцем.

Золотые слитки странной формы, под тяжестью которых у них сгибались колени, гипнотизировали их. Они лежали предо мною, эти слитки, стоившие много тысяч фунтов, и их так же невозможно было украсть, как дом или участок земли. Когда я взглянул на полные ожидания лица, склонившиеся над моей чашкой кофе, я понял, сколько подробных объяснений я должен дать, чтобы мне поверили.

- Вы, конечно, не серьезно... - начал было самый молодой таким тоном, точно он обращался к упрямому ребенку.

- Будьте любезны, передайте мне гренки, - перебил я и заставил его замолчать.

- Но послушайте! - подхватил другой. - Мы не можем верить вам.

- Но так что же! - сказал я, пожав плечами.

- Он не хочет рассказывать, - сказал младший в сторону и с подчеркнутой непринужденностью спросил:

- Вы ничего не имеете против, если я закурю?

Я любезно кивнул головой и продолжал завтракать. Двое из них отошли от стола и стали у дальнего окна, тихо переговариваясь. Вдруг я вспомнил.

- Прилив кончается? - спросил я.

Наступила пауза. Они колебались, кому из них ответить на мой вопрос.

- Скоро отлив, - сказал толстяк.

- Ладно, - сказал я, - он не уплывет далеко.

Я начал третью порцию яичницы и обратился к ним с маленькой речью.

- Послушайте! - сказал я. - Прошу вас. Не воображайте, пожалуйста, что я сумасшедший и рассказываю вам всякие небылицы. Я принужден быть очень кратким и сдержанным. Я отлично понимаю, что это может показаться очень странным и невероятным. Могу вас уверить, что вы живете в замечательное время. Но я не могу пока объяснить вам все: это невозможно: Даю честное слово, что я явился с Луны, и это все, что я могу открыть вам... И все же я чрезвычайно обязан вам, чрезвычайно! Надеюсь, что мое обхождение не показалось вам оскорбительным.

- Нисколько! - сказал приветливо самый молодой. - Мы отлично понимаем...

И, глядя на меня в упор, он откинул назад свое кресло с такой силой, что оно чуть не опрокинулось.

- Вовсе нет, - подтвердил толстый молодой человек. - Пожалуйста, не подумайте!

Все встали, закурили, начали прогуливаться взад и вперед и всячески старались подчеркнуть свое дружелюбие, доверие и полное отсутствие назойливого любопытства.

- Я пойду все-таки посмотрю на судно, - сказал вполголоса один из них.

Если бы не любопытство, то они все ушли бы и оставили меня одного. Я продолжал спокойно есть яичницу.

- Погода замечательная, не правда ли? - заметил толстяк. - Не помню такого лета...

Его прервал оглушительный треск. Словно взлетела огромная ракета!

Где-то зазвенело разбитое стекло.

- Что такое? - спросил я.

- Неужели?.. - вскрикнул толстячок и подбежал к угловому окну.

Все кинулись к окнам. Я один сидел и смотрел на них.

Потом вскочил, отшвырнул яичницу и тоже подбежал к окну.

Я начал догадываться.

- Ничего не видно! - воскликнул толстяк, бросаясь к двери.

- Это все тот мальчишка! - крикнул я хриплым от бешенства голосом. Проклятый мальчишка!

Повернувшись, я оттолкнул официанта (он в этот момент нес мне какое-то новое блюдо), стремительно бросился из комнаты вниз и выскочил на эспланаду перед отелем.

Спокойное море покрылось зыбью, и на том месте, где раньше лежал шар, вода клокотала, как в кильватере судна. Вверху клубилось что-то вроде облачка дыма, и трое или четверо зевак на набережной с недоумением глядели вверх по направлению неожиданного взрыва. И больше ничего! Чистильщики сапог, швейцар и четверо молодых людей в своих фланелевых костюмах выбежали вслед за мной. Из окон и дверей раздавались крики, и отовсюду, разинув рот, стали сбегаться встревоженные люди.

Я был слишком взволнован этим новым событием, чтобы обращать внимание на публику.

Сначала я был так ошеломлен, что даже не понял, что произошло непоправимое несчастье, - ошеломлен, как человек, оглушенный внезапным ударом. Только потом начинает он испытывать боль от раны...

Какое несчастье!

У меня было ощущение, точно меня обдали кипятком. Колени подкосились. Я понял весь ужас того, что случилось. Этот проклятый мальчишка улетел в небеса. А я навсегда остался здесь. Золото в столовой - единственное мое богатство на Земле. Сколько это будет денег? Какое огромное, непоправимое несчастье!..

- Ну... - раздался сзади голос маленького толстяка. - Ну, уж знаете...

Вокруг собралось около двадцати или тридцати человек, самозванных судей, которые буквально осадили меня и бомбардировали нелепыми вопросами. Я вертелся волчком, но все смотрели на меня подозрительно. Я не мог выдержать их презрительные взгляды.

- Не могу! - простонал я. - Говорю вам, что не могу. Я и сам не знаю!

Думайте, что хотите, и черт с вами.

Я судорожно размахивал руками. Они отступили на шаг, как будто я угрожал им. Я стрелой промчался сквозь толпу, ворвался в столовую отеля и стал отчаянно звонить. Потом набросился на прибежавшего официанта.

- Послушайте, вы! - крикнул я. - Найдите помощника и немедленно перетащите эти брусья в мою комнату.

Он не понял меня, и я в бешенстве стал на него кричать. Тут появились какой-то перепуганный старичок в зеленом переднике и двое молодых людей в фланелевых костюмах. Я бросился к ним и заставил помочь мне. Как только золото перенесли в мою комнату, я почувствовал себя хозяином положения.

- А теперь убирайтесь вон! - крикнул я. - Вон, если не хотите видеть перед собой человека, сошедшего с ума!

Официант замешкался в дверях, я схватил его за плечи и вытолкнул из комнаты. А затем запер дверь, сорвал с себя платье маленького толстяка, побросал его куда попало и кинулся на постель. Долго я лежал, задыхаясь от злобы, дрожа от холода и проклиная все на свете.

Наконец я несколько успокоился, встал и позвонил пучеглазому коридорному. Когда он явился, я потребовал фланелевую ночную рубашку, виски и хороших сигар. И несколько раз в нетерпении хватался за звонок, прежде чем мне подали то, что я просил. После этого я снова запер дверь на замок и стал обдумывать свое положение.

Итак, наш великий эксперимент закончился крахом. Мы потерпели поражение, и теперь я один остался в живых. Крушение было полное, произошло непоправимое несчастье. Мне ничего больше не оставалось, как спасаться самому, насколько это возможно при такой катастрофе. От одного удара вдребезги разлетелись все планы возвращения на Луну и восстановления секрета кейворита. Мое решение вернуться, наполнить шар золотом, произвести затем анализ кейворита и заново открыть великую тайну, - а может быть, и отыскать тело Кейвора - было теперь неосуществимо.

Я один остался в живых, и это было все.

Отдых в постели чудесно помог мне в моем критическом положении - это была блестящая мысль. В противном случае я либо повредился бы в уме, либо совершил какой-нибудь роковой, необдуманый поступок. Здесь же, в запертой комнате, наедине со своими мыслями я мог все обдумать и спокойно принять решение.

Мне было совершенно ясно, что случилось с мальчиком. Он, конечно, влез в шар, стал трогать кнопки, закрыл нечаянно кейворитные заслонки и улетел.

Он, безусловно, не смог завинтить крышку люка, но если даже и сделал это, то за его возвращение был всего один шанс из тысячи. Очевидно, он вместе с тюками будет притянут к центру шара и останется там; тем самым он выйдет из сферы влияния земного мира, хотя, может быть, им заинтересуются обитатели какой-нибудь отдаленной части мирового пространства. В этом я был убежден. Что же касается моей ответственности в этом деле, то чем более я размышлял, тем яснее мне становилось, что, пока я буду молчать, мне нечего тревожиться. Если бы ко мне явились опечаленные родители с требованием возвратить им погибшего сына, я бы потребовал от них обратно мой шар или же с недоумением спросил, что они имеют в виду. Сначала мне все виделось плачущие родители, полицейские и прочие осложнения, но потом я понял, что надо только держать язык за зубами - и ничего не будет. И действительно, чем дольше я лежал, курил и думал, тем очевиднее становилась для меня мудрость политики молчания и непроницаемости.

Каждый британский гражданин имеет право - если только он не причиняет никому вреда и ведет себя пристойно - появляться без предупреждения где ему угодно в рваном и грязном платье и иметь при себе любой запас золота в слитках. Никто не смеет препятствовать ему или брать под стражу. Я наконец сформулировал это самому себе и повторял эту формулу как какую-то личную великую хартию, обеспечивающую мою свободу.

Придя к такому заключению, я принялся в этом свете рассматривать обстоятельства, о которых раньше и думать не смел, а именно - свое прежнее банкротство. Теперь, спокойно поразмыслив на досуге, я пришел к выводу, что если временно скрыться под чужим именем и сохранить отросшую за два месяца бороду, то вряд ли я рискую подвергнуться атаке назойливого кредитора, о котором я уже упоминал. А затем начнем действовать разумно и планомерно. Все это, без сомнения, не очень-то красиво и даже мелко, но что мне оставалось делать?

Как бы то ни было, я решил действовать быстро и энергично и держать нос по ветру.

Я приказал принести письменные принадлежности и написал письмо в Нью-Ромнейский банк, самый ближайший, по указанию коридорного, в котором сообщал директору, что я хочу открыть у него текущий счет, и просил прислать двух доверенных лиц, снабженных соответствующими документами и каретой с хорошей лошастью, чтобы перевезти несколько сот фунтов золота. Я подписал письмо фамилией Блейк, которая показалась мне весьма почтенной.

Затем я достал фолькстонскую адресную книгу, выписал оттуда адрес портного и попросил его послать ко мне кройщика снять мерку на суконный костюм; затем заказал чемодан, несессер, желтые ботинки, рубашки, шляпы и так далее; от часового мастера я выписал себе часы. Отослав письма, я заказал самый лучший завтрак, какой только можно было получить в гостинице. После завтрака я закурил сигару, сохраняя полное хладнокровие и спокойствие, и мирно отдыхал, пока,

согласно моему распоряжению, из банка не явились два клерка, которые взвесили и забрали мое золото, после чего я, накрывшись одеялом с головой, улегся спать.

Улегся спать. Без сомнения, это слишком прозаическое занятие для первого человека, только что побывавшего на Луне, и, вероятно, молодой впечатлительный читатель найдет мое поведение предосудительным. Но я страшно устал и переволновался, и, черт побери, что мне оставалось делать?

Все равно никто не поверил бы мне, если бы я вздумал рассказывать свою историю: это только привело бы к новым неприятностям. Я улегся спать. И, выспавшись, готов был смело встретить любые невзгоды, как делал всегда, с юных лет. Я отправился в Италию и здесь пишу эту историю. Если свет откажется поверить в ее правдивость, пусть считает, что это вымысел. Что мне за дело!

А теперь, когда я рассказал вам все, я спрашиваю себя: неужели наше приключение окончено и навсегда забыто? Все думают, что Кейвор был неудачливый и не весьма блестящий изобретатель, который во время своих опытов в Лимпне взорвал дом и себя самого; удар же от моего спуска в Литлстоуне считают результатом опытов с взрывчатыми веществами в одном правительственном учреждении в Лидде, в двух милях от курорта. Должен сознаться, что я не признал своего участия в исчезновении мастера Томми Симонса - так звался мальчишка. Это могло поставить меня в затруднительное положение. Мое появление на набережной Литлстоуна в изодранном костюме, с двумя брусками несомненного золота объясняют по-разному, но меня это мало интересует. Говорят, что я нарочно все так запутал, чтобы избежать расспросов о том, откуда я добыл золото. Хотел бы я видеть человека, который способен был бы изобрести рассказ более связный, чем мой. Они принимают это за вымысел - ну и пусть!

Я рассказал свою историю и думаю, что мне пора вернуться к земным делам. Даже тому, кто побывал на Луне, все же нужно добывать средства к существованию. Поэтому-то здесь, в Амальфи, я снова взялся за сценарии той самой драмы, которую писал до моей встречи с Кейвором, и пытаюсь ввести свою жизнь в прежнее русло. Должен признаться, что, когда в комнату падает лунный свет, мне трудно сосредоточиться на моей пьесе. Сейчас полнолуние, и прошлой ночью я долго стоял на балконе и глядел на сияющую бездну, в которой скрыто столько тайн. Представьте только! Столы и стулья, рамы и брусья из чистого золота! Черт побери! Если бы только снова наткнуться на этот кейворит! Но такое не случается в жизни дважды. Здесь мне живется немного лучше, чем в Лимпне, - только и всего. А Кейвор совершил самоубийство таким утонченным способом, к какому не прибегал еще ни один человек. Так кончается эта история, похожая на сон. Она плохо вяжется с нашей жизнью, с обычными представлениями - взять хотя бы эти прыжки, еду, дыхание, невесомость, - и действительно бывают минуты, когда, несмотря на золото с Луны, я готов поверить, что все это было только сном...

Глава 22

НЕВЕРОЯТНОЕ СООБЩЕНИЕ МИСТЕРА ЮЛИУСА ВЕНДИДЖИ

Когда я кончил свой рассказ о возвращении на Землю, в Литлстоуне, я написал: "Конец", подвел черту и отложил перо, вполне уверенный, что вся история о первых людях на Луне закончена. На этом я не остановился, но передал свою рукопись в

руки литературного агента, позволил ему продать ее, видел, как большая часть ее появилась в "Стренд мэгэзин", и сел за работу над начатой в Лимпне пьесой, как вдруг оказалось, что это еще не конец. Следуя за мной из Амальфи в Алжир, меня догнало (с тех пор прошло уже почти шесть месяцев) одно из самых невероятных сообщений, какие я когда-либо получал. Меня известили, что мистер Юлиус Вендиджи, голландский электрик, который в надежде открыть способ сообщения с Марсом производил опыты при помощи аппарата, вроде употребляемого мистером Тесла в Америке, день за днем получал странные отрывочные послания на английском языке, бесспорно, исходившие от мистера Кейвора на Луне.

Сначала я принял это за шутку какого-нибудь досужего читателя моей рукописи. Я написал мистеру Вендиджи в шутовском тоне, но он ответил так, что все мои подозрения рассеялись, и я, взволнованный, поспешил из Алжира в маленькую обсерваторию в Сент-Готарде, где он работал. После его рассказа и его опытов и в особенности после того, как он при мне получил послание мистера Кейвора, я уже не сомневался более. Я сразу решил принять его предложение остаться при обсерватории, чтобы помочь ему в приеме ежедневных сообщений с Луны и постараться вместе с ним послать наш ответ на Луну. Оказалось, Кейвор был не только жив, но и находился на свободе в поразительном государстве этих людей-муравьев, в голубоватом сумраке лунных пещер. Он стал немного прихрамывать, но, в общем, был совершенно здоров, более здоров, по его словам, чем раньше, на Земле. Он перенес лихорадку, но она не оставила никаких последствий. Любопытно, что он был убежден, что я либо замерз в лунном кратере, либо погиб в межпланетном пространстве.

Мистер Вендиджи стал получать сигналы Кейвора в то время, когда был занят совершенно другими исследованиями. Читатель, конечно, помнит, какой интерес в начале нового столетия вызвало заявление мистера Никола Тесла, знаменитого американского электрика, о том, что он получил послание с Марса. Его заявление обратило внимание на давно известный всему ученому миру факт, что из какого-то неизвестного источника в мировом пространстве до Земли постоянно доходят электромагнитные волны, подобные волнам, употребляемым синьором Маркони в беспроводном телеграфе. Кроме мистера Тесла, значительное число других изобретателей занялось усовершенствованием аппарата для приема и записи этих колебаний, хотя очень немногие зашли так далеко, чтобы признать их сигналами, идущими от передатчика, находящегося вне Земли. Однако к этим немногим мы должны причислить и мистера Вендиджи. С 1898 года он почти всецело посвятил себя этому предмету и, располагая большими средствами, построил на склонах Монте-Розы обсерваторию, приспособленную во всех отношениях для таких наблюдений.

Должен признаться, мои научные познания невелики, но, насколько они дают мне право судить, придуманные мистером Вендиджи способы приема и передачи электромагнитных возмущений в мировом пространстве очень оригинальны и остроумны. Благодаря счастливому стечению обстоятельств аппарат этот был пущен в ход месяца за два до того, как Кейвор сделал первую попытку связаться с Землей. Таким образом, мы с самого начала получили целый ряд его сообщений. К несчастью, однако, это только обрывки, а самые важные открытия, которые он мог бы сообщить человечеству, инструкции относительно изготовления кейворита, если только он сообщил об этом, - пропали в мировом пространстве. Нам так и не

удалось ответить Кейвору. Поэтому он не знает, что мы приняли из его сообщений, не знает вообще, что нам известно о его усилиях войти в сношения с Землей. А его настойчивость - он отправил восемнадцать подробных описаний лунной жизни, но, к сожалению, мы их целиком не получили - свидетельствует, что он не утратил интереса к родной планете и после двухгодичного пребывания на Луне.

Можете представить, как удивился мистер Вендиджи, когда его приемный аппарат для электромагнитных волн отметил английскую речь Кейвора. Мистер Вендиджи ничего не знал о нашем безумном путешествии на Луну - и вдруг сообщение на английском языке из межпланетного пространства!

Читатель хорошо поймет, при каких условиях отправлялись эти послания.

Где-нибудь на Луне Кейвору удалось, очевидно, получить доступ к электрической аппаратуре, и он секретно установил передатчик типа Маркони.

Он имел возможность использовать свой прибор через неравные промежутки времени, иногда в течение получаса или около того, иногда же в течение трех или четырех часов в один прием. Он передавал свои послания на Землю, не принимая во внимание тот факт, что относительное положение Луны и земной поверхности постоянно изменяется. Вследствие этого обстоятельства, а также несовершенства наших приемников сообщения получались очень отрывочными, иногда вовсе неразборчивыми; они неожиданно затухали, и мы с досадой часто тщетно ломали над ними голову. К тому же Кейвор не был специалистом в этом деле: то ли он позабыл, то ли не знал общеупотребительного кода и поэтому, в особенности когда утомлялся, путал слова и ошибался самым курьезным образом.

В общем, мы, по всей вероятности, потеряли добрую половину его сообщений, а многие дошли до нас в отрывочном, искаженном виде. Поэтому в кратком рассказе, который следует за этой главой, читатель встретит пробелы и недомолвки. Мы с мистером Вендиджи работаем сейчас над полным комментированным изданием отчета Кейвора, который надеемся опубликовать вместе с подробным описанием аппаратуры; первый том издания выйдет в январе следующего года. Это будет полный научный отчет, настоящий же мой рассказ - только популярное изложение. Но в этом изложении дается необходимое дополнение к рассказанной мной истории и в общих чертах изображается устройство другого мира, столь близкого и родственного нам и, однако, столь непохожего на нашу Землю.

Глава 23

КРАТКИЙ ОБЗОР ШЕСТИ ПЕРВЫХ СООБЩЕНИЙ МИСТЕРА КЕЙВОРА

Первые два сообщения мистера Кейвора лучше оставить для большого тома.

В них просто излагаются очень кратко, с некоторыми спорными второстепенными подробностями факты постройки шара и нашего отлета с Земли. Кейвор всюду говорит обо мне, как об умершем, но характер рассказа меняется, как только речь заходит о нашем прибытии на Луну. Он называет меня "бедным Бедфордом", "этим бедным молодым человеком" и порицает себя за то, что привлек к делу молодого человека, совсем не приспособленного к такому путешествию, и побудил его покинуть планету, "где его, несомненно, ожидал успех, ради такого рискованного предприятия". На мой взгляд, он недооценивает ту роль, которую благодаря своей энергии и практическим способностям я сыграл в реализации идеи

его шара. "Мы прибыли", - говорит он, не вдаваясь в описание нашего перелета через межпланетное пространство, точно речь идет о самом обычном путешествии по железной дороге.

А затем он становится очень пристрастен ко мне, даже несправедлив.

Настолько несправедлив, что этого я просто не ожидал от человека, которого учили доискиваться истины. Перелистывая мои собственные записки о наших приключениях, я убедился, что проявил большую беспристрастность к Кейвору.

Я ничего не скрывал и редко что-либо подчеркивал.

А вот что сообщил Кейвор:

"Вскоре обнаружилось, что чрезвычайная странность окружающей обстановки и явлений: большое уменьшение веса, насыщенность воздуха кислородом и его разреженность, происходивший от этого огромный эффект наших мускульных усилий, быстрое и волшебное развитие растительности из незаметных зародышей, темный цвет неба - весьма нервировала моего спутника. На Луне его характер испортился. Он стал импульсивным, вспыльчивым и строптивым.

Скоро он объелся гигантскими пузырьчатыми растениями, и последовавшее за этим опьянение привело к тому, что мы попали в плен к селенитам, не успев ознакомиться с их жизнью..." (Как вы видите, он ничего не говорит о том, что сам тоже объелся этими "пузырчатыми растениями".) Далее он рассказывает, что "между нами и селенитами произошло столкновение и Бедфорд, не поняв некоторых их жестов, - вот так жесты! - в панике прибегнул к насилию. Он с бешенством набросился на них и убил троих; после этого мне пришлось бежать вместе с ним. В результате мы выдержали сражение с большой толпой селенитов, пытавшихся преградить нам путь, и при этом убили еще семерых или восьмерых. О терпимости этих существ более чем достаточно свидетельствует тот факт, что они не убили меня, взяв вторично в плен. Мы пробились на поверхность Луны и разошлись в разные стороны в том же кратере, где высадились, чтобы скорее найти шар.

Но тут я наткнулся на отряд селенитов, предводительствуемый двумя; по внешности они совершенно не походили на тех, которых мы видели до сих пор; у них были большие головы и маленькие тела, и одеты они были более тщательно, чем остальные. В течение некоторого времени мне удавалось избегать встречи с ними, потом я упал в расщелину, разбил голову, повредил коленную чашку и, почувствовав, что я не могу ползти, решил, если возможно, сдаться. Они, заметив мое беспомощное положение, потащили меня с собой внутрь Луны. О Бедфорде я ничего больше не слышал и никаких следов его не обнаружил; кажется, не видели его и селениты. Одно из двух: либо его застигла ночь в кратере, либо - что более вероятно - он нашел шар и, желая опередить меня, улетел в нем. Боюсь, что, не умея управлять шаром, он погиб медленной смертью в межпланетном пространстве".

Больше Кейвор обо мне не упоминает и переходит к более интересным темам. Мне не хотелось бы, чтобы подумали, будто я пользуюсь своим положением издателя для того, чтобы выставить себя в благоприятном свете, но я не могу не протестовать против неправильного освещения событий Кейвором. Он ничего не говорит о своем отчаянном послании на запачканной кровью бумаге, в котором сообщал совершенно другую историю. Добровольная сдача - это совершенно новая версия, которая, несомненно, пришла ему в голову потом, когда он почувствовал себя в безопасности среди лунных обитателей. Что же касается моего намерения "опередить" его, то я предоставляю читателю решить вопрос, кто из нас прав. Я

знаю, что я не идеальный человек, и не претендую на это. Но разве я таков, каким он меня изобразил?

Таковы мои возражения. Дальше я могу излагать сообщения Кейвора без всяких комментариев, так как он нигде больше не упоминает обо мне.

По-видимому, достигнувшие его селениты утащили его в глубь "большой шахты" при помощи приспособления, которое он называет "разновидностью воздушного шара". По его чрезвычайно путаному рассказу и многим случайным намекам и указаниям в последующих сообщениях можно догадаться, что "большая шахта" является частью колоссальной системы искусственных шахт, которые, начинаясь с так называемых лунных "кратеров", спускаются на глубину ста миль и более по направлению к центру Луны. Эти шахты сообщаются посредством поперечных тоннелей. Они разветвляются, образуя глубокие впадины, и расширяются в большие шарообразные пещеры. На сотни миль вглубь Луна похожа на скалистую губку. Такое губчатое строение естественно, говорит Кейвор, но в значительной степени это результат работы поколений селенитов. Огромные круглые насыпи из обломков породы образуют вокруг тоннелей большие кольца; их-то и принимают за вулканы земные астрономы, введенные в заблуждение ложной аналогией.

В такую шахту селениты спустили Кейвора при помощи своего "воздушного шара", и он погрузился сначала в чернильный мрак, а затем в полосу все усиливающегося свечения. Послания Кейвора свидетельствуют о том, что для ученого он был удивительно невнимателен к подробностям, но мы догадываемся, что этот свет обязан своим происхождением потокам и каскадам воды, "без сомнения, содержащей в себе фосфоресцирующие организмы". Вода стекала к Центральному Морю. Когда же спустились вниз, то, как говорит он, "селениты также начали светиться"... И, наконец, далеко внизу он увидел нечто вроде озера из холодного огня - воды Центрального Моря, сиявшего и клочкотавшего, "подобно закипающему светящемуся голубому молоку".

"Это лунное море, - говорит Кейвор в одном из последних сообщений, - не находится в покое: солнечное притяжение непрерывным потоком гонит его вокруг лунной оси; над ним проносятся странные бури, и тогда воды его кипят и бурлят, а по временам веют холодные ветры и слышны раскаты грома, которые отдаются вверху, в тоннелях огромного муравейника. Только тогда, когда вода находится в движении, она излучает свет, в редкие же периоды покоя вода темная. Если смотреть на море, то его воды поднимаются и падают маслянистой зыбью и на гребнях тяжелых, слабо светящихся волн качаются хлопья и большие полосы сияющей пузырьчатой пены. Селениты плавают по пещерным тоннелям и лагунам на маленьких плоскодонных лодках, похожих на выдолбленные челноки; и еще до путешествия к галереям вокруг обиталища Великого Лунария, властителя Луны, мне позволено было совершить небольшую экскурсию по водам моря.

Пещеры и галереи очень извилисты. Значительная часть этих путей известна только опытным морякам среди рыбаков, и нередко селениты теряют дорогу в лабиринтах и погибают. Там водятся, как мне рассказывали, странные существа, хищные и опасные твари, которых не в силах была уничтожить наука Луны. Особенно страшна рафа, спутанная масса хватательных щупалец, - они вновь отрастают и множатся при отсечении, - а также тзи колючее животное; его невозможно увидеть: так тихо и внезапно оно нападает..." Кейвор дает и кое-какие описания:

"Эта экскурсия напомнила мне о Мамонтовых пещерах, о которых я читал когда-то; если бы у меня был желтый факел, а не голубой свет и вместо надежного лодочника с веслом на корме у машины не стоял бы селенит с лицом каракатицы, я мог подумать, что внезапно вернулся на Землю. Окружавшие нас скалы были очень разнообразны: порой черные, порой бледно-голубые, они были изрезаны прожилками, а однажды заблестели и засверкали так, будто мы вошли в сапфировый грот. Бледные фосфоресцирующие рыбы поблескивали и исчезали в такой же светящейся глубине. Затем показались длинная ультрамариновая аллея, идущая вдоль одного из внутренних каналов, и пристань. Иногда мелькала гигантская, кишащая селенитами шахта какого-нибудь вертикального ствола.

В одной обширной пещере, изобиловавшей сверкавшими сталактитами, множество людей было занято рыбной ловлей. Мы проплыли мимо одной лодки и видели длинноруких рыбаков-селенитов, вытягивавших сети. Это были низкорослые, горбатые насекомые с очень сильными руками, короткими кривыми ногами и морщинистыми масками вместо лиц. Когда я глядел, как они тянули сеть, она показалась мне самым тяжелым предметом на Луне. К ней привязаны были грузила - без сомнения, из золота, - и вытягивали ее очень долго, так как в этих водах прячутся в глубине самые крупные съедобные рыбы. Рыба в сетях блестела голубым полумесяцем, голубой светящейся струей.

Среди добычи попало какое-то хищное верткое черное животное, с многочисленными щупальцами и злыми глазами; появление его вызвало страшный визг и писк. Селениты торопливо разрубили его на части своими маленькими топориками, но отрубленные щупальца продолжали омерзительно извиваться и прыгать. Впоследствии в лихорадке я все бредил этим яростным чудовищем, с такой силой и стремительностью вырвавшимся из глубин неведомого моря. Это было самое деятельное и злое из всех живых существ, которых мне пришлось встретить внутри Луны...

Поверхность этого моря была миль на двести ниже поверхности Луны. Все города Луны расположены, как я узнал, над этим Центральным Морем в пещерах и искусственных галереях и сообщаются с внешним миром гигантскими вертикальными шахтами, выходы которых образуют "кратеры", как их называют земные астрономы. Крышку, покрывающую подобное отверстие, я видел во время скитаний по поверхности Луны еще до моего плена.

О других частях Луны я до сих пор знаю мало. Там имеется колоссальная система пещер, где в течение ночи находят убежище лунные стада; там же расположены бойни и тому подобное. В одной из этих пещер мы с Бедфордом выдержали сражение с селенитами-мясниками; и мне не раз потом приходилось видеть нагруженные мясом воздушные шары, спускавшиеся из мрака. Но обо всем этом я до сих пор знаю не больше, чем очутившийся в Лондоне зулус о британских запасах хлеба. Однако ясно, что эти вертикальные шахты и растительность на лунной поверхности должны играть существенную роль в вентилировании и обновлении лунной атмосферы. Однажды после моего освобождения в шахте сверху вниз начал дуть холодный ветер, затем такой же ветер, но только теплый, вроде сирокко, подул снизу вверх и, очевидно, вызвал у меня лихорадку. Ибо недели через три я заболел какой-то лихорадкой, и, несмотря на сон и хинные таблетки, которые я, к счастью, захватил с собой, болезнь тянулась долго, и меня бил озноб почти до того времени, когда меня повезли к Великому Лунарию, властителю Луны.

Не стану распространяться о моем горестном положении в дни болезни, прибавляет он. И тут же подробно сообщает разные мелочи, которые я опускаю. "В течение долгого времени, - говорит он в заключение, - у меня была чрезвычайно высокая температура и полная потеря аппетита. Длинные промежутки бодрствования сменялись сном с мучительными кошмарами. Однажды я так ослаб и так тосковал по Земле, что был просто в истерике. Я жаждал ярких красок, чтобы забыть проклятый вездесущий голубой свет..."

Затем он снова рассказывает о лунной атмосфере. Астрономы и физики говорили мне, что сообщения Кейвора точно соответствуют тому, что нам известно о Луне. "Если бы у земных астрономов хватило мужества и воображения сделать смелый вывод, - говорил мистер Вендиджи, - то они предсказали бы почти все, что узнал Кейвор о структуре Луны. Почти наверняка известно, что Луна скорее сестра, чем спутник Земли, и состоит, в сущности, из той же материи. И так как плотность Луны составляет лишь три пятых плотности Земли, то вполне вероятно, что Луна изрыта сложной системой ходов". "Не было никакой необходимости, - сказал также сэр Джебес Флэп, наиболее талантливый популяризатор звездных миров, - отправляться на Луну для того, чтобы открыть то, что давно всем известно". Кейвор шутливо намекает на грюйерский сыр, но, конечно, ему следовало бы раньше объявить, что Луна - полое тело. И если Луна полая, то в таком случае кажущееся отсутствие воздуха и воды легко объяснимо. Море расположено внутри, на дне кратеров, а воздух просачивается сквозь огромную губку галерей согласно простым физическим законам. В кратерах большая тяга. Солнце, обходя Луну, нагревает воздух во внешних галереях, его давление увеличивается, некоторая часть воздуха вытекает наружу и смешивается с испаряющимся воздухом кратеров (причем растения удаляют из него углекислоту); между тем как большая часть воздуха просачивается внутрь галерей, заменяя воздух, замерзающий на охладившейся части. Поэтому на Луне существует постоянное воздушное течение с запада на восток в наружных галереях и течение снизу вверх в шахтах во время лунного дня, чрезвычайно усложненное, конечно, неодинаковыми формами галерей и остроумными изобретениями селенитов...

Глава 24

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ СЕЛЕНИТОВ

Послания Кейвора, начиная с шестого и кончая шестнадцатым, большей частью так отрывисты и так переполнены повторениями, что из них трудно составить последовательный рассказ. Конечно, они будут целиком даны в научном отчете, а здесь можно ограничиться извлечениями и ссылками так же, как и в предыдущей главе. Мы подвергли каждое слово самой строгой критике, и мои собственные краткие воспоминания и впечатления помогли разобраться в том, что в противном случае осталось бы совершенно непонятным.

Естественно, что нас, людей, интересовало больше странное общество лунных насекомых, среди которых жил, хотя бы и в качестве почетного гостя, человек, чем физические условия их мира.

Я уже, кажется, говорил, что селениты, которых я видел, похожи были на человека положением тела и четырьмя конечностями, но строение головы и

конечностей напоминало насекомых. Я, кроме того, упомянул, что вследствие сравнительно небольшой силы тяготения на Луне тела их хрупки и мягки. Все это подтверждает и Кейвор. Он называет их "животными", хотя, конечно, они не подходят ни под одно подразделение в классификации земных существ, и указывает, что "насекомые на Земле, к счастью для человека, никогда не бывают большими". Самые крупные земные насекомые, живые или вымершие, не достигают и шести дюймов в длину, "но здесь, на Луне, при меньшей силе тяготения существа, средние между насекомыми и позвоночными, могли, по-видимому, достигнуть человеческих и сверхчеловеческих размеров".

Кейвор не упоминает о муравьях, но при всех его описаниях я все время вижу перед собой муравья, неутомимо деятельного, одаренного умственными способностями и социальными инстинктами; кроме двух полов, мужского и женского, как почти у всех других существ, у муравьев есть бесполое рабочее, солдаты, отличающиеся друг от друга структурой, сложением, силой и назначением, и тем не менее все это представители одного и того же вида.

Селениты также отличаются большим разнообразием форм. Конечно, они не только значительно превосходят муравьев ростом, но даже, по мнению Кейвора, по своему уму, нравственности и социальной мудрости стоят гораздо выше людей. У муравьев четыре или пять разных форм, у селенитов же их очень много. Я говорил уже об этом. Селениты, которых я видел, сильно отличались друг от друга; но различия у них в росте и пропорциях тела были не больше, чем среди человеческих рас. Однако то, что наблюдал я, не идет ни в какое сравнение с тем множеством форм и разновидностей, о которых говорит Кейвор. По-видимому, селениты далеких окраин, те кого я видел, почти одних профессий - это пастухи, мясники и так далее. Но внутри Луны, чего я тогда не знал, есть другой тип селенитов, отличающийся от первых ростом, соотношением частей тела, силой и наружностью; тем не менее они все принадлежат к одному виду и, несмотря на различия, сходны по родовым признакам. Луна является как бы огромным муравейником, но, вместо четырех или пяти типов муравьев, там имеется несколько сот разновидностей селенитов с промежуточными, переходными формами.

Кажется, Кейвор заметил это очень скоро. Из его рассказов я заключаю, что он был пойман пастухами лунных стад по приказу других селенитов, тех, у которых "более широкие головы и более короткие ноги". Поняв, что он откажется последовать за ними даже под копытами, они перенесли его по узкому, как доска, мостику, вроде того, на который я отказался ступить, и спустили его вниз, в область мрака, на чем-то, что сначала показалось ему похожим на лифт. Но это оказался воздушный шар, который, конечно, был невидим в темноте. Очевидно, то, что я принял за перекидной мостик в пустоту, в действительности было переходом к шару. Кейвор спустился вниз, в более освещенные пещеры. Сначала спускались в тишине, если не считать писка селенитов, а потом среди гама и гула.

Освоившись с чернильной темнотой, Кейвор стал понемногу различать окружающие предметы.

"Представьте себе огромное цилиндрическое пространство, - говорит Кейвор в своем седьмом послании, - с четверть мили в диаметре, сначала очень тускло освещенное, а потом все ярче и ярче; по обеим сторонам спиралью уходили вниз, в голубую, светящуюся пустоту, две большие платформы. Представьте себе колодец с самой огромной винтовой лестницей или самую глубокую шахту лифта, в которую

вам когда-либо приходилось заглянуть, и все это увеличенное в сто раз, рассматриваемое в сумерках сквозь голубое стекло. Представьте себе, что вы смотрите вниз, чувствуете необычайную легкость в теле и не испытываете головокружения, как на Земле, - и вы поймете мое первое, впечатление. Вообразите вокруг шахты широкую спиральную галерею, такую крутую, что подъем по ней на Земле был бы невозможен, с низенькими перилами на краю бездны, исчезающими где-то вдали, на расстоянии нескольких миль от начала.

Когда я взглянул вверх, то увидел почти то же самое, точно я глядел в высокий конус. Сверху в шахту дул ветер. С поверхности Луны все слабее и слабее доносилось мычание лунных коров, которых загоняли с их дневных пастбищ. А сверху и внизу по винтовым галереям рассеяны были многочисленные лунные обитатели - бледные, светящиеся существа; одни разглядывали нас, другие были заняты какими-то делами.

Либо мне пригрезилось, либо на самом деле вместе с ледяным ветром упала снежинка. А затем, подобно такой же снежинке, промелькнула к центральным частям Луны какая-то фигурка - маленькое человекообразное насекомое на парашюте.

Сидевший возле меня большеголовый селенит, видя, что я двигаю головой, точно вижу что-то, протянул вперед свою руку-клешню и указал на видневшийся далеко внизу выступ - небольшую площадку, висевшую в пустоте.

Она скользила вверх к нам, скорость спуска быстро уменьшилась, через несколько мгновений мы поравнялись с ней и остановились. Брошенный с шара канат был подхвачен и закреплен, и я очутился внизу, на площадке, среди большой толпы селенитов, проталкивавшихся вперед, чтобы увидеть меня.

Это была неопишуемая толпа. Я поразился, как разнообразны типы обитателей Луны!

Казалось, что в этой суетящейся толпе нельзя найти двух сходных меж собой существ. Они различались по форме, по размерам и представляли самые устрашающие вариации общего типа селенитов. Некоторые были как громадные пузыри, другие сновали под ногами у своих братьев. Все они казались каким-то гротеском, уродливой карикатурой на людей. У каждого что-нибудь было гипертрофировано до уродства: у одного - большая передняя конечность, похожая на огромную муравьиную лапу; у другого ноги, точно ходули; у третьего - вытянутый хоботом нос, что делало его до отвращения похожим на человека, если бы не зияющая дыра на месте рта. Форма головы пастухов лунных стад, насекомоподобная (хотя без челюстей и усиков), тоже была очень различна: то широкая и низкая, то узкая и высокая, то на кожистом лбу выдавались рога или другие странные придатки, то раздвоенная, с какими-то бакенбардами, с человеческим профилем. В особенности бросалось в глаза уродливое строение черепов. У некоторых черепа были огромные, напоминающие волдыри, с крошечным подобием лица. Попадались изумительные экземпляры с микроскопическими головками и пузырчатыми телами; фантастические комки студенистой массы, из которой тянулись трубообразные расширяющиеся отростки, похожие на шеи без головы. Мне показалось очень странным, что двое или трое из этих фантастических обитателей подземного мира - мира, защищенного огромными горными пластами от действия Солнца или дождя, держали в своих щупальцах-

руках зонтики - настоящие, почти земные зонтики. Потом я вспомнил парашютиста, которого видел в шахте.

"Эти лунные жители вели себя так же, как человеческая толпа: они толкались и лезли вперед, даже карабкались друг на друга, чтобы взглянуть на меня. С каждой минутой число их увеличивалось, и они все энергичней напирали на диски моих стражей (Кейвор не объясняет, что он подразумевает под словом "диски"); новые и новые чудовищные призраки то и дело выплывали из мрака. Вскоре меня посадили на носилки, и сильные носильщики на плечах понесли меня в полумраке сквозь толпу, к отведенным мне на Луне апартаментам. Вокруг мелькали глаза, лица, маски, слышалось шуршание кожи, похожее на шелест крыльев жука, блеяние и напоминавшее треск кузнечиков щебетание селенитов..."

По-видимому, Кейвора заперли "в шестиугольной пещере", где он оставался в течение некоторого времени. Впоследствии ему предоставили большую свободу - почти такую же, какой пользуются люди в цивилизованном городе на Земле. Наверное, таинственный правитель и властелин Луны назначил двух селенитов с широкими головами для того, чтобы охранять и изучать Кейвора и попытаться заговорить с ним. Невероятно, но эти фантастические насекомые, эти существа другого мира вскоре стали общаться с Кейвором при помощи человеческой речи.

Кейвор называет их именами Фи-у и Тзи-пафф. Фи-у был около пяти футов ростом, с маленькими, тонкими ножками в восемнадцать дюймов длиной и небольшими ступнями, как у всех селенитов. На этих ножках покоилось маленькое тело, трепетавшее при каждом ударе сердца. У него были длинные, мягкие, многосуставные руки, со щупальцами на концах, а шея состояла, как и у всех селенитов, из нескольких суставов, но была очень короткая и толстая.

"Его голова, - говорят Кейвор, очевидно; намекая на какое-то предыдущее описание, не дошедшее до нас, затерявшееся в космосе, - обычного лунного типа, но странно видоизмененная. Зияющий рот необыкновенно мал и расположен чрезвычайно низко, лицевая маска состоит почти из одного широкого плоского носа-пяточка. С каждой стороны по маленькому глазу.

Голова в целом представляет собой огромный шар, но вместо шероховатого кожистого покрова, как у пастухов лунных стад, на голове его тонкая мембрана, через которую можно наблюдать все движения пульсирующего мозга.

Это - существо с уродливо гипертрофированным мозгом на теле карлика".

В другом месте Кейвор находит, что сзади Фи-у напоминает Атланта, поддерживающего мир.

Тзи-пафф, по-видимому, очень походил на Фи-у, но у него было длинное "лицо", а гипертрофированный мозг придал голове не круглую, а грушеобразную форму, узким концом вниз. К услугам Кейвора были и носильщики - кривобокие существа с огромными плечами, паукообразные привратники и скрюченный прислужник.

Метод, которым Фи-у и Тзи-пафф приступили к разрешению проблемы языка, был очень прост. Они вошли в "шестиугольную клетку" к Кейвору и начали подражать каждому его звуку, даже кашлю. Он, по-видимому, очень быстро понял, чего они хотят, и начал повторять слова, называя предметы и указывая на них рукой. Вероятно, процедура была довольно однообразна. Фи-у слушал, а потом, в свою очередь, указывал на предмет и повторял слышанное слово.

Первое слово, которым он овладел, было слово "мен" - человек, второе "муни" - лунянин, которое Кейвор употребил вместо слова "селенит" для обозначения лунной

расы. Уловив нужное слово, Фи-у повторял его Тзи-пафф, который запоминал без ошибки. В первый же урок они заучили сотню английских имен существительных.

Затем они, по-видимому, привели с собой художника, и тот помогал им рисунками и диаграммами, ибо рисунки Кейвора казались весьма несовершенными. "Это было, - говорит Кейвор, - существо с очень подвижной рукой и строгим взглядом, и рисовал он с невероятной быстротой".

Из одиннадцатого сообщения мы явно уловили только отрывок. После нескольких обрывков фраз, разобрать которые не представлялось возможным, шло следующее:

"Но подробное изложение наших бесед заинтересовало бы только лингвистов и заняло бы слишком много времени. Кроме того, мне наверняка не удалось бы описать все те способы и ухищрения, к которым мы прибегали, чтобы понять друг друга. Вскоре мы перешли к глаголам - по крайней мере к тем, которые я мог выразить рисунками; некоторые прилагательные тоже оказались легкими для понимания, но зато когда мы дошли до абстрактных имен существительных, предлогов и тех обычных оборотов речи, при помощи которых столь многое выражается на Земле, я почувствовал себя так, точно пытался нырять в пробковом костюме. Эти трудности казались непреодолимыми, пока наконец на шестой урок не явился четвертый помощник - существо с огромной, похожей на футбольный мяч головой, мозг которого явно был приспособлен распутывать сложные аналогии. Он вошел с видом рассеянного человека и споткнулся о стул. В случае затруднения Фи-у и Тзи-пафф прибегали к самым странным приемам, чтобы привлечь внимание этого эксперта: они кричали, били его, кололи, пока наконец вопрос не доходил до его сознания. Но зато потом он соображал удивительно быстро. Когда являлась необходимость в мышлении, превосходящем недюжинный разум Фи-у, селениты прибегали к помощи своего длинноголового собрата, а тот неизменно передавал свое заключение Тзи-пафф с тем, чтобы последний сохранил его в своей памяти, которая казалась необъятным складом всяческих фактов. Так мы подвигались вперед.

Мне казалось, что прошло много времени, на самом же деле всего несколько дней, пока я начал объясняться с этими лунными насекомыми.

Конечно, вначале это было невероятно скучное и надоедливое собеседование, но мало-помалу мы стали понимать друг друга. Я научился быть терпеливым.

Беседу всегда ведет Фи-у. В разговоре он часто издает звук вроде "гм-гм" и пересыпает свою речь фразами вроде "так сказать" и "разумеется".

Вот вам образчик его беседы. Представьте, что он характеризует четвертого помощника - художника:

- Гм-гм! Он, так сказать, рисовать. Пить мало, есть мало - рисовать.

Любить рисовать. Больше ничего. Ненавидеть всех, кто не рисовать.

Сердиться. Ненавидеть всех, кто рисовать лучше. Ненавидеть всех.

Ненавидеть тех, кто не думать, весь мир для рисовать... Сердиться. Гм. Все ничего не значит... только рисовать... Ты нравится ему, разумеется. Новая вещь рисовать. Урод - странно. Да?

- Он, - в сторону Тзи-пафф, - любить запоминать слова. Запоминать очень больше других. Думать нет, рисовать нет, - запоминать. Сказать... (Тут он обратился к помощи своего талантливому помощника, не находя нужного слова.) Истории, все. Раз слышать - всегда сказать.

Все это превосходило мои самые дерзкие мечты: слышать, как в ночном мраке необычайные существа - к их нечеловеческому образу невозможно привыкнуть даже при постоянном общении с ними - беспрестанно насвистывают какое-то подобие человеческой речи, задают мне вопросы, отвечают. Я точно попадаю в свое далекое детство, в басню, где муравей и кузнечик разговаривают между собой, а пчела их судит".

По мере успеха этих лингвистических упражнений положение Кейвора, видимо, улучшилось.

"Первые страхи и недоверие, вызванные нашей злосчастной дракой, рассказывает он, - постепенно проходят, они стали считать меня разумным существом... Теперь я могу уходить и приходить, когда мне угодно, меня ограничивают, лишь желая мне добра. Таким образом, мне удалось получить доступ к этому аппарату, а потом благодаря одной счастливой находке в колоссальной пещере-складе послать на Землю свои сообщения. До сих пор не было сделано ни малейшей попытки помешать мне в этом, хотя я сказал Фи-у, что сигнализирую Земле.

- Ты говорить другим? - спросил он, наблюдая за моими действиями.

- Да, другим, - подтвердил я.

- Другим, - повторил он. - О да. Людям?

И я продолжал посылать свои сообщения".

Кейвор беспрерывно дополнял свои прежние рассказы о селенитах, как только прибавлялись новые факты, исправлявшие его прежние выводы, и потому нижеследующие цитаты даны с известной осторожностью. Они извлечены из девятого, тринадцатого и шестнадцатого посланий и, несмотря на неопределенность и отрывистость, дают настолько полную картину социальной жизни этих странных существ, что вряд ли человечество может надеяться получить более точные сведения в течение еще многих поколений.

"На Луне, - сообщает Кейвор, - каждый гражданин знает свое место. Он рожден для этого места и благодаря искусной тренировке, воспитанию и соответствующим операциям в конце концов так хорошо приспособляется к нему, что у него нет ни мыслей, ни органов для чего-либо другого. "Для чего ему другое?" - спросил бы Фи-у. Если, например, селенит предназначен стать математиком, то его с рождения ведут к этой цели. В нем подавляют всякую зарождающуюся склонность к другим наукам и развивают математические способности его мозга с необыкновенным искусством и умением; его мозг развивается только и исключительно в этом направлении, все же остальное культивируется лишь постольку, поскольку это необходимо для главного. В результате, если не считать отдыха и еды, вся его жизнь и радость состоят в применении и развитии своей исключительной способности. Он интересуется только ее практическим использованием, его единственное общество товарищи по специальности. Его мозг непрерывно растет - по крайней мере те его части, которые нужны для математики; они все больше и больше набухают и как бы высасывают все жизненные соки и силу из остальных частей организма. Члены такого селенита съеживаются, его сердце и пищеварительные органы уменьшаются, его насекомообразное лицо скрывается под набухшим мозгом. Его голос выкрикивает одни математические формулы, он глух ко всему, кроме

математических задач. Способность смеяться, за исключением случаев внезапного открытия какого-нибудь математического парадокса, им совершенно утеряна. Самые глубокие эмоции, на какие он способен, может вызвать в нем лишь новая математическая комбинация. И так он достигает своей цели.

Другой пример: селенит, предназначенный для деятельности пастуха, с самых ранних лет приучается жить лишь мыслями о лунных коровах, находить радость в уходе за ними, посвящать им всю свою жизнь. Его тренируют таким образом, чтобы сделать его ловким и подвижным; его глаза способны видеть лишь шкуру да неуклюжие очертания животных; это и делает его идеальным пастухом. Его совершенно не интересует то, что происходит в глубине Луны; он смотрит на всех других селенитов, не занятых, подобно ему, лунными коровами, с равнодушием, насмешкой или враждебностью. Его мысль сосредоточена на отыскании пастбищ для лунных коров, а весь язык состоит из пастушеских терминов. Он любит свою работу и с радостью выполняет свое назначение. Так же и во всем остальном у селенитов: каждый из них как бы является совершенной единицей в лунном механизме...

Большеголовые существа, занятые умственной работой, образуют как бы аристократию в этом странном обществе, и выше всех, на самом верху лунной иерархии, словно гигантский мозг планеты, стоит Великий Лунарий, которому я в конце концов должен представиться. Неограниченное развитие ума у селенитов интеллигентного класса достигается отсутствием в их строении костного черепа, черепной коробки, которая ограничивает человеческий мозг, не позволяя ему развиваться больше определенного размера. Умственная аристократия распадается на три главных класса, резко отличающихся друг от друга по влиянию и почету: администраторы, к числу которых принадлежит Фи-у, селениты, с большой инициативой и гибкостью ума, - каждый из них наблюдает за определенным кубическим участком Луны; эксперты, вроде моего мыслителя, с головой, как футбольный мяч, приученные к выполнению некоторых специальных заданий, и ученые, которые являются хранителями любых знаний. К этому последнему классу принадлежит Тзи-пафф, первый лунный профессор земных языков. Что касается последнего класса, то любопытно отметить одну маленькую особенность: неограниченный рост лунного мозга сделал излишним изобретение всех тех механических вспомогательных средств для умственной работы, к которым прибегает человек. Здесь нет ни книг, ни отчетов, ни библиотек, ни надписей. Все знание хранится в мозгу, подобно тому как медоносные муравьи Техаса складывают мед в своих обширных желудках.

Роль Соммерсетского и Британского музеев играют коллекции живого мозга...

Отмечу, что администраторы, менее специализированные, большей частью проявляют ко мне при встречах очень живой интерес. Они уступают мне дорогу, смотрят на меня и задают вопросы, на которые отвечает Фи-у. Они передвигаются с целой свитой носильщиков, помощников, глашатаев, парашютоносцев и так далее - очень странная процессия. Эксперты же по большей части не обращают на меня никакого внимания, как и на всех других, или же замечают меня для того только, чтобы продемонстрировать свое удивительное искусство. Ученые погружены в какое-то непроницаемое, неподвижное состояние самосозерцания, от которого их способно пробудить лишь отрицание их учености. Обыкновенно ученых водят провожатые, часто в их свите встречаются маленькие деятельные создания,

очевидно, самки, - я склонен думать, что это их жены. Но некоторые ученые слишком величественны, чтобы ходить пешком, и их переносят на носилках, похожих на кадки, - эти колыхающиеся, студенистые сокровищницы знания вызывают во мне чувство почтительного удивления. Только что я встретил одного такого ученого на пути туда, где мне позволено забавляться сигнализацией, передо мной на носилках промелькнула огромная, голая, трясущаяся голова, покрытая тонкой кожей. Спереди и сзади шли носильщики и какие-то странные, с трубообразными лицами глашатаи, выкрикивающие все заслуги ученого.

Я уже упоминал о свитах, которые сопровождают большую часть людей интеллигентного класса: это телохранители, носильщики, слуги - сгустки щупалец и мускулов, заменяющих совершенно отсутствующую физическую силу этих гипертрофированных умов. Носильщики почти всегда сопровождают их.

Среди них попадаются необычайно быстроногие курьеры с паукообразными ногами, парашутоносцы и глашатаи, способные разбудить своим криком мертвого. Вне влияния контролирующего ума их ученых хозяев эти подчиненные столь же пассивны и беспомощны, как зонтики в углу прихожей. Они живут только приказами, которым должны повиноваться, и обязанностями, которые должны выполнять.

Однако большинство насекомых, снующих по спиральным путям, наполняющих подъемные шары и опускающихся на легких парашютах, принадлежит, по-видимому, к классу ремесленников. Это в прямом смысле "машинные руки", и некоторые из них постоянно в действии. Единственная клешня пастуха приспособлена для схватывания, поднимания и подачи, между тем как остальные части - только вспомогательные придатки. Иные, которым, очевидно, приходится звонить в колокол, обладают невероятно развитыми слуховыми органами; другие, работающие над тончайшими химическими процессами, снабжены огромными органами обоняния; третьи отличаются плоскими ногами с неподвижными суставами для работы на педалях и подножках; четвертые же, которые, как мне сообщили, принадлежат к цеху выдувальщиков стекла, кажутся просто легочными мехами. Каждый из этих рабочих-селенитов отлично приспособлен к тому делу, которое он предназначен выполнять. Тонкая работа выполняется ловкими мастерами, удивительно крошечными и опрятными. Некоторые из них умещались у меня на ладони. Есть даже такие особые селениты, которые вертят колеса и рычаги и поставляют двигательную силу для разных мелких работ. А для управления всеми работами, для поддержания порядка и усмирения разрушительной тенденции, проявляющейся иногда у каких-либо уклоняющихся от нормы натур, приставлены самые сильные селениты, каких я только видел на Луне, - нечто вроде лунной полиции; их, должно быть, с ранних лет тренировали для того, чтобы оказывать гипертрофированному мозгу должное уважение и повиновение.

Создание всех этих селенитов-ремесленников представляет, вероятно, удивительный и интересный процесс. Я до сих пор знаю об этом очень мало, но недавно я увидел несколько молодых селенитов, запечатанных в бочки, из которых высовывались только их передние конечности. Оказалось, что их нарочно подвергают сжатию, чтобы они сделались потом машинистами. При этой высокоразвитой системе технического воспитания длинная "рука", например, отрастает благодаря особым прививкам, между тем как ненужные части тела умерщвляются. Фи-у, если только я правильно понял его, объяснил мне, что на

ранних стадиях развития в скрюченном положении селениты иногда проявляют признаки страдания, но вскоре легко смиряются со своей участью.

Чтобы убедить меня в этом, он привел меня на место, где несколько будущих посыльных подвергались как бы прокатке при помощи механических приборов.

На меня такие воспитательные методы производят очень неприятное впечатление, хоть я и сам знаю, что это глупо. Возможно, все это пройдет, и мне удастся увидеть еще кое-что из их удивительного общественного устройства. Эта жалкая, высунувшаяся из бочки щупальце-рука показалась мне мольбой, протестом против искусственного уродства. Она преследует меня до сих пор, хотя, может быть, в конечном счете это более гуманно, чем наш земной метод: мы позволяем детям стать людьми, чтобы обратить их потом в придатки машин.

Недавно - кажется, это было во время моей одиннадцатой или двенадцатой прогулки к этому аппарату - я подметил любопытную деталь в жизни рабочих-селенитов. Меня подвели к аппарату не обычным путем - вниз по спиральям и набережным Центрального Моря, - а через более короткий проход.

Из лабиринта длинной темной галереи мы вступили в обширную низкую пещеру, пахнущую землей и сравнительно ярко освещенную. Свет исходил из колыхавшейся массы синевато-багровых грибовидных растений, напоминавших наши грибы, но величиной больше человеческого роста.

- Луныне едят их? - спросил я Фи-у.

- Да, пища.

- А это что? - вскрикнул я, увидев большого и неуклюжего селенита, неподвижно лежащего ничком среди грибов. Мы остановились.

- Мертвый? - спросил я. (До сих пор я еще не видел мертвых на Луне и очень заинтересовался.) - Нет, - ответил Фи-у. - Он рабочий, сейчас нет работы. Лучше немного выпить, - спать, пока не надо. Зачем будить? Незачем болтаться.

- А вот другой! - вскрикнул я.

И действительно весь огромный грибной лес был усеян спящими под действием снотворного селенитами. Они спят до тех пор, пока не понадобятся для работы. Их было множество разных видов, и я мог перевернуть некоторых из них и хорошенько рассмотреть. Когда я их переворачивал, они начинали громко дышать, но не пробуждались. Одного я запомнил очень ясно, так как фигура его при этом странном освещении походила на вытянувшегося человека.

Передние конечности у него состояли из длинных тонких щупалец, приспособленных, очевидно, для какой-то сложной работы, и поза, в которой он заснул, выражала покорное страдание. Без сомнения, с моей стороны было ошибкой таким образом объяснять его выражение, но я это сделал. И, когда Фи-у переворачивал его обратно в сумрак багровых мясистых растений, я снова испытал неприятное чувство жалости, хотя в это время он уже опять походил на насекомое.

Все это свидетельствует лишь о неразумности наших привычных чувств.

Напоить снотворным рабочего, в котором не нуждаешься, и отбросить его в сторону, наверное, гораздо лучше, чем выгонять его с фабрики для того, чтобы он умирал с голоду на улице. В каждом сложном общественном организме время от времени неизбежно возникает безработица, а таким способом эта проблема совершенно устраняется. Однако, как это ни смешно, я не люблю вспоминать об этих телах, распростертых под спокойными светящимися арками мясистых

растений, и избегаю короткого прохода к аппарату, несмотря на то, что более длинный очень шумен и неудобен.

Другой путь ведет меня кругом, через огромную сумрачную пещеру, переполненную и шумную. Здесь я могу наблюдать матерей-селенитов, напоминающих маток пчелиного улья. Я вижу, как они выглядывают из шестиугольных отверстий стены, похожей на соты, или гуляют по широкой площади за стеной и перебирают в руках драгоценности и амулеты, изготовленные для их удовольствия ювелирами с тонкими щупальцами, работающими в подвальных конурах. Они выглядят довольно благородно, фантастически, иногда очень красиво разукрашены, держатся очень гордо, и головки у них крошечные, несмотря на большие рты.

Об условиях жизни различных полов на Луне, о женитьбе и замужестве, о рождении селенитов я до сих пор узнал очень мало. Но ввиду быстрых успехов Фи-у в изучении английского языка я, без сомнения, все это скоро узнаю.

Думаю, что, как у муравьев и пчел, огромное число членов селенитской общины - среднего пола. Конечно, и на Земле есть закоренелые холостяки, которые не живут семейной жизнью. На Луне же, как и у муравьев, это явление сделалось обычным, и необходимое замещение выбывающих членов падает на особый и далеко не многочисленный класс матрон, матерей лунного населения - крупных и статных существ, прекрасно приспособленных к вынашиванию личинок. Если я правильно понял объяснение Фи-у, они не способны ухаживать за молодыми особями, которых производят на свет: периоды наивной привязанности чередуются у них со стремлением к детоубийству, поэтому при первой возможности нежные, мягкие и бледно окрашенные создания передаются на попечение холостых самок, женщин-работниц, которые иногда обладают мозгом почти такого размера, как и у самцов".

К несчастью, здесь сообщение Кейвора прерывается. Отрывистое, вызывающее мучительное чувство неудовлетворенного любопытства изложение этой главы дает нам, однако, представление об этом странном и изумительном мире - мире, с которым, быть может, нам очень скоро предстоит столкнуться.

Перебегающиеся появления посланий из межпланетного мира, шуршание иглы приемного аппарата среди молчания горных склонов - это только первое предостережение человечеству о том, как неожиданно может измениться весь его мир. На спутнике Земли мы находим новые элементы, новые приемы, новые традиции, ошеломляющую лавину новых идей, странную расу, с которой мы неизбежно должны будем бороться за господство и золото в таком же изобилии, как у нас, на Земле, железо или дерево...

Глава 25

ВЕЛИКИЙ ЛУНАРИЙ

Предпоследнее сообщение описывает, иногда очень подробно, встречу Кейвора с Великим Лунарием, правителем и властителем Луны. Кейвор передал большую

часть сообщения, по-видимому, без перерыва, но конец почему-то оборван. Второе же сообщение отправлено после недельного промежутка.

Первое послание начинается так:

"Наконец я могу снова..."

Затем следует неразборчивое место, а потом дальнейший рассказ, начинающийся с середины фразы.

Недостающее слово следующего предложения, по всей вероятности, "толпа".

Дальнейшее же совершенно ясно:

"...становилась все гуще и гуще, по мере того как мы продвигались ближе к дворцу Великого Лунария, если можно назвать дворцом ряд пещер. На меня отовсюду смотрели селениты - мелькали блестящие рябые маски, глаза над уродливо развитым органом обоняния, глаза под огромными нависающими лбами; толпа низкорослых, маленьких существ вертелась вокруг меня, визжала над плечами и под мышками передних насекомых, ко мне вытягивались шлемоподобные лица на извилистых, длинносуставных шеях. По счастью, никто не мог подойти близко: меня окружала охрана из тупоумных, корзиноголовых стражей, которые присоединились к нам после того, как мы вышли из лодки, проплыв вдоль каналов Центрального Моря. К нам присоединился также быстроглазый художник с маленьким мозгом, и целая толпа сухопарых носильщиков качалась и сгибалась под тяжестью всевозможных предметов, которые считались необходимыми мне. Последний отрезок пути меня несли на носилках, сделанных из какого-то гибкого металла, черного и сетчатого, со стержнями из более бледного металла. По мере того, как я подвигался вперед, окружавшая толпа увеличивалась, и постепенно образовалась огромная процессия.

Во главе ее, наподобие герольдов, выступали четыре глашатая с трубообразными лицами, производившие отчаянный шум, впереди и позади моих носилок следовали коренастые решительные стражники, по бокам - блестящее собрание ученых голов, своего рода живая энциклопедия, которые, как объяснил Фи-у, должны были предстать перед Великим Лунарием для переговоров со мной. (Нет такого предмета в лунной науке, нет такой точки зрения или метода мышления, которых не носили бы в своей голове эти удивительные существа!) Затем следовали воины и носильщики, а за ними дрожащий мозг Фи-у, тоже на носилках. Затем двигался Тзи-пафф на менее парадных носилках и, наконец, я - на самых роскошных носилках, окруженный слугами, несущими еду и питье для меня. Потом шли еще трубачи, оглашавшие воздух резкими выкриками, а затем, так сказать, большие умы, специальные корреспонденты, или историографы, на которых возложена была задача наблюдать и запоминать каждую подробность этого выдающегося события. Целый ряд слуг, несших и волочивших знамена, пахучие грибовидные растения и разные символические изображения, терялся сзади во мраке. По пути с обеих сторон стояли шеренгами распорядители и стражи в латах, блестящих, как сталь, а за ними - колыхавшееся море голов.

Признаюсь, я до сих пор не могу привыкнуть к наружности селенитов и, очутившись как бы в муравейнике возбужденных насекомых, чувствовал себя довольно неприятно, словно человек, попавший в царство ужасов. Это чувство уже владело мною однажды в лунных пещерах, когда я оказался безоружным и беспомощным посреди толпы враждебных селенитов, но тогда это ощущение было не так сильно. Это, конечно, неразумное ощущение, и я надеюсь постепенно

победить его. Но когда я двигался вперед в огромном муравейнике селенитов, я с большим трудом подавил в себе желание крикнуть или как-нибудь иначе выразить свое чувство и только изо всех сил вцепился в носилки. Это продолжалось не больше трех минут, потом я вновь овладел собою.

Сначала мы поднялись по отвесной спиральной дороге, затем прошли через анфиладу огромных, тщательно декорированных зал с куполообразными сводами.

Приближение к резиденции Великого Лунария обставлено было, без сомнения, необычайно величественно. Каждая новая пещера, в которую мы вступали, казалась больше предшествовавшей и с более высокими сводами. Это впечатление усиливалось облаками слабо фосфоресцирующего голубого фимиама, который постепенно сгущался и окутывал туманом даже наиболее близкие ко мне фигуры. Мне казалось, что я непрерывно приближаюсь к чему-то огромному, туманному и все менее материальному.

Должен сознаться, что эта процессия заставила меня чувствовать себя очень жалким, даже ничтожным. Я был не брит и не причесан: я не захватил с собой на Луну бритвы, и подбородок мой оброс густой жесткой бородой. На Земле я никогда не обращал внимания на свою наружность и следил только за чистотой, но в этих исключительных условиях, когда я, так сказать, являлся как бы представителем целой планеты и всех земных людей и когда отношение ко мне зависело в значительной мере от того, насколько привлекательна моя наружность, я многое дал бы за более изящный и достойный внешний вид. Я так глубоко верил, что Луна необитаема, что не принял для этого решительно никаких мер. На мне была фланелевая куртка, бриджи и чулки-гольфы до колен, перепачканные лунной грязью, на ногах были туфли с оторванным левым каблуком, а тело прикрыто одеялом (точно так я одет и до сих пор). Острые колючки не способствовали украшению моей наружности, а на одном колене бриджей зияла большая дыра, особенно заметная теперь; когда я колыхался на носилках, правый чулок все время спадал. Мне было очень досадно, что я так недостойно представляю все человечество, и я был бы счастлив, если бы мог изобрести что-нибудь необычное и приукрасить себя, но я ничего не мог придумать. Я сделал все, что можно было сделать из одеяла, то есть набросил его на плечи, как тогу, а затем старался только держаться как можно величественнее на носилках.

Вообразите себе самый огромный зал, какой вам когда-либо приходилось видеть, смутно освещенный голубоватым светом и затененный серо-голубым туманом, кишаций волнующейся массой уродливых разнообразных существ металлического или ярко-серого цвета. Вообразите, что зал заканчивается сводчатым ходом, за которым открывается еще более обширный зал, за этим третий и так далее. В конце же этой анфилады залов смутно виднеется поднимающаяся вверх лестница, напоминающая ступени Ara Coeli в Риме.

Ступени этой лестницы при приближении, казалось, уходили все выше и выше.

Наконец я очутился под огромным сводом и, подняв глаза к вершине ступеней, увидел Великого Лунария, восседающего на престоле.

Он сидел на чем-то, похожем на сверкание голубого пламени. При этом сиянии и окружающей тьме казалось, что Лунарий парит в голубовато-черной пустоте. Сначала он показался мне маленьким светящимся облачком, опустившимся на темный трон. Его мозг имел в диаметре несколько десятков ярдов. Не знаю, как это достигалось, но из-за трона исходили голубые лучи, смыкавшиеся над головой

Лунария ярким ореолом. Вокруг него стояли, поддерживая его, многочисленные слуги и телохранители, крошечные и тусклые в этом сиянии, а ниже в тени огромным полукругом стояли его интеллектуальные советники, его напоминатели, вычислители, исследователи, слуги и другие знатные насекомые лунного двора. Еще ниже стояли привратники и посыльные, затем - стража; у самого же основания лестницы колыхалась огромная, разнообразная, смутная, теряющаяся вдали в полном мраке масса селенитов. Их ноги непрерывно скребли по скалистому полу, а все движения сопровождались каким-то шелестом.

Когда я вошел в предпоследний зал, раздались торжественные звуки музыки; они все ширились, и крики глашатаев постепенно замирали...

Я вошел в последний, самый большой зал...

Моя процессия развернулась веером. Стражи и хранители отошли вправо и влево, и только трое носилок, на которых восседал я, Фи-у и Тзи-пафф, двинулись через сияющий мрак зала по направлению к гигантским ступеням.

Теперь к музыке примешалось какое-то пульсирующее жужжание. Оба селенита сошли с носилок, но мне велели сидеть, - полагаю, в виде особой почести.

Музыка затихла, но жужжание продолжалось, и, точно единым движением, десятки тысяч почтительно повернувшихся голов приковали мое внимание к окруженному ореолом высшему разуму, парившему надо мной.

Сначала, когда я стал всматриваться в лучистое сияние, этот лунный мозг показался мне похожим на опаловый расплывчатый пузырь с неясными, пульсирующими, призрачными прожилками внутри. Затем я вдруг заметил под этим колоссальным мозгом над краем трона среди сияния крошечные глазки.

Никакого лица не было видно - только глаза, точно пустые отверстия.

Сначала я не замечал ничего другого, кроме этих пристальных глаз, но потом различил внизу маленькое карликовое тело с белесыми скорченными, суставчатыми, как у насекомых, членами. Глаза глядели на меня сверху вниз со странным напряжением, и нижняя часть вздутого шара сморщилась.

Слабенькие ручки-щупальца поддерживали на троне эту фигуру...

Это было величественно и в то же время вызывало жалость. Я забыл зал и толпу.

Мои носильщики поднялись по лестнице. Мне казалось, что светящаяся голова распростерлась надо мной, и чем ближе я к ней подходил, тем более она концентрировала на себе все мое внимание. Сгруппировавшиеся вокруг своего властителя толпы слуг и помощников, казалось, растворились во мраке. Я видел, как темные слуги опрыскивали охлаждающей жидкостью этот гигантский мозг, поглаживали и поддерживали его. Я сидел, ухватившись за свои колыхающиеся носилки, и не мог оторвать взгляд от Великого Лунария.

Наконец, когда я достиг маленькой площадки шагах в десяти от престола, гул музыки достиг своего апогея и оборвался. Я был как бы распластан перед испытующим взглядом Великого Лунария.

Он разглядывал первого человека, которого увидел...

Я перевел наконец глаза с этого воплощенного величия на толпившиеся вокруг него в голубом тумане бледные фигурки, а потом на собравшихся у подножия лестницы селенитов, стоявших в молчаливом ожидании. И снова мною овладел невыразимый ужас... Но только на мгновение.

После паузы наступил момент приветствия. Мне помогли слезть с носилок, и я неуклюже стоял, в то время как два изящных сановника торжественно предельвали

передо мной целый ряд любопытных и, без сомнения, глубоко символических жестов. Энциклопедический синклит ученых, сопровождавших меня до входа в последний зал, появился двумя ступенями выше, слева и справа от меня, готовый к услугам Великого Лунария, а Фи-у, с его бледной головой, поместился на полпути от меня к трону, чтобы служить, посредником между нами, и так, чтобы не поворачиваться спиной ни к Великому Лунарию, ни ко мне. Тзи-пафф поместился позади Фи-у. Шеренги придворных боком подвигались ко мне, с лицами, обращенными к Властителю. Я сел по-турецки, а Фи-у и Тзи-пафф, в свою очередь, стали на колени. Снова наступила пауза.

Ближайшие придворные смотрели то на меня, то на Великого Лунария, а среди толпы слышался тихий свист и писк нетерпеливого ожидания.

Вдруг жужжание замерло.

В первый и последний раз за все мое пребывание на Луне установилась полнейшая тишина.

Вслед за тем я услышал какой-то слабый звук. Великий Лунарий обращался ко мне - точно кто-то скреб пальцем по оконному стеклу.

Я внимательно следил за ним некоторое время, а затем взглянул на насторожившегося Фи-у. Среди этих тощих существ я казался себе невероятно толстым, мясистым и плотным, особенно моя голова с громадными челюстями и черными волосами. Я снова уставился на Великого Лунария. Он умолк. Его слуги засуетились, и сияющая поверхность его головы оросилась и засверкала охлаждающей жидкостью.

Фи-у на некоторое время погрузился в размышление. Он посоветовался с Тзи-паффом. Затем начал пищать по-английски, он, видимо, волновался, и его нелегко было понять:

- Гм... Великий Лунарий... хочет сказать, хочет сказать... он догадывается, что ты... гм... люди, что ты человек с планеты Земля. Он хочет сказать, что приветствует тебя, приветствует тебя... и хочет, так сказать, познакомиться с устройством вашего мира и причиной, почему ты прибыл в наш мир.

Он умолк. Я уже готов был ответить, но он снова заговорил. Он сделал несколько неразборчивых замечаний, очевидно, какие-то приятные слова по моему адресу. Он сказал, что Земля для Луны - то же, что Солнце для Земли, и что селениты очень хотят узнать про Землю и людей. Он сообщил мне также - без сомнения, тоже из любезности - и разницу в объемах и диаметрах Земли и Луны и выразил удивление и желание поразмыслить, которые всегда вызывала в селенитах наша планета. Я стоял, потупив глаза, и, подумав, решил ответить, что и люди, со своей стороны, интересуются Луной, но считают, что она мертва, и никак не ожидают, что здесь есть такое великолепие.

Великий Лунарий в знак того, что понял меня, стал поворачивать, как прожектор, свои длинные голубые лучи, и весь огромный зал огласился пискom, шепотом и шуршанием в ответ на мой рассказ. Затем Лунарий задал Фи-у целый ряд вопросов, на которые было гораздо легче ответить.

Он понимает, сказал Властитель, что мы живем на поверхности Земли, что наш воздух и море находятся снаружи шара, - все это он знает уже давно от своих астрономов. Но он желает иметь более подробные сведения об этом, как он выразился, необыкновенном явлении, так как твердость Земли всегда склоняла их к мысли, что она необитаема. Он хотел прежде всего узнать, какие крайние

температуры существуют на Земле, и очень заинтересовался моим рассказом о тучах и дожде, сопоставив его с тем, что лунная атмосфера во внешних галереях нередко очень туманна. Он удивился, что солнечный свет не слепит наших глаз, и заинтересовался моей попыткой объяснить ему, что голубая окраска неба происходит от преломления света в воздухе, хотя я сомневаюсь, чтобы он это понял. Я объяснил, каким образом радужная оболочка человеческого глаза способна вызывать сокращение зрачка и охранять неясную внутреннюю ткань от избытка солнечного света, и мне позволили приблизиться и остановиться на расстоянии нескольких футов от Властителя, чтобы он мог рассмотреть устройство моего глаза. Это привело нас к сравнению лунного и земного глаза. Первый не только необыкновенно чувствителен к такому свету, какой свободно выносят люди, но может видеть теплоту, и малейшая разница в температуре на Луне делает предметы видимыми для него.

Радужная оболочка оказалась органом, совершенно неизвестным Великому Лунарию. Некоторое время он забавлялся тем, что устремлял свои лучи на мое лицо и наблюдал, как сокращаются мои зрачки. Эти опыты на некоторое время ослепили меня...

Но, несмотря на эти неудобства, я почувствовал себя спокойнее: эти вопросы и ответы были как-то привычны, обычны. Я мог закрыть глаза, обдумать свой ответ и почти забывал, что Великий Лунарий безлик...

Когда я снова спустился по ступеням на отведенное мне место, Великий Лунарий спросил, как мы защищаемся от жары и бурь, и я объяснил ему постройку и оборудование наших зданий. Здесь мы натолкнулись на недоразумения и непонимание, возникавшие, как я полагаю, из-за неточности моих выражений. Долгое время я никак не мог объяснить ему, что такое дом.

Ему и его приближенным, без сомнения, показалось очень странным, что люди строят дома, вместо того, чтобы просто спускаться в кратеры. Новое недоумение было вызвано моей попыткой объяснить, что первоначально люди жили в пещерах и что теперь они проводят железные дороги и переносят многие службы под землю. Я думаю, что чересчур увлекся в своем стремлении к научной полноте. Такое же недоумение вызвала моя попытка объяснить устройство рудников. Оставив наконец эту тему, так ничего и не поняв, Великий Лунарий спросил, что мы делаем с внутренностью нашего шара.

По всему собранию до самых отдаленных углов прокатился писк, когда выяснилось, что люди почти ничего не знают о недрах того мира, на поверхности которого росли и развивались бесчисленные поколения наших предков. Мне пришлось три раза повторить, что из четырех тысяч миль между поверхностью Земли и ее центром людям известна только одна четырехтысячная часть, что они знают Землю до глубины одной мили, да и то в самых общих чертах. Великий Лунарий спросил было, что побудило меня явиться на Луну, если мы не изучили еще и нашей собственной планеты, но его больше интересовали подробности относительно условий жизни на Земле, перевертывающие все его обычные представления, и он не просил ответа на свой первый вопрос.

Он занялся вопросами о погоде, и я попытался описать ему непрерывное изменение неба, снег, мороз, циклоны.

- Но ночью разве не холодно? - спросил он.

Я ответил, что ночью холоднее, чем днем.

- А разве ваша атмосфера не замерзает?

Я ответил, что нет, что холод у нас незначительный и ночи коротки.

- И воздух не делается жидким?

Я, уже готов был дать отрицательный ответ, но вспомнил, что по крайней мере часть нашей атмосферы - водяные пары - превращается в жидкость и образует росу, а иногда замерзает и образует иней - процесс, совершенно аналогичный замерзанию внешней атмосферы Луны во время ее долгой ночи. Я изложил все это, и Великий Лунарий принялся расспрашивать меня о сне.

Потребность в сне, являющаяся регулярно каждые двадцать четыре часа у всех земных существ, составляет, по его мнению, явление земной наследственности. На Луне селениты отдыхают редко, после исключительных физических усилий. Затем я попытался описать ему блеск летней ночи на Земле и перешел к описанию тех животных, которые ночью бродят, а днем спят. Я стал рассказывать ему о львах и тиграх, но он, по-видимому, совершенно ничего не понял. Дело в том, что если не считать чудовищ Центрального Моря, то на Луне нет таких животных, которые не были бы приручены и одомашнены селенитами, и так было с незапамятных времен. У них имеются разные морские чудовища, но нет хищных зверей, и им непонятна мысль о каком-то большом и сильном звере, подстерегающем их во мраке ночи...

(Далее следует пробел слов в двадцать, которые невозможно разобрать.) Он заговорил со своими приближенными, как мне показалось, о странном легкомыслии и неразумии человека, живущего исключительно на поверхности Земли, подверженного всем переменам погоды, не сумевшего даже покорить себе зверей, которые кормятся его собратьями, и, однако же, дерзнувшего перелететь на чужую планету. Во время этой беседы я сидел в стороне, погруженный в размышления. После этого я, по его желанию, рассказал ему о различных породах людей.

Он засыпал меня вопросами.

- И для всех видов работы у вас существует одна порода людей? Но кто же мыслит? Кто управляет?

Я коротко описал ему наше общественное устройство.

Он приказал sprysнуть свою голову охлаждающей жидкостью, а затем потребовал, чтобы я повторил свое объяснение, ибо он чего-то не понял.

- Разве они не заняты каждый своим делом? - спросил Фи-у.

- Некоторые из них, - ответил я, - мыслители, другие - служащие, одни охотники, другие - механики, третьи - артисты, четвертые - ремесленники.

Но все принимают участие в управлении.

- Но разве они не различно устроены для различных занятий?

- Особой разницы, кроме одежды, нет, - сказал я. - Их мозг, может быть, и отличается немного один от другого, - прибавил я, поразмыслив.

- Их умы должны сильно отличаться, - заметил Великий Лунарий, - иначе они все захотят делать одно и то же.

Для того, чтобы как можно лучше приспособиться к его представлениям, я заметил, что его предпосылка совершенно правильна.

- Все различия скрыты в мозгу, - сказал я. - Но это незаметно снаружи.

Быть может, если б можно было увидеть умы людей, они оказались бы столь же различными и неравными, как и у селенитов. Оказалось бы тогда, что есть более и менее способные люди, люди, видящие далеко вперед, и люди, бегущие очень

быстро, люди, ум которых напоминает трубу, и люди, которые могут вспоминать не думая...

(Три следующих слова неразборчивы.) Он прервал меня, чтобы напомнить мне о моем прежнем заявлении.

- Но ты сказал, что все люди управляют? - настаивал он.

- До известной степени, - ответил я и, как мне кажется, еще более запутал вопрос. Он попытался нащупать что-либо конкретное.

- Ты хочешь сказать, - спросил он, - что на Земле нет Великого Властителя?

В моем уме промелькнули различные имена, но в конце концов я подтвердил, что такого нет. Я объяснил ему, что все диктаторы и короли обычно кончали тем, что предавались пьянству и разврату или становились убийцами и что, во всяком случае, большая и влиятельная часть населения Земли, к которой принадлежу и я, - англичане - не собираются вновь устанавливать у себя такой порядок. Это еще более изумило Великого Лунария.

- Но каким образом вам удастся сохранить хотя бы ту мудрость, которая у вас есть? - спросил он.

И я объяснил ему, как мы стараемся прийти на помощь ограниченности нашего... (тут не хватает одного слова, вероятно, "ума"), применяя книги и библиотеки. Я объяснил ему, как развивается наша наука благодаря соединенным усилиям бесчисленного количества маленьких людей. На это он ничего не возразил, заметив только, что мы вопреки нашей социальной дикости, очевидно, многого достигли, иначе мы не могли бы попасть на Луну.

Однако контраст слишком велик. Селениты вместе с накоплением знаний росли и изменялись; люди же накопили знания и остались животными, снабженными знаниями. Он сказал это... (далее неразборчиво).

Затем он заставил меня рассказать, как мы путешествуем вокруг Земли, и я описал ему наши железные дороги и пароходы. Некоторое время он не мог поверить, что мы познакомились с употреблением пара всего лишь около ста лет назад. Но когда он в этом убедился, то очень был изумлен. (Здесь, кстати, следует упомянуть очень интересный факт: у селенитов единица измерения времени, так же как и у нас, - год, но я не понимаю их системы исчисления. Впрочем, это не играет никакой роли, так как Фи-у усвоил нашу систему.) Потом я рассказал, что люди впервые стали селиться в городах только девять или десять тысяч лет назад и что мы до сих пор не соединены в одно общество и живем в государствах с различными формами правления; когда это было объяснено Великому Лунарию, он очень удивился. Сначала он подумал, что у нас имеются просто административные деления.

- Наши государства и империи - только грубые очертания будущего общества, - сказал я и рассказал ему... (Здесь следует тридцать или сорок неразборчивых слов.) Великий Лунарий удивился, что люди стремятся сохранить разные языки.

- Они хотят в одно и то же время и общаться друг с другом и не общаться, - заметил он и потом долго расспрашивал меня о войнах.

Сначала он был потрясен и не поверил мне.

- Ты хочешь сказать, - спросил он, как бы недоумевая, - что вы рыскаете по поверхности вашего мира - того мира, богатства которого вы едва затронули, убивая друг друга, как убивают звери для еды?

Я должен был признаться, что это так.

Он стал расспрашивать меня о подробностях.

- Но разве не наносится при этом ущерб вашим судам и вашим несчастным маленьким городам? - спросил он.

И я заметил, что порча имущества и судов во время войны производит на него почти такое же впечатление, как убийства.

- Расскажи мне подробней, - сказал Великий Лунарий. - Покажи мне это ясней. Я не могу ничего понять.

И тут я, хоть и не очень охотно, стал рассказывать ему историю земных войн.

Я рассказал ему о началах и церемониях войны, о предупреждениях и ультиматумах, о маршировке и боевых походах. Я дал ему представление о маневрах, позициях и боях. Я рассказал ему об осадах и атаках, о голоде и тяжких страданиях в траншеях, о часовых, замерзающих в снегу. Рассказал о поражениях и нападении врасплох, о безнадежных сопротивлениях и безжалостном преследовании бегущих, о трупах на полях сражения. Я рассказал, кроме того, о прошедших временах, о нашествиях и избиениях, о гуннах и татарах, о войнах Магомета и калифов и о крестовых походах. По мере того как я рассказывал, а Фи-у переводил, селенитов охватывало все большее волнение, и они пищали все громче.

Я рассказал ему про орудия, которые стреляют, выпускают снаряды в тонну весом и на расстоянии двенадцати миль способны пробить железную броню толщиной в двадцать футов, и про подводные торпеды. Я описал ему действие пулеметов и все, что я мог вспомнить о битве при Коленсо. Великий Лунарий едва верил всему этому и часто прерывал перевод моих слов, чтобы услышать от меня подтверждение правильности этого перевода. Особенно сомнительным показалось ему мое описание людей, пирующих и веселящихся перед...

(битвой?).

- Но, конечно, они не любят войны? - перевел мне Фи-у.

Я заверил их, что многие люди смотрят на войну как на самое славное призвание в жизни, и это поразило всех селенитов.

- Но какая польза от этих войн? - настаивал Великий Лунарий.

- Какая польза? - ответил я. - Война уменьшает население!

- Но зачем это нужно?

Наступила пауза. Его голову обрызгали охлаждающей жидкостью, и он снова заговорил..."

Уже с того момента, когда в рассказе упоминается об абсолютной тишине перед началом речи Великого Лунария, в приемник стали попадать какие-то другие волны, которые очень мешали восприятию сигналов Кейвора, а на этом месте они вообще все заглушили. Эти волны, очевидно, результат радиации из какого-то лунного источника, но их настойчивое чередование с сигналами Кейвора указывает на оператора, умышленно старающегося перебить сообщение Кейвора и сделать его неразборчивым. Сначала эти волны были короткие и правильные, так что при некотором напряжении, с потерей немногих слов мы все же могли расшифровать сообщение Кейвора; потом они стали длиннее и более неправильными, как будто намеренно проводили нечто вроде черты поперек письма. Долгое время ничего нельзя было поделаться с этими нелепыми зигзагообразными знаками, потом

неожиданно путаница прекратилась, оставив несколько слов ясными, а затем опять возобновилась и продолжалась на протяжении всего сообщения, совершенно заглушив все, что Кейвор пытался передать. Если это действительно было умышленное вмешательство, то почему селенитам понадобилось предоставить Кейвору, который понятия не имел о помехах, возможность продолжать свою передачу? Почему селениты предпочли этот способ, а не приостановили сигнализации Кейвора - ведь это было бы проще и вполне зависело от них, - на этот вопрос я ответить не могу. Но случилось именно так, и это все, что я могу сказать. Последняя часть описания аудиенции у Великого Лунария начинается с середины фразы:

"...настойчиво расспрашивали меня о моей тайне. Скоро мы с ними поняли друг друга, и я наконец узнал то, что очень меня изумляло: почему при такой необычайно развитой науке они не додумались до кейворита? Я убедился, что они знакомы с ним теоретически, но считали изготовление его практически невозможным, потому что на Луне нет гелия, а гелий..."

Поперек последних букв слова "гелий" снова легла черта. Заметьте слово "тайна", так как на этом слове, и на нем одном, я основываю свое толкование нижеследующего послания - последнего послания, которое, по нашему мнению, отправил Кейвор, и последнее, что нам суждено от него услышать.

Глава 26

ПОСЛЕДНЕЕ СООБЩЕНИЕ КЕЙВОРА НА ЗЕМЛЮ

Так неудачно обрывается предпоследнее сообщение Кейвора. Кажется, будто видишь, как он суетится в голубом мраке у своего аппарата и до последней минуты подает сигналы на Землю, совершенно не подозревая, какая разделяет нас завеса путаницы, не подозревая о последних, уже подстерегающих его опасностях. Полнейшее отсутствие элементарной жизненной хитрости погубило его. Он говорил о войнах, он рассказывал о силе людей и их неразумном стремлении к власти, об их неутолимой жажде завоеваний и неумении жить мирно и спокойно. Он сделал человечество предметом ужаса и отвращения для всего лунного мира, и, наконец, я убежден, у него вырвалось самое роковое признание, а именно, что только от него одного зависит - по крайней мере на долгое время - возможность появления на Луне других людей. Мне ясно, как на это неминуемо должен был реагировать холодный нечеловеческий разум лунного мира, и, вероятно, какое-то подозрение закралось и в его душу. Я представляю, с каким тяжелым предчувствием бродил Кейвор по Луне, все больше и больше осознавая, что он наделал. Великий Лунарий, вероятно, некоторое время обдумывал создавшееся положение, и Кейвор расхаживал по Луне так же свободно, как и раньше. Но, очевидно, что-то помешало ему добраться до электромагнитного аппарата после того, как он отправил только что изложенное сообщение. Несколько дней мы от него ничего не получали.

Может быть, состоялись новые аудиенции, где он пытался исправить и смягчить созданное им впечатление? Кто знает!

И вдруг совершенно как предсмертный крик в тиши глубокой ночи слетело с неба последнее сообщение, самое короткое из всех: обрывки двух фраз.

Первая:

"Я поступил безумно, рассказав Великому Лунарию..."

Затем пауза, наверно, с минуту, - видно, что-то помешало. Представляю себе: он отошел от машины, стоит в нерешительности среди неясной громады аппарата, в сумрачной, освещенной голубым светом пещере... внезапно с отчаянием бросается назад к аппарату, но слишком поздно... Затем торопливо переданные слова:

"Кейворит делается так: возьмите..."

И еще одно слово, совершенно лишенное смысла: "лезно".

И это все.

Быть может, в последний роковой момент он хотел сказать, что все "бесполезно". Мы не знаем, что произошло там, возле этого аппарата. Но что бы там ни случилось, ясно одно: мы не получим больше сообщений с Луны. Что касается меня, то я вижу эту картину так же ясно, как если бы я тоже был там: облитый голубоватым светом, похожий на призрак, всклокоченный Кейвор отчаянно вырывается из щупальцев отвратительных насекомых, борется из последних сил, а они напирают на него, пищат, чирикают, быть может, бьют его; шаг за шагом он отступает все дальше от последней возможности обратиться к своим земным сородичам и погружается в Неизвестность, во мрак, в молчание, которому нет конца...

64

<http://book.zehinli.info>

63